ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:
В. Н. Бараков
Н. В. Возжаева
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
А. В. Пиценко
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татаринов
А. А. Фокин
Е. В. Хомутов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА
Д. К. Диденко

ДИЗАЙН
И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА
Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР
Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 1 (106) 2025 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

СОУЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ № 338
Тираж номера 700 экз. **Свободная цена.**

Подписано в печать 05.03.2025 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода 19.03.2025 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань».
Адрес типографии:
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ИВАН ВАРАВВА
«НА МИР ВЗИРАЯ ДОБРЫМ ВЗГЛЯДОМ...» 6

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА
«ЧТО СЕГОДНЯ ХОЧЕТСЯ ВЧЕРА…» 16

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА
«ПРЕВЫШЕ ВРЕМЕНИ И СМЕРТИ…» 20

СЕРГЕЙ МАТЫЦИН
«ДЕРЕВО. И СЫН. И ДОМ…» 24

РОМАН БАШКАРДИН
«ПРОРАСТАЕТ ТВОЯ ВЕСНА…» 28

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ
ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ 36

ОЛЕГ ВИЗЕР
ЖЕСТОКОСТЬ 48

ДМИТРИЙ ЧУРКИН
НАШ ОБЩИЙ ПУТЬ 60

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ
ПАМЯТИ ИВАНА ВАРАВВЫ 68

РОДИНОВЕДЕНИЕ

ОЛЕГ МАТВЕЕВ
«СТАНИЦА ОСВЕЩАЕТСЯ… "НЕБЕСНЫМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ"»:
ЖУРАВСКАЯ ГЛАЗАМИ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА 80

КОНСТАНТИН ГУСЕВ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ 90

ГОСТЬ НОМЕРА

О РУССКИХ ОРЛАХ, СВЕТОЧАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ РОССИИ
Беседа Даниила Диденко с Андреем Фефеловым 98

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ТАТЬЯНА ШТЕЙНИК
ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ВАРАВВЫ 110

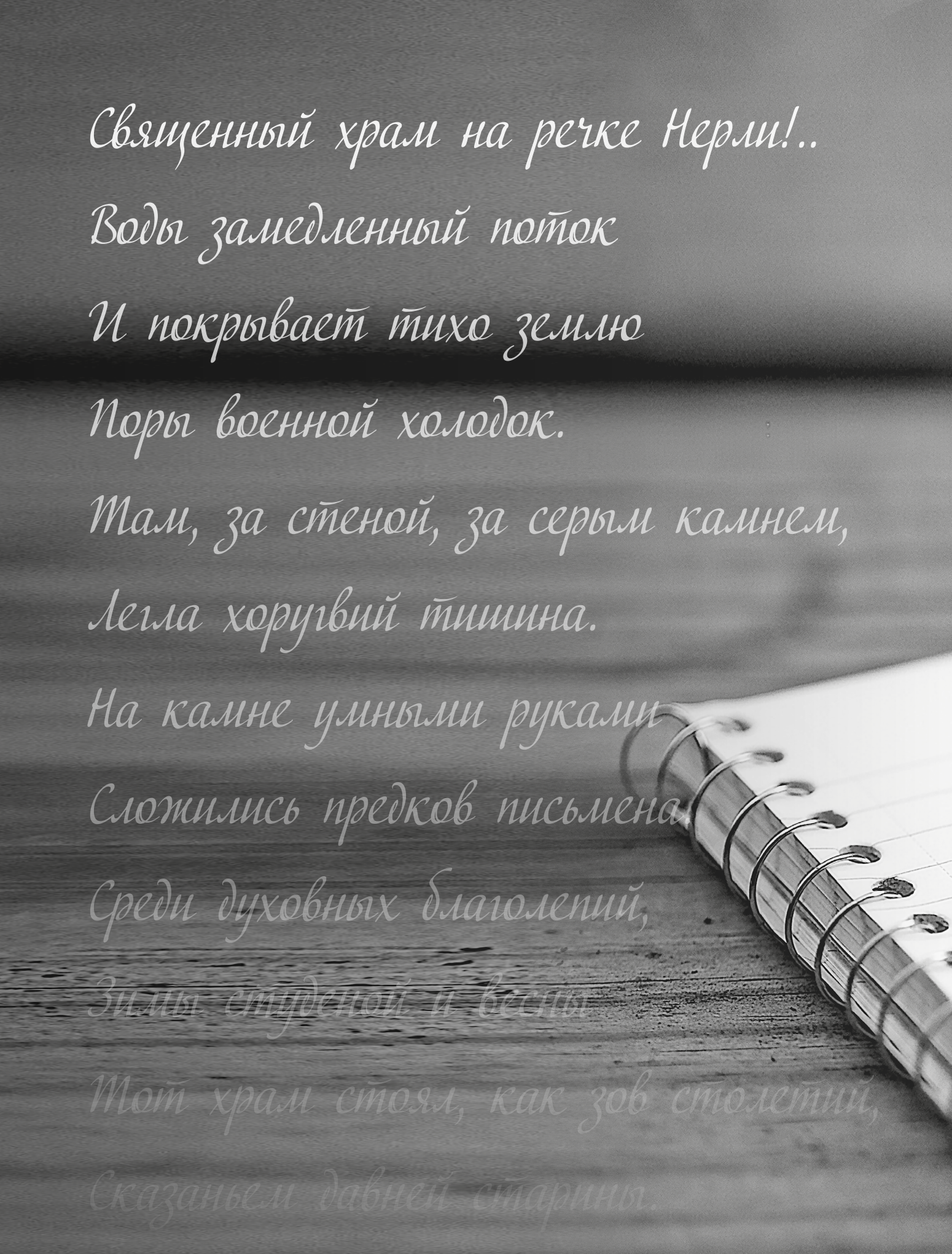
ЮРИЙ ПАВЛОВ
ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ БОЛЕЗНИ
СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ И ЖУРНАЛИСТИКИ 116

ДАРИНА ИГНАТЕНКО
«АФАЗИЯ», ИЛИ ТЕАТР АБСУРДА 132

МАРИЯ АЛДИНА
ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» КАК «ОСТРОВ СВОБОДЫ»
ДЛЯ РЕЛОКАНТОВ 136

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ 140

Священный храм на речке Нерли!..
Воды замедленный поток
И покрывает тихо землю
Поры военной холодок.
Там, за стеной, за серым камнем,
Легла хоругвий тишина.
На камне умными руками
Сложились предков письмена.
Среди духовных благолепий,
Зимы студеной и весны
Тот храм стоял, как зов столетий,
Сказаньем давней старины.

ПОЭЗИЯ

Ивану Варавве – 100 лет!

ru.freepik.com

Библиотека Вараввы

ИВАН ВАРАВВА

(1925–2005)

Родился в донской Раковой слободе (с. Новобатайск). Русский поэт, драматург, прозаик, журналист. Участник Великой Отечественной войны. Герой труда Кубани.

«НА МИР ВЗИРАЯ ДОБРЫМ ВЗГЛЯДОМ...»

***

Все, чем жив, что ведаю и знаю,
Что добыл в походе и в бою,
Моему отеческому краю
В доброе наследство отдаю.

Отдаю весну родной станицы,
С грозовою верностью сердец,
Зрелый колос радужной пшеницы
И цветок казачий воронец.

Край родной!.. Сады твои и нивы,
Цепи гор, седая даль морей…
Был бы ты, а мы-то будем живы
Щедростью и радостью твоей.

Чем богат, что ведаю и знаю.
Что добыл в походе и в бою –
Дорогому солнечному краю
В вечное наследство отдаю.

***

На хуторе нашем вишневом
У чистой Криничной воды
Девчата справляют обновы,
К заре поднимают цветы.

И те становые цветочки,
Как щедрой Кубани молва,
Шитьем украшают сорочки,
Подолы рубах, рукава.
На хуторе нашем вишневом,
Где катится речка вольна,
В красивых девичьих обновах
Весь год пламенеет весна.
Проезжий нездешний, прохожий
Заметит у тихой воды:
Здесь даже одежды похожи
На степь, огороды, сады.
На хуторе нашем вишневом
Весною дорога бела
От вишен в цветении новом,
От их молодого тепла.
Я тоже однажды недаром
Из хутора в стылый мороз
Бесценный домашний подарок –
Весну на рубашке – принес.

***

В святом углу горит лампадка,
Латунный свет в окне дрожит.
Господний образ для порядка
Глазами землю сторожит.
На мир взирая добрым взглядом,

Не погрязая в суете,
Идет Господь цветущим садом,
Даруя милость во Христе.
Мы небо просим о прощенье
И отпущении грехов.
Святого просим снисхожденья
Для наших пакостных врагов!
Он строг к тому, кто сыт грехами,
Кто род людской в порог втоптал:
Оставил крест, звеня деньгами,
Меня, унизив, оболгал.
Бог улей шмеля растревожил,
Порока бич – противен злу.
Распяли Господа, но ожил
Иисус Христос, идя к добру.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛЬ

В краях, где младенца Исуса нашли,
Три дерева в жарком песке возросли:
Олива, и пальмы высокий султан,
И елочка – дочь наших северных стран.

Затеплился свет Вифлиемской зари,
Природа Христу преподносит дары:
Олива плоды золотые с ветвей
И пальма – от солнца крылатую тень!

А юная елочка…Что ей нести? –
Одни лишь колючки в еловой горсти.
Заплакала елка слезой смоляной,
Увидела слезы звезда под луной.

И что-то шепнула соседней звезде…
Задумались звезды в своей высоте.
Великое чудо свершилось окрест:
Посыпались звезды на землю с небес.

Упали искринки на веточки вниз,
И звездочки-свечки на елке зажглись.
Понравилась елка Исусу Христу,
С тех пор украшают ее к Рождеству.

ХРАМ НА РЕКЕ НЕРЛИ

Священный храм на речке Нерли!..
Воды замедленный поток
И покрывает тихо землю
Поры военной холодок.
Там, за стеной, за серым камнем,
Легла хоругвий тишина.
На камне умными руками
Сложились предков письмена.
Среди духовных благолепий,
Зимы студеной и весны –
Тот храм стоял, как зов столетий,
Сказаньем давней старины.
В нем сон несбывшегося рая,
Мольбы разбуженной толпы.
Дружин, что встали на Мамая –
Оруженосные столпы…
И потрясенья, и победы,
Земные радости и беды…
И плач славянок по дворам –
Все воскресил высокий храм!

Ударил звон над головой;
В нем славен мертвый и живой.
…Мы церковную влагу из братины пили,
Помолившись на древних Руси берегах.
Мы свои знамена в том краю освятили, –
Возвышаться в веках!

ПЕСНЯ ЗАПОВЕДНАЯ

Закатилось красно солнце
В темь, за полем брани.
А я, ратный казаченька, –
Богу помолился:
– Аллилуйя, земь и небо, –
Слава тебе, Боже!..
Как собьют меня с конечка
Саблей, то ли пулей –
Ничего мне не потребно,
Ничего не нужно.
Только будет мне потребно
Земли один сажень,
Один сажень земелюшки
Да четыре доски…
– Аллилуйя, земь и небо, –
Слава тебе, Боже!
Как подымут бело тело,
Понесут до церкви,
Как зазвонят во все звоны,
Во все колоколы.

ПЛАЧ НЕВОЛЬНИКОВ

…Это бедные невольники
В тяжкой турецкой неволюшке
Плакали-рыдали, гей!..
К небу руки возносили
Они, простирали,
Кандалами крепкими гремели,
Бога милосердного просили,
Умоляли, гей!..
– Гей, подай нам, Боже,
С неба мелкий дождичек,
А снизу буйный ветер…
– Гей, земля чужая,
Ты, земля турецкая!
Вера твоя клятая, басурманская,
Ты разлука наша христианская!..
Гей, выручи, вызволь нас,
Вызволь же ты, Господи,
Всех бедных невольников
Из тяжкой
Турецкой неволюшки
На тихие воды,
На ясные зори –
В край наш веселый,
В народ христианский,
В земли славянские…

ПРЕДАНИЕ О ТРЕХЦВЕТНОМ ФЛАГЕ

…Всевышний Бог пропасть не дал,
Судьбу поставивши на карту.
Он к той земле пришвартовал
Нуждой гонимую эскадру.

И там на грозных кораблях,
Вдали от попранной России,
Стоял над морем русский флаг,
Триколер: бело-красно-синий.

С плеча снимали патронташ
Матросы северной державы.
Вписались в пальмовый мираж,
Воздвигли храм золотоглавый.

И, поклонившись образам,
Судьбу слепую не корили;
Полям и северным лесам
Молитву жаркую творили…

МОИМ КЛЕВЕТНИКАМ

Мы зло фашизма штурмовали,
Вертеп коричневой чумы.
Они ж нас грубо оболгали:
«Красно-коричневые» мы!..

А красный цвет –
Цвет нашей крови:
Десницей Божьей осиян,
Склонилась вечность в изголовье
Над прахом павших россиян…

Штурмуют всё, что было свято,
России псевдодемократы –
Отцов беспутные сыны!

СОТНИК

Башлык и сабля на стене,
Горит лампада под божницей,
А в сенцах в гулкой тишине
Ржавеет батькина рушница…

Сквозь сон тревожный по стеклу
Танцуют огненные блики,
И окунаются во мглу
В иконах праведные лики.

…Казачьи сотни землю бьют,
И из разорванных туманов
Их окликают атаманы,
Им волю дикую дают!

То было в яве и во сне…
Горит лампада под божницей,
Башлык и сабля на стене,
А в сенцах – батькина рушница.

СЫНЫ ЗАВЬЮЖЕННОЙ ПОБЕДЫ

Оставив горести и беды
В домашней бытности земной,
Сыны завьюженной Победы
Уходят ныне в мир иной,
Куда сошли однополчане
В разливе шквальных канонад.
Идут седые ветераны,
Не возвращаются назад.

Бредут связисты и саперы,
Им дверь Эдема отперта –
Собой восполнить недоборы
Святого воинства Христа.
Звенят прощальные дороги,
Кричат над ними журавли.
Солдаты Родины чертоги
Своею жизнью сберегли.

ВЕЧЕРНИЙ БЛАГОВЕСТ

Мой край родной, пшеничный, величавый!
Я слышу благовест твоих былых веков,
Я вижу твой собор девятиглавый
В сиянье византийских куполов.

Войду в собор под дымчатые своды,
Коленопреклоненно помолюсь
За все мои удачи и невзгоды,
Что мне дала моя казачья Русь!..

Святой собор засветится хрустально,
Колоколами древними звеня,
Мой край родной, тревожно и печально
За твой разор сегодняшнего дня…

Не уходите, добрые надежды,
Не поломайтесь, тонкие клинки!..
Мой край родной возвысится, как прежде,
И заживут, как жили, казаки.

ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Над куренями звон чудесный,
Вещая благо, стоны мчит.
В усталом теле рай небесный
Пробудит звон ненарочит.

Он к долу льнет, стеная, плачет,
Сзывает к благости народ.
В суровой памяти казачьей
Молитва дедов не умрет!

И путник, зноем утомленный,
В своей библейской наготе,
Под чистотою меднозвонной
Склоняет выю во Христе.

Добро сердец не заглушая,
В затворах тюрем и оков
Казачьи души возвышает,
«Лунает» звон колоколов!

И близость ратности походной,
И новых суетность времен
Вещает медный, колокольный
Церковный звон, небесный звон.

ИСХОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

С тех пор, как Мать Иисуса породила,
Округлен знак боренья христиан…
Еще виток вкруг звездного светила,
И Мир Господним светом осиян.

Свой звон сольют в удары роковые
Куранты с башен древнего Кремля.
И сменятся Вселенной часовые:
Восстанет обновленная Земля!

Духовному началу дань возносим,
Рожденные величием небес…
Мы Божьего прощения попросим
За все, чем нас унизил блудный бес.

И в храм войдем – мятежных душ обитель,
Поклонимся, как предки, всем святым!..
И с верой во Христе,
И с Ангелом-Хранителем
Затеплим свечи мертвым и живым.

С НЕБЕСНОЙ ВЕРОЙ

Когда поверил в Бога человек,
И наше время вере этой радо,
Не надо помыкать им в трудный век,
Корежить жизнь насилием не надо!
Пусть пылко любит розовую цветь,
Не устает надеяться и верить…
Не научился б только лицемерить
И безучастно в будущность глядеть.
Пусть учит землю грешную зернить,
Работать до спасительного пота,
И разума распутывает нить,
Коли дойти до истины охота.

А МЫ ИДЕМ ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Все было в жизни у меня:
Свой плуг, и дом, и сад.
Своя семья, своя родня.
И в этом – лад и склад!

В саду цветы – для красоты,
Пшеница – для добра,
Лет голубей – для высоты,
Бумага – для пера.
Окно – для солнца,
Для весны – деревья и трава,
Степной простор – для тишины,
Для разума – слова.

Мужай, до старости живи,
Как здесь заведено:
Весна и звезды – для любви,
Для свадьбы – мед-вино.

…Растоптан сад, разрушен дом,
В окне косая тень.
И голубь раненным крылом
Царапает плетень.

Накрыта бомбой тишина
Безоблачного дня,
Затмила солнце пелена
Из смрадного огня.

А мы идем за рядом ряд,
Идем через войну.
И верим: все вернем назад –
И солнце, и весну!

Цветы и звезды для любви,
Для свадьбы мед-вино.
В пекучей вымокло крови
Шинельное сукно.

МАТЬ

На больших руках усталой матери
Умирал ее последний сын.
Полевые ветры тихо гладили

Серебристый лен его седин.
Гимнастерка с воротом распахнутым
Задубела пятнами на нем.
Из тяжелых ран
В сырую пахоту
Опадала кровь его огнем.
– Я ль тебя, сыночек, не лелеяла,
Я ль тебя, родной, не берегла?..
Ясны очи,
Кудри эти белые,
Силу богатырскую дала.
Думала – сойдутся в жизни праздники…
Ты последней радостью мне был!
А теперь твои закрылись глазоньки,
Белый свет в ресницах стал не мил.
Увидав ее слезинку грустную,
Обступили мать среди полей
Девять бед, разбивших сердце русское,
Девять павших в битве сыновей.
Стыли танки, громом раскурочены,
Заступали кони повода.
…Встала мать в селе на главной площади
И окаменела навсегда.

***

Отзовитесь, друзья! Белозубые крепкие хлопцы,
Побратимы мои, ветераны родимой земли.
Сколько сбито подков,
каблучков у заветных колодцев,
Сколько раз у дощатых оград панычи отцвели.

Отзовитесь, друзья!
Ваши девушки стали седыми,
Ваши мамы состарились, выплакав с горя глаза.
И другими руками, делами других молодыми
Засеваются нивы, вздымаются строек леса.

Мчит планета-земля
бороздою извечной орбиты,
Что несет, голубая,
повитая в розовый дым?
На дорогах войны греет солнце
курганы и плиты…
Павшим – память о них, а живое – живым.

***

Выйду в степь, на поля плодородные,
Поднимусь на высокий курган.
Ты цвети, моя милая Родина,
Колыхая хлебов океан.

***

Раскинет объятия поле,
И я его былью дышу.
По воле иль трудной неволе
К нему, как на крыльях, спешу.

Средь буйства зеленого шума
И желтой хлебов густоты
Посею сыновние думы,
Свои затеряю следы.

ЖАВОРОНОК

Над морем вызревшей пшеницы,
Над духотою полевой
Застыла солнечная птица,
Умывшись неба синевой.

В большом зените распахнула
Посеребренных два крыла.
И песня хлебного июля
По косовице поплыла.

ЮНЫЙ ЛЕС

Все по-старому,
Все здесь, как прежде.
Как и многие годы назад…
Сосны клейкие в сизой одежде
Над согретым обрывом висят.

И, как прежде,
Как в давности было,
По заветной тропинке спешу.
Пью деревьев дремотную силу
И тобою живу и дышу.

МАТЬ-КУБАНЬ

Древних былей ветрило,
Ширь и даль – черноморская степь.
Ты ковыльную вечность хранила,
Поднимала на пажитях хлеб.

И в годину военной тревоги,
В лихолетье терновых невзгод
Оседлала коней быстроногих,
Казаков снаряжала в поход!

Били шведа и Наполеона,
Сколько хватит отваги и сил,
Поднимая России знамена,
Брали приступом Карс, Измаил.

В незабытые дымные даты
Растоптали фашистскую хмарь –
За станичные белые хаты,
Гордый славою град Краснодар!

КУБАНЬ

Люблю тебя, мой солнечный простор,
Мое неповторимое сказанье:
Размашистые станы синих гор,
Седая даль желтеющей Кубани.
Под камышовой крышей вырос я,
Собрав пути ушедших поколений.
И нет мне в жизни этой забытья
От дум твоих, от песен и волнений.

МОЛИТВА

Мерцает пред божницею лампада,
Суров и чист иконы светлый лик.
На сердце грусть и тихая услада,
А из души метется дикий крик.

Я об одном прошу в своей молитве:
Дай мне, Господь, судьбу, какая есть!
И в суесловье паморочной битвы,
Отринь из жизни ложь,
Прельщающую лесть.

Прости, Господь, мои мне прегрешенья –
Им нет пока согласного конца.
Избавь от бесов злого наважденья,
От пакостей глупца и подлеца!

Ты осени меня перстом свободным,
Не дай живую душу осквернить
И в займище холодном и бесплодном
Крылатую надежду схоронить.

СТЕПНАЯ ЛИРА

За все Тебя, Господь, благодарю,
За все свои невзгоды и печали,
За неба полымянную зарю,
За свет и темь – мои земные дали.

За то, что я в пути не одинок,
За Твой в груди моей горящий пламень,
Хоть на шляху моем низвержен камень
И в сердце индевеет холодок!

Я счастлив тем, что я пока дышу,
Что Ты вручил мне лиру в утешенье.
В солому, к степовому шалашу
Слетаются высокие творенья.

ЗЕМНАЯ ИСПОВЕДЬ

Блестит лампада у иконы,
И золотятся образа:
Здесь все божественно знакомо…
Свечи растаяла слеза.

Сюда нас в детстве мать водила
От грешных дум и блудных слов,
Вдыхать зефир паникадила
И слушать звон колоколов…

Здесь не остынет пламень Бога
В мирской безликой суете,
И у последнего чертога –
Мой крест на каменной плите! ■

Архив Натальи Возжаевой

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Родилась в городе Грозном.
Окончила в 1993 году Ростовский государственный университет.
Автор двух стихотворных сборников.
Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Москва», в газете «Завтра» и других СМИ.
Лауреат литературных премий.
Живёт в Новороссийске.

«ЧТО СЕГОДНЯ ХОЧЕТСЯ ВЧЕРА...»

***

Прохладны ночи, вечера свежи,
И скатывает ветер скатерть пляжа.
Сребролюбивый, прячет Геленджик
Раздутый за сезон тугой бумажник.
Пускай застали шапочный разбор
(Привычная судьба аборигенов),
Но я тебе прочту поэму гор,
И, словно оры, будем ждать у пены,
Что выйдет Афродита… Только вот
Все будет прозаичней: по-тюленьи
Выпячивая глянцевый живот,
Из моря выйдет дядька. Из Тюмени.
Вот так всегда! Попросят закурить –
И выкурят все лето до окурка.
Но дядьке пусть на берегах Туры
Приснятся Тонкий Мыс и двое в куртках.
Да Бог с ним. Хорошо тебе, скажи,
Мой милый Клайд, родной мой соучастник?
И да простит воришек Геленджик
За пару дней украденного счастья.

***

Дело к снегу. На зиму заляжешь,
А пока стоишь, вдыхая тлен.
Так платаны в новом камуфляже
Листья тихо предают земле.
Ну и стой, пока еще стоится.
Трепыхаться поздно, да и зря.
А природа с золотистой спицы
Скидывает петли октября.
Тянет паутинно канители,
Спутывает в солнечный пучок.
Зацепилось, да и полетело
Тело – невесомый паучок.
Тишина погостная такая –
Меж лопаток на последний шаг.
Осень просто мягко намекает:
А и смерть бывает хороша.

***

У твоей избушки ледяной
Мягкий свет окошка слюдяного,
Да искрится под большой луной
Неподвижный белый лес еловый.

Мне же все не эдак и не так –
Видно, на погоду кости ноют.
Впрочем, возраст – тот еще пустяк,
Странно приключившийся со мною.

Что, казалось, Бога бы гневить?
Вроде бы все ровно, все как надо.
Хочется прохлады ли, любви…
Нет, наверно, все-таки прохлады.

Ну и всех банальностей, как то –
Плед и кресло, крепкий чай в бокале,
Попросторней – два икс эль – пальто.
Или нет – размером с одеяло.

Но у нас на наших на югах
Солнце, как оранжевая тыква.
Хочешь, я к тебе приеду, а?
Позови, быть может, я привыкну.

Все не так, ну или я не та,
Но, как прежде, скорая на сборы.
Вот приеду, и начнем мечтать.
Ну о чем еще? О нем. О море.

***

А за окном штормит как никогда,
Гудят «беда!» тугие провода.
Напротив дом, и в доме теплый свет,
Но на звонки ответа нет и нет.
Бегу туда – какой там одеваться!
Бог в помощь и, конечно, сто двенадцать.
А там тепло, а там белым-бело,
Мукой на кухне столик замело.
Уймитесь, дребезжащие колени.
А мне: «Пришла? Садись лепить пельмени!»
«Чего?»
Но все становится на место,
Я выдыхаю, вижу – руки в тесте.
Не нужен оправданий детский лепет –
Здоровы, живы, вон, пельмени лепят…

А телевизор что-то врет и врет,
Политика кривит нечистый рот.
Покажется, что мир в тартарары.
И мне казалось, но до сей поры.
Молитва, ритуал, священнодейство –
Живи, дыши и до конца надейся,
И формула окажется простой,
Как все, когда ходил пешком под стол –
Мир обрекая на грядущий день,
Лепи пельмень.

***

Прилетала сова –
Пушистая голова,
Посидела и улетела – что хотела?
Показалась днем – такое нечасто.
Вот и думай – к беде? Несчастью?
Смотрела внимательно, словно мышь я.
И зачем я вышла?
Молчу стою, а она кычет.
Мой покой – вот ее добыча.
Сад сырой и серый – почти зима,
Совиный глаз – оранжевая хурма –
Никому не дам и сам не гам,
Морозы выключают – вся недолга.
Прилетала не пойми для чего –
Ни мышей, ни птах у нас. Никого.
Растревожила сад,
Улетела. Бог с ней.
Стекленеет воздух.
Снег…

***

Я помню ветреный час печальный,
Мой друг шагнул в снеговерть из комнат.
Но почему он не отвечает
На позывные звонка – не вспомнить.

Да разве было когда иначе?
Все сыплет снег, и ветра гуляют.

Я за беспамятство прячусь, прячусь
И время меряю февралями.

Огонь бумагу чернит и корчит,
Считаю годы, золу мешая,
Но век выходит зимы короче,
И все, что помню, – зима большая.

Все сыплет снег без конца и края,
Идут метели волной ковыльей.
Играет память со мной, играет –
Я помню слезы. С чего? Забыла.

***

Встали оба с правильной ноги.
Тишина – ни соек, ни синиц.
А давай затею пироги.
Припадая пред духовкой ниц,
Буду наблюдать: ну что они –
Подошли ли, дышат? Не горят?
Потечет по комнатам ваниль –
Мягкая изнанка декабря.
Тихо-тихо. Стой, не шевелись
И дыханье тоже задержи.
Слышишь, он упал, последний лист,
До смерти цеплявшийся за жизнь.
Сад стоит спокойный и нагой
Гордо, обреченно, без стыда.
А давай-ка разведем огонь
В маленьком мангале, просто так.
Год как год. Уходит – проводи.
Новый год стучится в старый дом.
Очень вкусен виноградный дым.
Выжили. Спасибо и на том.

***

Вечер был морозный, темно-синий –
Несколько часов до января.
Ты принес вино и апельсины.
Не люблю их, честно говоря.

Распирают тонкую авоську –
Турция, Марокко, Пакистан?
Господи, да где же удалось-то
Сетку допотопную достать!

Снег сбивая, тут же, у порога,
Говоришь, пока я морщу нос:
«Знаешь, встретил зайца
По дороге.
Он сказал, чтоб я тебе принес».

И в глазах мгновенно потеплело,
Словно снова маленькая я.
И, конечно, апельсины съела
В тридцать первый вечер декабря.

Милый зайчик, где тебя носило? –
Мне с улыбкой вспомнилось с утра.
Так вчера хотелось апельсинов,
Что сегодня хочется вчера. ■

Архив Елены Колесниковой

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

Родилась в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского госпедуниверситета. Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Подъём», «Берега», «Сура» и других СМИ. Лауреат литературных премий.
Живёт в Воронеже.

«ПРЕВЫШЕ ВРЕМЕНИ И СМЕРТИ...»

***

Посвящается моей бабушке Королевой А. И.

Ты все цветешь, покинутый мой дворик –
Как затяжна холодная весна...
Остылый дух черемухово-горек,
И набело сирень оседена.
Сроняет сад свое кружеплетенье
Луны – льняной ослаблен узелок,
И небо – так светло и несмятенно
Рассветом поцеловано в висок.
Душист тропинки белой первопуток,
Под лепестками застланной земле
Узор свежедыханный незабудок
Под утро синим вышит мулине.
У неисцельных яблонь сухоруких
Обнимешь – теплы ржавые бока.
Но вскрипнут вдруг от нерасцветной муки,
И вспламенеет заревно тоска.
Ожжет золой каленой и остынет,
И вновь в покоях памяти тихи –
Родимых ликов первые святыни,
Ночной молитвы первые стихи.
Туманятся – от многих горь и грустей –
В оправе ссохшей – стеклышки окна.
Прошу, цвети, и пусть тебя отпустит
Последняя холодная весна...

***

Осень из колодезя вселенной
Не спеша зачерпывает небо,
Перейден великой жажды светлой
Тонкий рубикон.
Голубей – осадок сребропенный,
Суеты – всеутренние требы,
В продух тихомысленного ветра
Изглубинный стон.

Застеколье оплеснулось бледной
Терпкостью холодного разлива –
С горечью, лишь осени присущей, –
От зари веков.
Ночь и день – равновелико бедны,
Крон огарки углятся мрачливо,
И всего под солнцем свет имущих –
Сорок сороков...

***

Каким рассветом – мед и молоко –
Увенчано паломничество солнца,
Дичая, сад стоит особняком,
И птицей ни одной не шелохнется.

Осенней тиши – вымоленный свет...
Поодаль – дом души пустыннолюбной,

Где замирает шум последних лет,
И шелест речи тает чужелюдной.

Еще хранят мешочки пыльных роз
Крупинки драгоценных благовоний,
И травье на тепло отозвалось,
И кущи астр свежи и вседовольны...

Что осени миротворящей власть –
Одно мгновенье солнечного ока,
Но близок зимний век, и страшно впасть
Не отцветя, в святые руки Бога...

***

На две косы дорога расплелась,
Седая пыль опорошила ноги.
Направо – лес и рукотворный Спас,
Налево – дом, заботы и тревоги.

Давно не размывало от дождя
Худых берез начерток мелоствольный,
Давно, заката мимо проходя,
Мне не было так холодно и больно...

Преломлены хребетики травы
От гиблого осеннего бессочья,
И – как и прежде – бледно-тучевы
В небесных кроснах вытканные точи.

Сбивая торопь неисходных дней,
Святят окрестье ангельские птицы.
И видно – светло маслится елей
В потусклых сухоцветовых глазницах.

ФЕВРАЛЬСКИЕ СНЫ

В такт мыслям моим,
Полетно-живым,
Качаются мерно ели.
Верхушек смычки
Воздушно легки,
Вихрят фуэте метели.

Аллей духовых –
Винтажно-седых –
Басисто плывет гуденье.
За ночь до весны
Февральские сны –
Печальной зимы творенье.

Кантабиле вьюг
Струится вокруг,
Легато нежнейших линий.
Пусть тают вдали
Все беды земли
Под занавес сказки зимней...

***

В полотнище искуснейшей зимы
Пестрится белоствольие березок,
Завешен дом с надвьюжной стороны,
И воздух ненадышенно-морозок.

Стежки ветвей по небу золоты,
Синится нить дороги долевая,
И, разбегаясь, множатся следы,
Заторы на лету одолевая.

И вот уже искомканы снега,
Испит холодным ветер, иссмакован –
И, подоспев, плывут издалека
На нищий лес пуховые обновы.

Как легкотканны снежно бремена...
Засумерело сонное подолье,
И тощая лоханница-луна
Стемнелый холст отбеливает солью.

КОЛЯДА

Машины, изглохшие за ночь,
Под хлопковым иссиня снегом
Звездчатого переплетенья,
Святилище тьмы.
Длинны – запрокинулись навзничь,
Похожие на человека –
Фонарно-размытые тени
Суглобой сосны.
Челнок полусношенный, лунный
На ниточке свесился низко,
Натерт до искрящего блеска
И вывьюжен двор...
Соткался рождественно-чудно
Рассвет, но под окнами близко
Вдруг – пенья и хохота всплески
И переговор.
И кривда кричала лубочно,
В колядочном перемешенье,
И свет затемняла далекий
Издревняя брань.
Бледнело фронтоном восточным
Двуликих домов громожденье,
Смотрела младенчески кротко
Морозная рань.
И были извеяны страхи,
Занежилось небо, юнея,
О солнца пророчеством явным
Засвечены сны.
И тихо – исснежена прахом –
Гудела сосна, зеленея,
Где шли по заре христославы
Дорожками тьмы...

ТЕЛО СТИХОВО

В присокровенности ночной,
Ломая древностные ковы,
Небес взмывается покой –
Где тело мыслится стихово.
Кривизн созвездьевых светлей,
Превыше времени и смерти,
Слова, искрящие с кремней
Иных, непостижимых твердей.
В сердечную вжигаясь медь,
Вплавляя звук золотоносный,
Где слогу чистому звенеть
Живых страниц тайноголосьем
В присокровенности ночной
При свете вечнущего слова...
И умолкает голос мой –
Где тело ломится стихово. ■

Архив Сергея Матыцина

СЕРГЕЙ МАТЫЦИН

Родился в 1979 году в городе Воронеже. Учился в Воронежском государственном педагогическом университете. Публиковался в журнале «Подъём», «Литературной газете» и других СМИ. Автор четырех поэтических книг. Лауреат литературной премии им. И. Бунина.
Живёт в Воронеже.

«ДЕРЕВО. И СЫН. И ДОМ...»

****

Здравствуй. Вот – тебе пишу.
Но, наверно, не отправлю
Это странное письмо –
Не расстрою чувств твоих.
Я – под заоконный шум –
То ли праздник, то ли травлю –
Показалось – вроде – смог
Позабыть тебя – на миг.

Показалось – пронеслось –
Взглядом – перышком по ветру –
Там, над крышами домов –
У макушек тополей...
То ли нежность, то ли злость –
Неуклюжа, безответна.
Это странное письмо –
Как промокший воробей.

Это странное письмо –
Как озябшая синица,
Не согретая в руках,
Ухвативших журавля.
В понедельник – день восьмой –
Ты повадилась мне сниться.
То ли нежность, то ли страх,
То ли мокрая земля,

То ли мокрое стекло,
То ли вторник – день девятый.
Незаметно – не смешно –
Невесомо в небесах –
Сердца стук, как шерсти клок...
Моросит. Опять опята.
Вместо сердца – с тишиной –
В шорох листьев по лесам.

Тишина – болит – сквозь шов.
Шепот из-под капюшона,
Наклонившись за грибом –
То ли имя, то ли вздох...
Как-то так нехорошо
Вороватой не вороной
Не для курочки рябой
Я пишу весь этот вздор.

Вздор – не вздор, но, дописав,
Я отправлю – не в конверте,
Не по почте, не потом,
А теперь – вот в этот час.
То ли – верю в чудеса.
Ты – поверь в них. Все – поверьте.
Дерево. И сын. И дом.
То ли – это не о нас.

БАБКА

Там – среди мусорных ящиков –
Вовсе не морок сквозь дым –
Что ни на есть настоящая –

Ищет остатки еды
Бабка – глазенки как камушки.

Люди идут – ни гу-гу.

Некто спросил ее: «Бабушка,
Чем я помочь вам могу?»
Пальцем – артритной указкою –
Тыкнув в пространство вдали,
Бабка сказала неласково:
«Все хорошо – отвали!»
В уши – наушники. С музыкой
Посланный некто пошел.

Бабка копается в мусорке.
Все у нее хорошо.

ПАЧКА СОЛИ

Тьфу-тьфу на стихотворные мозоли.
И вот он – накарябан новый стих.
О пачке соли. Эта пачка соли
Меж пачек соли многих остальных
Ничем не выделяется. По виду
Такая же – в полосочку картон.
Казалось бы, обыденность. Обиду
Солить не стоит. Это не о том,
Что, мол, сходил, купил, принес, поставил.
Стоит себе – не просит ничего.
И соль не в том, что пачка – соль простая.
У соли подоплека – о-го-го!
Задумаешься так вот поневоле
О том, что доведется ли еще
Увидеть дно у этой пачки соли.
Такой у жизни времени учет.

****

Я слушаю Рахманинова стоя.
Потом сажусь и выключаю звук.
И взгляд проносит мысли сквозь обои
Куда-то в детство...

Будто наяву
Я окунаюсь в дни цветные эти,
Где в целом мире нет страшнее слов:
«Достаньте листики двойные, дети.
И уберите книжки со столов...»
Там взрослым стать хотелось поскорее,
Примерно так же, как сейчас – туда.

Я в зеркале лицо себе побрею.
И вроде бы моложе. Как бы да.

Плетется время сонною коровой,
Жует траву как будто важных дел.
Опять проспал – все ты! –
приснилась снова.
Обидочный клубочек потолстел.
В тебя, как в крайность лютую, впадаю.
День-передень. И снова. И опять.
И вот потом не видимся годами.
Так не моря же! Что-же волновать...

Включу. Играй, Рахманинов, погромче.
А выключу, так все равно – играй!

Стою. Готов. Вези меня, паромщик,
За это море. В волны через край.

***

Снег падает и тает на лице.

Глаза закрою – ты – вот так вот, сразу.
И смотришь так, как смотрят сквозь прицел.
И говоришь – уносит ветром фразы.
Но я не парюсь.
Сказано тобой –
Не париться. Не парюсь, как ни странно.
Какой-то удивительный покой
В меня вцепился – будто бы капканом.

Так и живу, читая по губам
Твоим – стихи, что сочиню не скоро.
Трещит воображение по швам,
А под ногами убегает город.
Дома, неулетевшие грачи,
Коты в дворах, нытье в голеностопах.

Скажи еще хоть что-то.
Не молчи.
Иначе этот снег меня утопит.

***

Черный чай обжигает губы,
Но как будто на вкус неплохо.
Осторожно, чтоб вдруг не грубо,
Убираю с лица ей локон.
Не касаясь нелепой плоти,
Черный чай обжигает душу.
Черный чай ее глаз напротив
Растворяет меня и рушит
В здравых смыслах – как будто здравых –
Монолитный бетон опоры...

Ветер в шторах, как будто в травах.
Или в травах, как будто в шторах.
Или это уже не ветер.
И не помнится, что в начале...

На столе у окна в буфете
Позабыты две чашки с чаем.

***

Снег, как будто в замедленной съемке,
Позакрасил дорожки двора.

Мысли тихи.
И вдохи негромки.
Миражи отмирают в мирах.
Гуси-лебеди – снежная стая –
Пронесутся, подцепят крылом:
Так душа до души долетает,
Чтобы вместе им стало тепло.

Разум шутит такими вещами
В полусне-полуяви ума.
А зима испокон сообщает,
Что она в самом деле зима. ■

Архив Романа Башкардина

РОМАН БАШКАРДИН

Родился в 1984 году в городе Йошкар-Оле. Публиковался в «Родной Кубани», сборнике стихов «Симфония ночи», альманахах «Вольный лист», «Вдохновение», йошкар-олинской газете «Открытый взгляд» и других СМИ. Дипломант премии «Мое солнцестояние 2023» и четырех литературных конкурсов.
Живёт в городе Йошкар-Оле.

«ПРОРАСТАЕТ ТВОЯ ВЕСНА...»

***

Я останусь с тобой только
шелестом океана,
Тихим шепотом слова в распевах
твоей Осанны,
Ароматом жасмина, едва уловимой грустью,
Что грехи за нее даже ангелы не отпустят.

Я останусь в тебе мироточием
строк и снега,
Многоточием белых звезд на графите неба.
Тонким призраком тех невстреч,
что годами соткан,
Синеоким апрелем, что солнцем
лежит на окнах.

Я останусь с тобой разноцветием
этих мыслей,
Одинокой поэзией, вросшей в ладони писем,
Неотправленных мною, поэтому –
не дошедших,
Лепестками зари, на полотнах небес
расцветшей.

Я останусь с тобою под небом
беспечно синим,
На полях колокольчиков,
скованных первым инеем,
Там, где маленький Бог нам
тихонько играет скерцо...
Я останусь с тобою –
Между
Ударами сердца.

***

Приходи ко мне в ночь,
в мой тобою забытый дом,
Где повсюду стихи тихо шепчутся о былом,
Где на сумерках стен бледной тенью
висит луна,
И звенящею бездной скребется
в квадрат окна.

Приходи ко мне в ночь, приходи,
когда дождь и снег,
Когда время безудержный свой ускоряет бег,
Когда где-то в груди – аритмией –
сердечный стук,
Приходи ко мне в ночь на двоих
разливать тоску.

Заходи ко мне в осень – в бокалы налить печаль.
Пусть виски серебрит
пережитых имен печать.
Пусть на жизненных тропах –
туман и идут дожди…
Просто выверни жизнь наизнанку.
И приходи.

***

По эпилогам расстояний,
На акварели декабря
Нисходит снежность письменами,
Извечным поиском тебя.
Ложится звездной колыбелью,
Где вечер тих и одинок,
И календарь меняет время
На каждый сорванный листок.
Где утро, просыпаясь робко,
Точеным росчерком зари
Как каллиграфия востока –
И пламенеет, и горит,
И на холсте рисует Вечность,
И пишет знаки над рекой,
И ветерком
Ее бессмертье
Тебя касается рукой.
В ней есть и таинство,
И святство.
Она – пророческий маяк –
Не создает, но прорицает,
Как зодчий
или Зодиак.

Во мне ее предназначенье,
И я – как зверь в лесной глуши –
Ищу тебя во всей Вселенной,

Как реплику своей души.

***

Ты болеро на тоненьких плечах –
Петроглиф ветра на палитре снега.
Ты тонкая церковная свеча,
Горящая мольбой в святое небо.

Ты мой палач и ты мой пьедестал,
Ты мой апостол у калитки рая.
И если Мир споткнулся и упал –
Ты сонм икон, что плачет, но прощает.

Ты скрип окна весеннему теплу,
Ты первые подснежники апреля,
Ты гордый стяг, что реет на ветру,
Как символ возрождения и веры.

Ты никогда не гаснущий маяк,
Ты звездный свет, что пасть в ладони грезит.
И если Мир проснется без тебя –
Умрет Поэзия.

***

Ее сны – словно белый бутон
Или сладкий яд...
Ее стан изломан тоской
и щемящей болью –
И, как дикий цветок,
Опьяненный холодной волей,
Он являет собой
Искушеньем манящий сад.

Ее волосы пахнут морем
И молоком...
И она, словно дикий лотос,
Легла на простыни.

И так манит собой этот
Девственно чистый остров,
Что так хочется пальцами
Бегать по ней босиком...

Растворять собой этот белый,
Шипящий шелк,
Рисовать круги на холмах
Золотой пастелью,
Целовать изгибы с привкусом
Карамели и, немного позже,
Со страстью, нежно
Коснуться щек...

А потом жадно пить ее,
Как из родника,
И шептать слова и
Ласкать ее всю, до дрожи.
Нежным зноем свести с ума
До следов на коже...

И остаться с ней,
И остаться в ней
Навсегда...

***

Звуки чувств прорастают цветами
Твоих запястий,
Замирающих в танце у клавиш
Любимых пальцев
И танцующих ветром
Над нотным и снежным полем
С островками проталин,
Чернеющих цветом смоли.

Это твой силуэт
В белом платье и над роялем.

Это Steinway восходит тонами
Мирской печали.

Это я тебя тихо прошу:

– Не касайся черных!

Не вплетай в эту пьесу любви
Скрип бемолей боли –
Вены скошенных чувств,
Как порезы твоих диезов –
Кровоточат в бинтах,
Мироточа собою в бездну.

На тетрадный и нотный лист,
Что дождем исхлестан,

И на клавиши цвета лун и слоновой кости.

Но ты шепчешь, что джаз любви не простит иного,
А я снова тебя молю:
– Не касайся черных.

***

Так, наверно, нисходят ангелы
К лепесткам медуниц и фрезии,
Шепчут музам аккорды лирики,

Пьют цветочный нектар до дна.
И на кончиках тонких пальцев
Вновь рождается мед поэзии,
И в легчайших ее касаниях
прорастает твоя весна.
А потом остается строфами
На замерзших ладонях города,
Согревая своим дыханием
Среди вен автострад и трасс.
Так покорно стареют заживо,
Так меняют стихи на молодость,
Оставляя в себе из раннего
Только осень дождливых глаз.
Так в объятьях у муз и музыки
Обрастает крылами письменность,
Ниспадая на длань тетрадную
Тихим почерком прежних лет.
И, сверкая глазами грустными,
Презирая свою действительность,
В поцелуе седой Эвтерпы
Обретает стезю
Поэт.

Для нее в этой маленькой комнате
много лет не погашен свет...

***

Детский смех, что эти стены помнят,
И узор под кромкой потолка
Время оставляет на ладонях
Только взвесью серого песка.

Все проходит, ветер точит камни,
Стрелки бьют неотвратимость лет,
Белым дымом память укрывает
Терпкого забвения вельвет.

Гаснут имена, уходят лица,
Меркнет стихотворная строка.
И тогда истлевшие страницы,
Старые, забытые страницы,
Размыкая Вечности границы,
Поднимает детская рука.

Поднимает, обращая к свету,
Возвращая к жизни старый дом.
Где седым песком резвился ветер,
Там, где сквозняком резвился ветер,
Будут в доме вновь смеяться дети
И, как раньше, бегать босиком.

***

Но когда-нибудь будет так:
На твоем крыле,
Когда кто-то, кто сверху, защиплет
седую шаль –
Мы снежинками времени будем лететь
к земле,
Танцевать вместе с ними завьюженный
зимний вальс.

В этих древних пророчествах,
Сотканных декабрем,
Где на грифель дорог ниспадает
вчерашний снег,
Через крыши домов мы гуляем с тобой вдвоем.

Серебрится метель,
время стелется по земле.

И напишет зима
На скрижалях ее страниц
Ту Поэзию наших чувств, что поют ветра.
Только в бытности будней
и быта усталых лиц
Угасает свеча любви. Прорастает мгла.

Ты ее не страшись!
Ведь в пророчествах декабря,
Где усталая память врачует вокзалы лет,
На безлюдном перроне стоит
тот же мальчик – я.

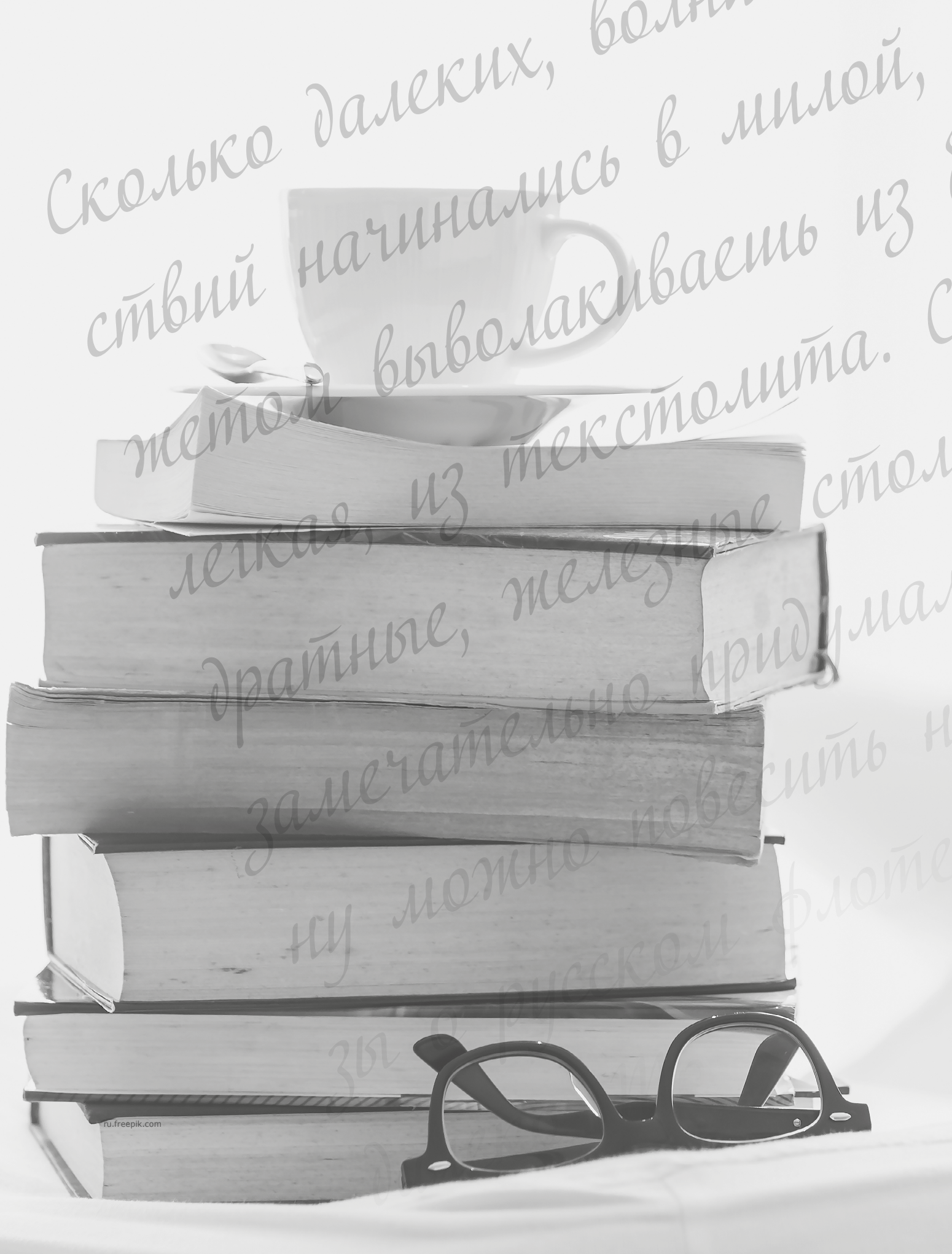
И в ладонях хранит для тебя
тот же самый Свет.

****

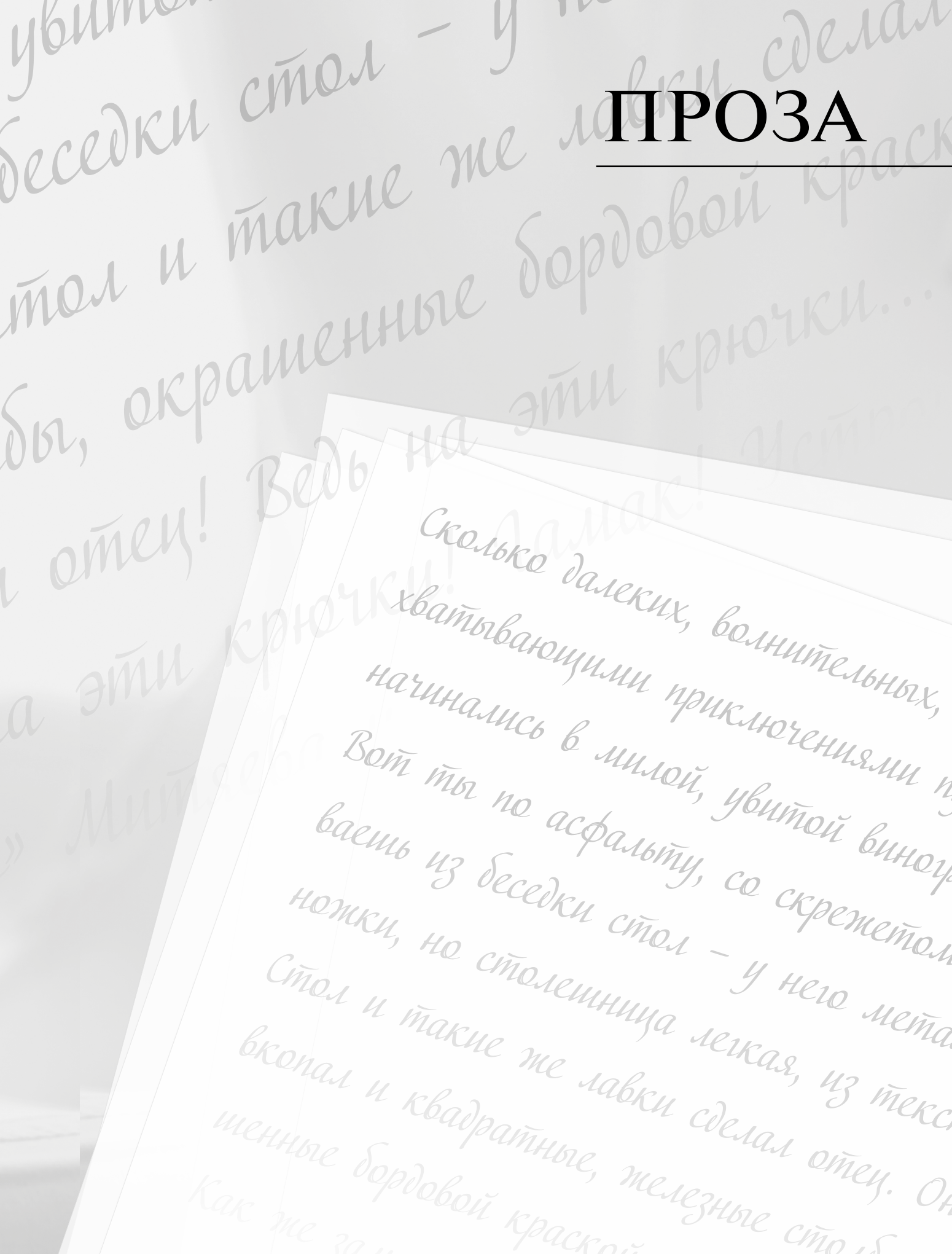
А море прекрасно.
А море огромно.
Оно окрыленно и волнами полно,
Оно носит небо
На сильных ладонях,
Дыханьем качает косматые волны.
А море, ты знаешь, оно говорливо,
Оно шепчет сказки над пеной прилива,
Оно знает тайны, в которые верит,
И вдруг письменами
Исходит на берег.
На зеркале волн отражается Вечность
И пеной ласкает прибрежные плечи,
И пена уходит,
И море смеется,
И белыми чайками в Вечности вьется.
А волны приносят ракушки и камни,
И шепчут рассказы
О странствиях дальних,
О девочке маленькой в аленьком платье,
О чутких молитвах у лика распятья,
О том поцелуе, соленом, как ветер,
Что сердце хранит пламенеющим светом.
О тех королях светлоликих и дивных,
О тех кораблях, что окрещены тиной,
О землях диковинных,
Рыбах летучих,
Где волны все выше и ветер все гуще,
Где море под сердцем тоской и печалью
Твою повседневность с собою венчает,
И где за аккордами молний и грома
Ты видишь спокойное,
Вечное море.

И если у ладана веры ненастье,
И если за буднями спряталось счастье,
Послушай ракушку в узорах тумана,

И море поведает вечные тайны! ■

Сколько далеких, волн
ствий начинались в милой,
той выволакиваешь из
легкая, из текстолита. С
ратные, железные
замечательно придумал
ну можно повесить
зы с русском флоте
ru.freepik.com

ПРОЗА

Архив Алексея Шорохова

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

Родился в городе Орле в 1973 году. Поэт, писатель, публицист, критик. Участник СВО. Секретарь Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки», главный редактор журнала «Политрук». Живёт в Москве.

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ

Из новой книги «После войны»

1. СПАРТАК

Требовательно затрещал полевой тапик.

Скиф, не открывая глаза, накрутил ручку индуктора и снял трубку:

– Лимон апельсину.

– Апельсин в канале.

– Тут у нас... пленный. Приходи.

– Плюс.

Голос Вахи был немного смущенным. Про пленного он сказал с заминкой.

Ротный наконец проснулся и пришел в себя. Ночь выдалась непростой. Со стрельбой возле КНП [1] батальона.

За две роты, развернутых в лесу у Геройского, отвечал сейчас Скиф.

Две роты – это, конечно, круто сказано. Максимум по взводу от каждой. Плюс где-то на выходе из леса затихарилось отделение снайперов, этих вообще было не видно и не слышно.

Только за водой приходили, когда приезжала водовозка.

Добровольческому РШБ [2] «Барсуки» нарезали участок обороны побережья в основании Кинбурнской косы, прикрывать левый фланг соседней бригады.

Учитывая мерцающую активность ДРГ [3] хохла и то, что квадраты были хорошо пристреляны врагом, – этого хватало.

Конечно, такая оборона была, скорее, завесой. В случае высадки десанта пришлось бы срочно заводить еще людей и технику.

Но сэсэошники [4] надежно контролили Лиман камерами на вышках сотовой связи и дронами, поэтому единственную головную боль нашим причиняли полубезумные попытки гуровцев [5] группами в два-три катера высадиться на побережье, засветить под камеры «жовто-блакитний прапор и швидко тиканути до ридной хаты».

«Тикануть» удавалось не всегда. Этим и занимались добровольцы и ВС РФ, охранявшие Косу. До пленных, как правило, не доходило. Хохол бросал своих «двухсотых» и уходил на лодках домой. Или на дно.

***

За первую роту Скиф был спокоен.

Жуков, если не врут, сказал: «Войну выиграли я и сержанты».

Правда это или нет, ротному некогда было проверять. Но суть схвачена верно.

Когда в первом хозяйстве дежурил Ваха, ротный был спокоен, как слон.

«Вот и первый пленный ему», – думал Скиф, пробираясь по жухлой траве вдоль провода тапика.

Он заметил, что машинально проверяет – цел ли провод? – хотя только что говорил по полевому телефону.

Ночью был артналет, а потом еще и автоматная стрельба.

Правда, какая-то странная, в один ствол.

«Сейчас все узнаем».

Ваха, крепкий, заряженный всегда, как энерджайзер, встретил его у ВОПа [6]. И посмотрел опять как-то виновато, как до этого говорил по телефону.

«Да что у них тут такое!» – подумал Скиф, спускаясь в блиндаж. Цыган и еще один боец сидели на нарах и мирно общались с пленным, сидевшим на ящике из-под патронов.

Руки пленного были схвачены пластиковым хомутом. «Ваха», – про себя отметил ротный.

Одет он был в цифру ВС РФ, с шевроном соседней бригады. Лицом пленный был помят, легкая щетина только подчеркивала отечность у скул и под глазами.

При виде командира он встал и молча уставился в землю.

– Так, – проговорил Скиф, еще не зная, что будет говорить дальше. И смерил пленного взглядом.

Первым нашелся Цыган:

– Ротный, вот диверсанта поймали. Ночью проводил разведку боем, пытался прорваться...

– Куда?

– Через наши позиции.

Лукавые бесенята так и прыгали в глазах старшины, было видно, что еще чуть-чуть и он не сдержится, покатится со смеху.

Но выдержал до конца.

– Ваха, распакуй его! – отмахнулся от Цыгана ротный.

Сержант здоровенным окопным ножом взрезал пластиковый браслет, и пленный с удовольствием начал растирать покрасневшие запястья.

– Ну, что скажешь, боец?

***

Пленный оказался связистом из соседней бригады, позывной – Спартак.

– Восстание рабов готовишь? – поинтересовался Скиф.

– За «Спартак» болею, – вяло ответил боец. Залет у него был серьезный, что будет дальше, когда его сдадут в бригаду, старался даже не думать. «Будь что будет! – решил Спартак, – дальше смерти не сошлют, а под ней и так каждый день ходим».

Спартак был из мобиков. Родина забрала его на войну, когда на фронте было все совсем кисло: наши откатывались от Харькова, бросая технику, а, главное, людей, поверивших им; сдали Херсон.

До этого жизнь Спартака, можно сказать, баловала. Двадцатилетний москвич, всегда неплохо шаривший в технике, без труда поступил в МИИТ и также без труда учился радиотехнике на транспорте.

До этого он год без разговоров отдал Родине, мать пыталась отговорить, но Мишка твердо сказал: «Пойду!»

Ему повезло, он попал в войска, где на одного рядового приходится три офицера, то есть в РВСН [7], в роту охраны.

Дивизия, расположенная в лесах под Арзамасом, хорошо охранялась многими линиями автоматизированной сигнализации, не считая колючки в три человеческих роста и прочих средств «защиты от дурака».

Поэтому случайные грибники были исключены.

– Всякий, кого увидите на периметре, – законная цель. Огонь на поражение! – сказал им комдив на присяге.

Но, Бог миловал, кроме упавших деревьев да пару раз забредавших лосей, никто за год его службы наши стратегические силы не беспокоил.

Автомат в руках, в отличие от многих своих ровесников-срочников, Спартак держал часто – через двое суток на третьи.

Два раза даже ездили на полигон, первый раз не задалось: пулеметчики трассерами зажгли сухую траву, и начальник полигона запретил стрельбы.

Второй раз повезло, и Мишка честно высадил магазин своего АК-74М по мишени со ста метров.

Автомат, который был старше Спартака на десять лет, привели к нормальному бою, на этом огневая подготовка закончилась.

Караульная служба ему нравилась своей автономностью, он охотно ходил в караулы. Правда, к концу службы офицеры стали его все чаще запрягать на обслуживание камер наблюдения и датчиков движения, распознав технический талант в малом.

Спартак охотно отзывался.

Поэтому по возвращении со службы он и поступил в МИИТ и с каким-то отсроченным удовольствием, будто наверстывая, начал учиться в прославленном вузе.

Не забывая, конечно, про девушек и прочие сопутствующие потери молодости.

Но уже на третьем курсе его студенческая влюбленность в однокурсницу заиграла неожиданными красками и стала заметна для окружающих; подруга Спартака Женечка забеременела.

Михаил, тогда еще не Спартак, воспринял это

серьезно. Сам выросший без отца, он решил, что дети – это главное. Окончив третий курс, взял академический, да так и не вернулся из него, с головой уйдя в работу.

С работой Мишке свезло, его взяли в компанию, которая оборудовала камерами наблюдения частные объекты. Миитовское образование здорово пригодилось молодому отцу, к появлению дочери он уже неплохо даже по московским меркам зарабатывал.

Когда Женька принесла домой дочь, Спартак растаял.

– Ради этого стоит жить! – и подумал, и сказал он.

Со временем в компании Михаил стал практически незаменимым в делах оборудования и отладки камер наружного наблюдения и возглавил профильный отдел.

Мороки стало больше, беготни меньше. Спартак не слезал с мобильника ни днем, ни ночью – рукою водил, в смысле руководил. Вместе с длинной рукой он отрастил себе к тридцати годам не вполне приличный для мужика животик.

Но на командирских должностях такое часто случается.

А Женька тем временем родила ему вторую дочь.

– Это хорошо, – прокомментировал он, – значит, войны не будет!

– Почему? – изумилась жена.

– К войне мальчишки родятся.

Дочь родилась в конце ноября, а в феврале началась СВО.

Несколько ребят из фирмы в первые же месяцы ушли на фронт добровольцами.

А осенью Родина позвала Спартака, ей нужна была помощь.

***

В бригаде навыки Спартака оценили и приставили к всепогодной камере наблюдения Hikvision, полученной с гуманитаркой.

Камеру Спартак закрепил на вышке сотовой связи в Покровском, запитал от силового кабеля вышки, в специально оборудованном окопчике поставил роутер и через хохлятскую симку раздавал кусок Днепровского лимана в полосе обороны бригады на экран КП-бригады в режиме нон-стоп.

Такое новшество очень зашло начальнику разведки бригады.

Ибо, хотя сэсэошники и контролили лиман, инфой делились неохотно. Да и зона ответственности у них была больше.

То, что «орки» используют вышку, – хохлы смекнули довольно быстро. И попробовали достать 155-й гаубицей из-за лимана. Наши им накидали в ответ из реактивной, и тогда враг поступил иначе.

На остров Первомайский, который находится посредине Днепровского лимана, в одну из ночей ВСУ высадили расчет 120-миллиметрового миномета с группой БПЛА, и вот это уже оказалось болезненнее. Некогда сверхсекретная база подготовки боевых пловцов Краснознаменного Черноморского флота при свидомой власти превратилась в город-призрак, там еще находились довольно крепкие здания казарм и армейских складов, но уже в той степени разрушения, когда жить в них нельзя, а воевать очень даже можно.

Вот оттуда хохол и начал беспокоящий огонь по ночам, корректируя его с «Фурии». Снабженная тепловизором птичка выдавала картинку минометке, ну а те накидывали и по «Барсукам», и по бригаде. И по вышке.

Когда накануне происшествия картинка лимана исчезла с экрана, начальник разведки вызвал Спартака на КП [8] и молча показал на черный экран.

Спартак понял, что надо идти...

***

– Туловище! Ты хотя бы понимаешь, что тебя могли завалить. Даже обязаны были...

Спартак молча отвел взгляд. Что он мог ответить?

«Хороший сержант – страховка от идиотов», – подумал Скиф. Слава Богу, что гуманитарщики подогнали батальону новые ПНВ [9]. В них-то караульные и разглядели «диверсанта».

– Зачем стрелял?

– Обозначал себя огнем...

– Идиот! Вот ему, – ротный показал на Ваху, – спасибо скажи! У тебя сегодня второй день рождения. Война идет, а он накидался до «белочки»!

– Что скажешь?

Спартак уныло изучал бревна из сосенок, которыми перекрыли блиндаж, и не отвечал.

...Накануне он довольно быстро нашел проблему, за силовой кабель Спартак был спокоен – там оказалось еще довоенное заглубление, а вот гирлянда на самой вышке была уязвима и болталась у всех на виду.

Ее и посекло осколками в двух местах. Площадка перед вышкой была вся изрыта воронками от 120-х, хохол накидывал плотно, будто злился.

Заменив проводку, Спартак слез с вышки, и только тут заметил, что ему от крайнего дома энергично машет рукой старик.

Собрав инструмент, связист закинул автомат за спину и пошел к мирному.

– Здорово, сынок!

– Здорово, дед!

– Ты из «барсуков» будешь?

– Нет, я из бригады.

– А, ну это все равно... Тут мне ваши на днях «барсуки» привезли гостинец, от моих родных, из России. Нашли меня! Представляешь! Из Орла гостинец пришел.

– Супер, дед! Поздравляю!

– Я вот что... Может, ты оголодал? Перекусить домашнего то есть не хочешь? У меня тут и собственного производства настоечка есть...

Спартак посмотрел на часы, время еще было.

– Что же не поесть, дедушка, когда добрый человек приглашает.

И Спартак шагнул под низкую притолоку одноэтажного оштукатуренного на украинский манер дома, мазаные стены которого уже получили пару оспин от недавнего обстрела.

2. КОЛУН

Колун возник из-за низких сосенок внезапно и непривычно, с каким-то неопределенного цвета горбом за спиной. Шел, угнувшись вперед, тяжело, разлаписто ступая по усыпанному хвоей песку.

Спартак, уже неделю ежедневно ходивший в караул, увидел товарища и почти сразу понял – несет что-то большое, недавно добытое.

«Может, кабан», – подумал Мишка.

Но нет, когда взводный подошел ближе, Спартак разглядел совершено точно: «Косуля».

Колун последние несколько дней поутру уходил с автоматом на охоту. Позавчера лебедя принес, сказал, мясо хорошее, но вонючее, повар его потом полдня в уксусе вымачивал. Вчера пустой вернулся, смеется: зайца подстрелил, но не догнал – шустрый зайка оказался, на тот свет своим ходом сбежал.

А сегодня вот: удача так удача!

– Ну ты красавчик, взводный!

Колун усмехнулся:

– Что стоишь, штрафник? Помогай давай!

***

Спартака «барсуки» вернули по-тихому, не докладывая наверх. Колун уговорил ротного, мол, накажем, из караулов вылезать не будет, но, как говорится: русский русскому помогать должен.

В благодарность армейцы отгрузили добровольцам три цинка 7,62 для ПК [10] и по ящику эфок [11] и эргээнок [12]. У добровольцев ни того, ни другого не было, а ПК были. И воевать в случае чего как-то надо было.

Наконец Спартак сменился и подошел к небольшому костерку возле их землянки, где в котле уже кипело подсолнечное масло с лучком и куда Колун штык-ножом срезал дымящееся мясо свежеосвежеванной козы.

Вокруг столпилось чуть ли не полроты, чтобы посмотреть на диковинку.

Военные нередко выходили на охоту, договорившись с соседями на флангах про стрельбу одиночными и в землю (чтобы пуля в случае промаха не полетела искать себе незапланированную жертву).

Тушенка, конечно, хорошо, но свежего мяса никто не отменял.

Поэтому начальство смотрело на это сквозь пальцы, отпуская лучших стрелков на добычу калорий и жиров.

– Расходимся, расходимся! – гнал зевак Колун. – Что столпились? Ждете, когда хохол насыплет по скоплению?

Все понимали, что сержант прав, совсем недавно армейцы поставили три 82-х бэтээра в расположении рядом друг с другом, буквально через десять минут хохлы накидали по бронетранспортерам 155-миллиметровыми из «трех топоров», и накидали точно – не иначе как «экскалибурами» хреначили!

Но любопытство было сильнее.

В конце концов Колун чуть ли не пинками разогнал толпу.

У костра остались только незанятые бойцы из его взвода.

– Спасибо тебе, взводный! – вдыхая ароматный дымок и чувствуя прилив благодарности, сказал Спартак, глядя в огонь. Он с удовольствием упал возле костра, отдыхал после смены.

Колун посмотрел на него, но ничего не ответил, сноровисто срезая с козьей ляжки наиболее аппетитные куски в котел. Остальное взводный отдал ротному повару, и тот потащил тушу к себе, перемазавшись свежей кровью и чертыхаясь.

– Русский русскому помогать должен! – через какое-то время повторил он свою коронную фразу. – Иначе и эту войну проиграем.

– В смысле, – поднял голову Спартак, – а какую мы еще проиграли? В Чечне, Грузии, Сирии – вроде задавили всех?

– Ну чехов, допустим, просто купили, деньгами завалили, а вот грузин не дожали, пиндосы не дали, а в Сирии – в Сирии я был, там до победы еще только начать и кончить...

Колун был из «вагнеров». Брал Дебальцево в 2015-м, возвращал Пальмиру, которую армия умудрилась сдать за несколько часов.

Но что-то там у него с начальством ЧВК не срослось, разругался и законтрактовался в ВС РФ. Так и попал в бригаду, где с его боевым опытом ему сразу дали сержантские лычки и взвод.

Спартак, после того как Колун отмазал его от дисциплинарки, ходил за ним, как привязанный. И дело не в обычной благодарности. Было в нем что-то. Он был старше, опытнее, настоящий воин. А главное – от него исходила сила.

И говорил чудно: «Велес дал – Велес взял», «Ярило сегодня за нас».

Что-то древнее было в его сноровке и основательности. В лесу он был, как у себя дома.

– Ты что, язычник? – спросил его как-то Спартак.

– Родновер, – поправил Колун и посмотрел на бойца из-под кустистых бровей.

Был родновер рыжебород, невысок и крепок в плечах, ни дать ни взять – вылитый викинг! Но с пронзительными рязанскими синими глазами.

По рукам и шее шли татуировки: хитрая славянская вязь, смешанная кое-где со скандинавскими рунами.

– Вот это Велес, – показывал он Спартаку наколку над сердцем, – наш главный бог.

При этих словах Спартак немного смущался за старшего товарища, ему было неудобно, что командир, опытный воин, верит в такую ерунду.

Но из уважения молчал.

Сам Спартак был крещен матерью в младенчестве, когда еще отец жил с ними. Но с тех пор христианство его дальше не шло и ограничивалось поеданием крашеных яиц на Пасху. Мать тоже не сказать, чтобы сильно веровала – из обязательного были крещенская вода и освящение куличей. Ну и написать записочки, когда кто заболеет.

Но перед отъездом на фронт привела сына на службу, уговорила причаститься и взять благословение. Купленный тогда же поясок «Живый в помощи» Спартак на фронте повязал на руку по примеру товарищей и уже не вспоминал о нем...

Мясо зарумянилось в котле, а на убийственный аромат к их костру снова потянулись бойцы из других взводов. Колуновские сходили под навес, где под целлофаном и масксетью хранили продукты, и скоро вернулись – кто с мазиком [13], кто с кетчупом.

Агдам нарезал серого местного хлеба, и скоро в

алюминиевых тарелках бойцов уже дымилось свежедобытое красноватое мясо косули.

С крупно порубленным хрустким репчатым луком дело пошло на славу.

После еды, разливая вскипевший и тут же крепко заваренный чай по кружкам, бойцы закурили, разговор стал оживленнее.

– Война – это хорошо. Она человеческий мусор отсеивает, – сказал Колун, очищая влажной салфеткой темный штык-нож, которым нарезал и с которого потом ел мясо. Сам он оставил себе АК-74-й, а вот штык-нож взял от 12-го [14], глянулся он ему, не бликует, рукоятка удобная.

«Наверное, им же и добил козу», – почему-то подумал Спартак. Но отвращения это не вызвало. Так Колуну и полагалось: и есть, и жить.

– Вот мы воюем с середины 90-х, – продолжал взводный, – за это время уже целая каста воевавших мужиков, каста воинов, сложилась. А после этой войны вообще целое сословие будет.

Только три процента мужчин рождаются воинами! Если грубо посчитать, у нас здоровых мужиков от двадцати до пятидесяти – миллионов сорок. Вот и выходит, что воинов из них под миллион, ровно три процента. Но отбор производит только война. Ни армия, ни военное училище воина не родят. Вон Моторола на заправке работал, и скучно ему было, кто-то на зоне чалился, кто-то в армейке лямку тянул, а кто-то и синячил, потому что нечего ему делать в мирной жизни.

А тут – началось, и сразу пошла движуха, мужики ожили, мужиками себя почувствовали, воинами!

Колун привычным движением воткнул штык-нож в пластмассовые ножны с кусачками, притороченными к бронежилету сзади, за спиной. Отодвинул от огня потертый плитник ногой.

– И что тогда? – спросил его Агдам. – Когда эти три процента на гражданку вернутся?

– Посмотрим! – улыбнулся взводный. – Уж точно другую щеку подставлять не будут.

Бойцы лежали на земле и блаженно тянули сигаретный дымок, пропуская его через себя и прислушиваясь к взводному.

Агдам, тоже не куривший, как и Колун, посмотрел на него:

– Это ты про христианство?

– Про него. Дожили! Полтора года с какими-то хохлами воюем! А эти, которые ломанулись за границу, когда мобилизация началась? Это ж позорище! Вот им там и по одной, и по другой щеке надают. Пусть подставляют, врагов своих любят! Мы только крепче станем!

– Погоди! А Суворов? Он же христианином был? Как раз здесь, к слову сказать, на Косе воевал. И Ушаков, он вообще святой! И Невский, и Дмитрий Донской. Они тоже, к слову сказать, все воины. И все святые.

– Старшина, я тебе и говорю: три процента. Хоть вывернись, но, если оно в тебе сидит, значит, сидит. Придет час, возьмет меч, почувствует холодок стали – и оживет человек. Эти пробились, а сколько воинов твое христианство на корню сгубило, в монахи загнало, в терпил превратило?

– Нет, погоди, Суворов, к слову сказать, ни одного сражения не проиграл, а говорил всегда: «Молись Богу, от него победа!»

Колун сморщился, как от прокисшего виноградного сока.

– Агдам, Суворов тоже терпила был! Цари об него разве что ноги не вытирали, то с должности снимут, то в имение сошлют. А как понадобится – очередную звезду на грудь и иди, Александр Васильевич, спасай Родину и престол. Он и шел.

– И что?

– А то! Солдаты в него, как в Бога, верили! Надо было повернуть армию – и в Петербург, всю эту тыловую сволочь, всю немчуру вдоль Сенатской площади развесить, мужичков на волю отпустить, навести русский порядок на Руси!

– Погоди, Колун, вот ты, к слову сказать, язычник...

– Я родновер.

– Один хрен. Вот как ты, к слову сказать, думаешь свое язычество возрождать? Уже тысячу лет без него живем.

– И что? Вон евреи две тысячи лет без родины жили, а потом сделали на пустом месте себе госу-

дарство и верят в своего Иегову, не стесняются. Да еще и всех соседей по периметру щемят. Красавчики!

Спартак слушал внимательно, поэтому Колун отмахнулся от основательного и неподатливого Агдама и повернулся к Мишке:

– Ты сериал «Викинги» смотрел?

– Смотрел, огонь вообще!

– Видел, когда они вырождаться начали? Когда христианство к ним пришло. Были воины, всю Европу завоевали, до Америки дошли, а превратились в каких-то шведов и, прости Велес, норвегов. С пивными животами и селедками за пазухой!

Спартак улыбнулся:

– Ну мы ж не викинги, мы славяне.

– Хрен там! Мы-то как раз викинги, русичи, у кого воинский дух не выдохся. Славяне землю пашут да в караоке руками машут. Ты знаешь почему русские – русские?

– Потому что русые...

– Нет, потому что пришли из-за моря к славянам варяги и звали их – русь, стали здесь править. Рюрик и все князья, вся дружина их так и назывались – русь. Так и землю свою назвали, страну новую – Русью. А франки захватили Галлию и назвали Францией, а англы подмяли британских кельтов – и стала Англия. А волжские булгары ушли на Балканы, подмяли тамошних славян – и появилась Болгария. А тех булгар, что остались на Волге, подмяли татары Чингисхана. И вместо Волжской Булгарии появилась на карте Татария, нынешний Татарстан. Так оно, брат, – кто победил, тот и назвал.

– Но наши-то варяги давно уже растворились.

– Нет, братишка, они не растворились, они стали элитой. Воинским сословием. Все древние боярские роды так или иначе происходили от Рюриковичей или их дружинников. При них Черное море называлось Русским, Балтийское – Варяжским, Русь была от Болгарии до Урала, от Балтики до Тамани.

– А потом?

– А потом, когда они приняли вашего Христа, своих богов забыли, само собой, перессорились, пошли воевать друг с другом. Тут и навалились татары. Часть из них обрусела. И уже при Иване Грозном на смену варяжской элите пришла татарская. Что татары умели лучше всего делать? Рубить головы и подавлять бунты. Вот они и навели порядок на Руси после Смуты.

Ну а там Петр – после него уже поехали к нам немцы, особенно при Екатерине. И опять сменилась элита – пришли немцы. А что немцы лучше всего умеют делать? Мерседесы? Нет, танки. Вот и вернули мы с ними себе Черное море, Балтику, до Тихого океана и Афганистана дошли.

Потом – революция, и немецкую элиту после Ленина и Троцкого заменила еврейская, сам видишь: на ТВ, в банках, в кино, во власти – везде они.

И тут уж край, смотри, куда пришли, – все земли, кровью и потом добытые, роздали в 90-е, десятки миллионов русских бросили на съедение дикарям, сейчас с хохлом у себя в доме воюем, а в тылу черные наглеют, миллионы мигрантов, а этим хоть бы хны! «Голые вечеринки» мутят да бабло, как перед смертью, пилят!

Правильно говорит Пригожин, главные враги в Москве сидят, в самых дорогих ресторанах...

Колун посмотрел на бойцов, лица их были серьезны и немного печальны, ему никто не возражал.

– Не грустите, братцы, кончится война – новая элита будет, наша, воинская! Все вернем! – сказал он, поднимаясь. – Я пошел отобьюсь на пару часов, если ротный позовет или что – будите.

И спустился в землянку.

3. ПОДВИГ

– Слушай, Спартак! Чтобы синьки больше нини, принял?

– Принял, Колун, я...

– Смотри, боец, – перебил его сержант, – ты на войне, и ты воин! Синячить можно, когда нет войны, воину скучно, я пойму. Но здесь – такой движ, такая драка, что адреналина за гланды!

Запомни, задвухсотят по синьке – будешь лежать, как кусок падали. Я тебя доставать не пойду. И другим не разрешу.

Они какое-то время шли молча.

Спартак не удержался и спросил, о чем давно думал:

– А в скандинавских богов ты тоже веришь?

– Верю, они наши, общие. В Одина верю, в Валхаллу верю: «Быть воином, жить вечно». Для воина самое позорное – плен. Кто сдался в плен, не попадет за братский стол, где соберутся воины всех веков. А там уже наших братиков – за горизонт. Вот там синячь не хочу! Ни похмелья, ни смерти...

Колун как-то по-хорошему усмехнулся, будто говорил о родне. Потом снова стал серьезным:

– Рэровцы [15] передают – у хохла какая-то движуха на том берегу, так что поаккуратнее там.

Но Мишка не унимался:

– Колун, но ведь у хохла то же самое? Все нацики в рунах ходят, «азовцы» вон перед Перуном хороводы хороводят...

– Хохлы – придурки, они не с теми воюют. Вместе с нами до Ла-Манша дошли б, а посмотри, кто их сейчас на убой гонит: что ни физия, то Изина. Анекдот про Изю знаешь?

– Нет.

– Смотри, значит, приходит Мойша к Шлеме и говорит: «Сын родился, а как назвать – не знаю». Тот ему: «Назови Изяславом, очень хорошее имя! Когда надо – Изя, когда надо – Слава».

Спартак улыбнулся, а Колун подытожил:

– Но все равно: после войны все изменится. Ладно, хорош разговоры разговаривать, пришли. Иди, и да хранит тебя сила!

Он проводил Спартака до опушки, посмотрел, как тот идет по отрытке, проконтролировал небо: все чисто; и пошел назад, в расположение.

***

Спартак шел, крепко задумавшись, до войны он многого не замечал, как-то катилось все по налаженной. А тут стал задумываться.

Колун говорил, что он не один, что родноверов много и среди «вагнеров», и вообще среди силовиков, до самого «верха». Что у него у самого есть куратор «наверху» и, если что – поможет.

«А главное, пойми – говорил, – чудило, время расслабленных закончилось, пришло время воинов!»

Спартаку на войне нравилось, здесь все было понятно: там враг, здесь свои. Деньги регулярно высылал Женьке. Живот ушел в первый же месяц, побегал в бронике да в обвесе, и никакой фитнес не нужен.

Позорный «плен» у «барсуков» уже начал забываться, но вчера опять погас экран на КП, и пошлепал связист на вышку знакомой дорожкой.

...А тем временем затевалось неладное. Контрнаступ у хохла на Запорожье завяз, наши нажгли «леопардов» да «бредли» с хорошую гору, и тем позарез «знадобилася гарна картинка».

Курортная жизнь на Косе с ленивым пинг-понгом арты да редкими вылазками на острова ДРГ то с той, то с другой стороны – расслабляла.

Там думали в ГУРе.

Поэтому решили сделать высадку под Покровским, уже не на островах, а на самой Косе. Завели на Первомайский из Очакова сэсэошников, спрятали под навесами глиссеры.

Расстояние до Косы сократилось ровно вдвое, теперь можно было быстрым рывком на четырех катерах выскочить на Косу, взять пленных, пофоткаться с флагом и – пока орки прочухаются, пока дадут целеуказание арте – уйти восвояси.

Беда в том, что на двухместных глиссерах много народа и вооружения не высадишь.

Значит, русских надо было выманить.

Под это дело перебросили беспилотную группу Мадяра, и его «мавики» уже третий день шерстили Покровское и окрестности, но без толку. Кроме мирняка, ничего не было.

Тогда решили сбить камеру на вышке и дождаться, пока орки придут ремонтировать.

Так и сделали, бригадный Hikvision вынесли с помощью эфпивишки, но орки вместо нескольких бойцов на ремонт отрядили только одного, судя по всему, связиста.

Гуровцы решили работать по нему.

***

Вели Спартака от самого леса, мадяровский «мавик» висел в километре от земли, над лесом, в зените. Яркое мартовское солнце слепило глаза, звук моторов за шумом сосен и на таком расстоянии не был слышен.

Поэтому Колун, прощупывая открытку и небо над ней, не мог видеть его. А вот операторы коптера увидели на экране КП в Первомайском зеленую точку, отделившуюся от леса, увеличили и стало ясно: долгожданный ремонтер идет, один.

– Ну, один так один! – сказал полковник ГУР Лисовий и дал отмашку своему спецназу по-русски: «Хлопцы, работаем!»

Четыре двухместных серых глиссера взревели и, задрав носы, выскочили из своей крытой стоянки, заложили крутой вираж и быстро понеслись к Косе, прыгая на крупной весенней волне.

– Теперь твоя очередь, Мадяр!

– Треба размовлять на державней мове, товарищ полковник! – улыбнулся командир беспилотной группы. – Сейчас мы его прижмем!

Дождавшийся своего часа дрон пошел на снижение.

Спартак шел и все думал о своем разговоре с командиром. Диковинно все это было, ново для него. Его уже давно тянуло к Колуну, что-то не хватившее ему в детстве, отцовское искал он у старшего товарища.

Тот это тоже понял, и в разговоре вроде бы со всеми обращался больше к нему.

Сквозь звенящую мартовскую тишину и шум ветра в наушниках шлема Спартак вдруг услышал тонкий и нудный звук на одной ноте, он задрал голову и прямо над собой увидел птичку.

«Интересно – наша или укроповская?» – не успел даже толком подумать он, как увидел, что от птички отделилась точка, и, немного вихляя, стремительно понеслась вниз, на него.

«Сброс!» – скорее спиной, чем мозгом, понял он, и ломанулся в сторону, в последний момент упав на землю.

Ему повезло – это были «воги» [16]. Повезло, что взрывы не сильные и разлет осколков небольшой. Не повезло, что на коптере их было несколько.

И едва он вскочил на ноги, как опять ощутил себя в перекрестии прицела. Пошел следующий.

В это же время, петляя, Мишка опять-таки даже не увидел, а почувствовал краем сознания, как с моря, со стороны острова к нему летит еще один дрон.

«Обложили, как зайца», – понял он. Но не понял того, что операторы не очень-то сильно хотят попасть в него, отсекают взрывами от леса и гонят на побережье.

Когда под ногой раздался щелчок, он понял все и сразу – это было как озарение: Мишка увидел себя сверху, увидел два коптера, что выгоняют его к морю, даже увидел болтающиеся в прибрежной волне, параллельно берегу, каплевидные серые катера и фигурки в пикселе, бегущие к нему.

Потом все потухло.

Спартак очнулся от взрыва, рядом громыхнуло, вслед за тем тишина наполнилась русской матерной руганью и слезными причитаниями на суржике.

– Тарбаган «триста»! – услышал он рядом. – Не дотягнемо! Увага, хлопци, ПМНки [17]!

Голоса, которые поначалу приближались, смолкли.

«Ножами землю перед собой щупают», – понял Спартак. Что вскочить не сможет, он понял тоже сразу. Попробовал перевернуться, и тут пришла боль. Особенно в правой ноге. Он с трудом поднял гудящую голову и увидел, что у него нет правой «ловы» [18].

«Сорвало взрывом, – мелькнуло у него в мозгу, – и только после дошло: вместе со ступней».

И тут же из оторванной ноги горячими толчками пошла кровь, голова закружилась, пришло ощущение нереальности всего происходящего.

Спартак опять откинулся на спину.

«Сейчас наложат турникет и оттащат к катерам, – понял он. – Только не плен!»

Что делают хохлы с пленными, он видел в многочисленных видео и слышал от ребят, которые тоже от кого-то слышали.

Будто в подтверждение его мыслей рядом раздался гулкий одиночный выстрел. Спартак вздрогнул: «Своего добили». Ему показалось, что кровь из развороченной ноги пошла еще быстрее.

«Эх, сейчас бы пригодились «эфки», что за меня «барсукам» ребята отсыпали, – с досадой подумал Мишка, – и себя, и петухов бы сейчас рванул!»

Но гранат у него не было.

Вдруг он понял, что ему так мешало последние минуты – мушка АК, лежавшего под спиной, упиралась прямо в шею, в щель между шлемом и задравшимся вверх плитником.

Спартак нащупал ремень автомата и попробовал резко сдернуть его через голову, не получилось – автомат зацепился за шлем, чтобы его высвободить, пришлось долго, очень долго, как ему показалось, раз за разом снова дергать, набираясь сил, поднимая голову и опять опадая в кружащуюся бездну.

Вдруг уже совсем рядом, как в дурном сне, раздалось:

– Відмучився, Тарбоган! [19]

– Шукаємо орка! [20] – донеслось издалека.

«Только не в плен! Только не в плен!» – колотилось в его мозгу.

Мишка поудобнее перехватил автомат, прижимая его к животу. Снял с предохранителя и отщелкнул до упора, на стрельбу одиночными.

Потом дергающимися руками и плохо двигавшейся головой долго пытался поймать ртом непослушный ствол «семьдесят четвертого», в кровь рассадил губу, но уже не чувствовал соленого вкуса крови на языке. Тяжелый металлический вкус вороненой стали перебил все остальные запахи и вкусы этого мира.

Наконец боец поймал дуло автомата окровавленным ртом, да так и застыл с полуоткрытым, не смог сжать его.

«Валхалла... Вот они... – пронеслось у него в мозгу со страшной скоростью, – Господи, помилуй!»

И нажал спуск.

***

– Все одно б виплив! [21] – сказал один из гуровцев, осматривая оторванную ногу остывающего Спартака.

– Хоч пофоткаємось! [22] – ответил старший группы.

И, прощупав ножами землю вокруг на предмет мин, они обступили погибшего бойца и стали фотографироваться, радостно улыбаясь, поднимая Спартаку голову, делая рожки, расстегивая ширинку.

Гуровцы были стреляные воробьи и большинство этих фоток в Сеть не выложили, разослали побратимам да жинкам.

А вот видео той вылазки на Косу, снятое підрaздилом Мадяра с «мавика», взорвало интернет.

Ролик завирусился и с той, и с другой стороны.

В Рунете и на центральных каналах Российского телевидения его обсуждали целых два дня. Миллионы просмотров не остались незамеченными там, где надо, и на третий день стало известно, что Спартаку дали «мужика» [23] посмертно.

У хохла ролик тоже обсуждали, но уже с другим толкованием: мол, смотрите, как клятии орки боятся наших воинов света и того, что им придется в Украини отвечать за свои преступления!

Но и там Спартака тоже быстро забыли.

Женечка получила выплаты за гибель воина и тело героя.

С телом получилось на удивление быстро.

Мадяр, конечно, ждал эвакуационную команду и хотел накрыть наших эфпивишками или навести арту из-под Очакова.

Но, как назло для нацистов, на море и над морем разыгралась погода, на остров шли стальные полутораметровые волны, штормовой ветер с дождем сносил все, что появлялось в воздухе, и вся беспилотка сидела в кофрах, под надежными крышами.

К тому же наши в тот же день, когда вышел ролик, перекопали Первомайский «ураганами» [24]. Не дожидаясь этого, хохлы слиняли с острова в полном составе: и беспилоты, и гуровцы, и даже минометка.

А работать с того берега было гораздо сложнее.

Поэтому Колун, лично возглавивший эвакуационную группу, без труда вынес Спартака в расположение, откуда военмеды отправили тело по известному маршруту.

Проблемы возникли с похоронами Спартака. Точнее с отпеванием.

Приходской батюшка был в недоумении, как отпевать воина, совершившего самоубийство?

И направил запрос в Патриархию.

Положительный ответ пришел на удивление быстро: «Воин Михаил, находясь в состоянии посттравматического шока и получив ранение, не совместимое с жизнью, совершил это, чтобы не рассказать противнику ценную информацию, которой обладал».

Таким образом, отпевание было совершено, и раб Божий воин Михаил навсегда упокоился на военном мемориальном кладбище в Мытищах под залпы прощального салюта.

«Барсуки» тоже помянули своего «первого пленного» добрым словом. Лучше всех сказал Ваха:

– Беззлобный был парень, и умер, как герой! Хорошо, что мы его по синьке не задвухсотили...

А вот Колун через неделю после гибели Спартака запятисотился [25].

Сначала никто ничего не мог понять, куда пропал взводный, думали даже, что пошел мстить за Спартака на остров, где его и приняли хохлы.

Но нет, через неделю он засветился в колонне «вагнеров», которая шла на Москву. После того как мятеж Пригожина не удался, Колун пропал.

Пропала и статья СОЧ [26] из его личного дела.

Видимо, и в самом деле, кураторы у него мощные были.

Потом дошли слухи, что Колун законтрактовался в Африканский корпус РФ в Буркина-Фасо, но и там у него что-то не заладилось, поссорился с начальством и ушел в соседний Кот-д`Ивуар, где записался в Иностранный легион.

Даже говорили, что в составе пресловутого батальона Иностранного легиона он зашел на Украину и воюет теперь на той стороне, но это уже совсем дичь – надо быть конченным идиотом, чтобы с таким послужным списком самому отдаться в руки палачам СБУ.

Мало ли что говорят?

Колуна в бригаде уважали, но не любили.

Из близких товарищей у него и был-то один Спартак. Можно сказать, ученик.

Но и тот, выходит, не доучился. ■

---

[1] *Командно-наблюдательный пункт.*
[2] *Разведывательно-штурмовой батальон.*
[3] *Диверсионно-разведывательная группа.*
[4] *Силы специальных операций РФ.*
[5] *Главное управление разведки Украины.*
[6] *Взводный опорный пункт.*
[7] *Ракетные войска стратегического назначения.*
[8] *Командный пункт.*
[9] *Прибор ночного видения.*
[10] *Пулемет Калашникова калибром 7,62.*
[11] *Гранаты Ф-1.*
[12] *РГН – ручная граната наступательная.*
[13] *Майонез.*
[14] *АК-12 – новый автомат, поступивший на вооружение ВС РФ.*
[15] *РЭР – радиоэлектронная разведка.*
[16] *ВОГ – выстрел осколочный гранотометный.*
[17] *ПМН – противопехотная мина нажимная.*
[18] *Lowa – популярные на фронте тактические ботинки.*
[19] *Отмучался, Тарбоган! (укр.).*
[20] *Ищем орка (укр.).*
[21] *Все равно бы вытек (укр.).*
[22] *Хоть пофоткаемся (укр.).*
[23] *Орден Мужества.*
[24] *Реактивная система залпового огня (РСЗО) калибра 220 мм.*
[25] *Дизертировал.*
[26] *Самовольное оставление части.*

Архив Олега Визера

ОЛЕГ ВИЗЕР

Родился в 1969 году на Сахалине в семье военнослужащего. Окончил институт имени Россинского в Краснодаре. Работал сельским учителем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Аргамак», «Подъём», «Смена», «Москва» и других СМИ. Живёт в Мензелинске, Республика Татарстан.

ЖЕСТОКОСТЬ

Журнальный вариант

В тусклом свете восходящей луны, прячась под полуголыми кронами деревьев, продирались сквозь дебри зарослей и буреломы лесопосадки двое бойцов, одетых в военную форму разных государств. Русский солдат шел позади украинского военного, держа того под прицелом автомата, и время от времени прихрамывал. Украинец выглядел более живым, шел, постоянно прибавляя шаг, и постоянно поглядывал на небо; когда русский отставал, он останавливался, чтобы подождать своего конвоира. Идти в наступающих сумерках было нелегко: дикая поверхность земли внутри лесополосы была неровной и сплошь усыпана поломанными ветками и поваленными молодыми деревьями; осенняя сырость расквасила почву, превратив ее в кашицу, а склизкие листья налипали на подошву вместе с грязью, вдвое утяжеляя и без того увесистую военную обувь; через валежники приходилось перелезать, потому что выходить на дорогу, чтобы обойти их, означало подвергнуть себя опасности быть замеченными дронами на открытом пространстве.

– Стой! Не спеши! – то и дело приказывал русский пленному, когда тот удалялся вперед больше допустимого.

Украинец послушно останавливался и, точно ребенок, во время прогулки далеко убегающий от сопровождающих его родителей, нетерпеливо ждал.

Русский боец с позывным Бот час назад взял нацика в плен. Все получилось спонтанно. Атака его штурмовой группы была сорвана вэсэушниками – пришлось отступать. Да что там отступать – драпать пришлось! Рассредоточились, вернее, разбежались кто куда. Такое бывает на войне: иногда приходиться отступать. Многие ребята из отряда полегли. Кругом взрывы, стрельба, дым, пыль... «Бот» лишь помнит свист снаряда – и как его взрывной волной отбрасывает в сторону. Когда он очнулся – тишина. А потом жгучая боль в бедре, будто осы – нет, рой ос! – ужалили в ногу. На штанине, чуть выше колена, виднелась пара крохотных дырочек. Позже боль немного утихла – или страх затмил ее, уж не до боли ему было: одна только мысль – куда бежать, чтобы не убили. Когда дым рассеялся, впереди, в пяти метрах, он увидел блиндаж, вход в который был загроможден трупами нацистов. Опасаясь, что внутри остались живые, Бот сделал одиночный выстрел в черный зев входа и громко – так, чтобы тем, кто там остался, показалось, что снаружи целый взвод держит их в окружении – закричал:

– Выходим на корточках по одному, руки вверх! Или сравняем тут все с землей нафиг!

В ответ послышался грубый, хриплый, прокуренный голос:

– Ага, щас, орк поганий, так и здалися... А ось на тоби, гнидо, спробуй свинцю... – и прогремел выстрел.

Бот отпрыгнул в сторону и только хотел достать гранату, как прозвучал еще выстрел, и тот же, но уже стонущий от боли, голос: – Ах ти паскуда, шкура москальська...

Кто-то из своих, видимо, застрелил крикливого нацика.

– Не стриляй... – изнутри блиндажа донесся другой голос, тихий и умоляющий.

– Сколько вас? – Бот приготовился выдернуть чеку гранаты.

– Один... уже.

– Вылезай! Руки вперед... Покажи руки!

Из темноты блиндажа появилось испуганное лицо укронациста с вытянутыми вперед руками.

– Этих, – Бот указал дулом автомата на трупы, загораживающие выход, – откинь в сторону... Да пошевеливайся!

– Щас, щас... Тильки не вбивай – сдаюсь.

Испуганный вэсэушник спешно перекатил трупы сослуживцев в разные стороны, освобождая себе проход, и на карачках выполз из землянки,

встал на колени, поднял вверх руки. Русский хотел было пристрелить нацика – в первые секунды им овладело неимоверное желание уничтожить врага, не раздумывая, но... Он вдруг замешкался. В течение нескольких минут молча держал врага под прицелом, не сводя с него глаз, и подбирал слова – матерные, с помощью которых собирался выплеснуть на нациста всю свою накопившуюся за время спецоперации ненависть и осыпать проклятиями его и весь его род. Но и этого не сделал – помешали мысли: он вспомнил 2014-й, Крым и – точно! – «вежливых людей». Бот решил вести себя, как "вежливые люди", и подавил в себе гнев и агрессию. Негоже уподобляться нацистам. Не дождутся, не увидят они его злости. Пусть видят уверенность и силу и знают: русский воин умеет держать себя в руках, несмотря на жажду мести. Убить – хэ! – проще простого. А вот не показать врагу свой испуг, злость и негодование – вот это, брат, сложнее будет. Пусть бесятся от нашего спокойствия и знают, что на нашей стороне – правда, оттого мы и спокойны. Будь на месте пленного иностранец, Бот бы не мешкал и не строил из себя благородного рыцаря, а пристрелил бы в миг – чего иноземцу доказывать нашу правду. Но перед ним был славянин. Пусть и нацист, хотя, быть может, не идейный, а так, случайно заблудшая в чужую отару наивная душа или невольная жертва насильного призыва на фронт, но все же вроде как свой, как родственник.

«Я вежливый», – настраивал себя Бот.

– А это что за гости? – Бот приблизился к мертвым вэсэушникам, одного из них ткнул ботинком в спину.

– Це поляк, – ответил нацик, брезгливо оглядываясь на мертвых товарищей, – а то – британець... Инструктори.

– Что, не помогли тебе, значит, твои ляхи? – усмехнулся Бот и присел напротив нациста. – Помнишь хоть, чьи это слова?.. А-а, вы ж Гоголя не признаете? Как и Пушкина... Ух, фашисты, даже памятники снесли... Что прячешь глазенки? У-у, блин, мало вас...

– Не вбивай, братику, я ж...

– Заткнись и шагай! Братик он...

Бот сделал шаг и присел на корточки, скорчившись от боли: в ноге резануло так, будто в нее цыганской иглой ширнули. Он потрогал рану и под тканью брюк почувствовал влажность. Неужели осколок? Кость вроде цела, идти, слава Богу, смогу. Просто немного крови – так, царапина. Наши где-то рядом – дотяну. И не с пустыми руками вернусь, а – как там раньше говорили? – языка приведу. Кстати...

– Кстати, кто главный? – Бот поднялся и подошел к убитым. – Командир кто? – спрашиваю.

Пленный поочередно указал на три трупа.

Русский перевернул три тела на спину и ощупал их карманы. Вынул у всех документы и забрал планшет. «Может, там секретные документы», – обрадовался он.

– Погнали!

– Куды?

– На кудыкину гору... Вперед иди! И не вздумай рыпаться – пристрелю!

– Та не думаю, не думаю ничого...

Около получаса они шли по лесополосе, иногда останавливаясь, – русскому надо было сделать передышку: все больнее было наступать на раненую ногу. Еще и приближающиеся сумерки затрудняли продвижение. Бот и так слабо помнил, откуда его рота заходила в наступление, а сейчас, после легкой контузии, да еще при плохой видимости вообще был дезориентирован: определить точно, откуда они начинали атаку, не мог: куда ни глянь – одинаковые поля и лесополосы, а за ними – никого, ни единого огонька. Бои давно прекратились, кругом тишина, и понять, насколько далеко отступили наши, не представлялось возможным. Кто его знает, может, теперь он находится на подконтрольной нацистам территории, и в любую минуту можно нарваться на врага.

Вдруг пленный остановился и застыл, прислушиваясь к звукам, посмотрел на небо.

– Что там? – Бот остановился и вскинул автомат, целясь в темноту.

– Почулося, – выдохнул нацик.

– Померещилось? – усмехнулся русский.

– Думав – дрон.

Бот забыл про осторожность: дроны и правда могут легко их засечь. Даже в темноте. Листва с деревьев почти вся осыпалась, и только на верхушках оставались редкие шапочки, а потому сверху, особенно днем, посадка просматривается хорошо. Надо быть внимательнее.

– А чего трясешься-то? Своих боишься или наших? Наши-то спасут...

– А наши, – перебил пленный, – пристрелять... Живим ни витпустять.

– А, ну да, да, вы же, нацисты, в спины стреляете.

– Та не нацик я! У мене и наколок немае, хочешь, подивися... – начал оправдываться пленный. – Я ж не сам, а мене на силу тецэкашники закликали и пид конвоем на фронт видправили. Мисяць тому це было...

– Стой! – приказал Бот. – Стой, где стоишь! – и присел на ствол поваленного дерева, поглаживая ногу. – Передохнем малехо. – Сырое темное пятно становилось больше – рана кровоточила.

– Давай перевъяжемо, – предложил свою помощь вэсэушник.

– Сиди давай, не хрюкай! Без твоей помощи как-нибудь... Напомогали уже.

– У тебе рана серйозна... – пленный направился было к русскому, но тот вскинул автомат «на плечо» и крикнул:

– Стой, говорю, на месте!

– Та я ж допомогти хочу... А то й до своих не дотягнеш.

– А тебе-то что? Только счастье, если я крякну... Вернешься к своим – к нацикам...

– Та не нацик я, говорю ж...

– А кто ж ты, миротворец?

Бот не доверял ни единому слову нациста, хотя тот и был с виду порядочным и даже своего застрелил... Но кто знает, из каких побуждений это сделал.

– Зачем своего пристрелил?

– Богато гавкав, ось и пришив... Дюже смиливый був пид наркотою. А мени через нього помирати не хотилося. – И признался:

– Я думав, ти мене пристрелиш, не роздумуючи... м-м, як це буде вашою мовою? – сразу.

– С чего? – удивился Бот и подумал: «Заговаривает зубы». – Будешь много болтать – пристрелю, не волнуйся.

Пленный испуганно оглянулся на русского.

– Так нам твердили, разумиеш, що ви, росияни, звири, и стриляете без розбору – сразу всих пидряд. И мучите як гитлеривци, и ще хлище...

– Не строй из себя жертву... Привыкли спихивать все на кого-то, а сами хуже тварей. Еще расскажи, как ты под влияние антирусской пропаганды попал.

– Я ж, зрозумий, и думати не думав, що все так обернеться – та й нихто не думав, – а воно як вийшло. Нас напихали всякими гадостями про вас, говорили ризне – бильше поганого. Все, що повъязано с русявою... ой, не гнивайся на мою мову, брате, – з Росиею... то, значить, погано.

– Да знаем, – раздраженно махнул рукой Бот. – Думаешь, не помню тот хохлосрач, который с вами устраивали в соцсетях лет десять, где-то, назад. Что ни пост от ваших, то ушат грязи на нас. Я тогда еще не понимал, откуда у вас столько ненависти к нам. Вроде много ваших в России работали, вроде мы жили бок о бок, пили-ели: вы – наши, мы – ваши и вдруг – нате! Как только общение в инете, так сплошь клевета и злоба. Чего такого плохого, не понимал я, мы, русские, к примеру, лично я вот, вам сделали? Я бы жизнь прожил, и знать бы о вас не знал, если бы не война. По чесноку если, то мне, да и всей моей родне и друзьям тоже абсолютно наплевать было на вашу Украину. Знал, что есть такая по соседству, ну и есть – мне от вас ничего не было нужно, как... ну как от Монголии, например. Никакого дела до вас, понимаешь, не было – существуете вы или нет вас, как вы там живете, с кем, о чем думаете, меня совершенно не заботило. Ни плохого, ни хорошего – никакого отношения, понимаешь? Как до Африки... До этих – как их там? – до эфиопов, например, или каких-нибудь австрийцев. Чего вамто не жилось спокойно, бандеровцы?

– Та не казав я про вас поганого... У мене ридня в Росийи живе. А може й так: ти верно кажеш, голову нам добре прочистили – мойю точно. Кажу ж, думав, ти мене частинами почнеш розстрилювти: спершу по ногах, потим по руках... – так нас лякали.

Бот потянулся к бедру и погладил раненое место ладонью. Он уже еле сдерживал себя, чтобы не застонать от боли: рану жгло так, точно на нее углей насыпали. Но он изо всех сил старался не показать – ни эмоциями, ни голосом – свое страдание, иначе укронацист, не дай Бог, почувствует смелость... и превосходство.

– Чего вылупился? Шагай, давай! – скомандовал Бот, поднялся, опираясь на оружие, и они двинулись дальше.

С каждой минутой боль в ноге усиливалась, и Бот уже не в силах был скрывать хромоту, отчего двигался все медленнее и медленнее. Постепенно им овладевала паника: что, если он не выдержит и рухнет без сил или потеряет сознание – голова не на шутку кружилась, а этот пес, которого он сразу не пристрелил, возьмет, да и прихлопнет его с удовольствием его же оружием! От этой мысли русскому стало нехорошо.

Пройдя метров двести, они снова остановились.

– Стой! Привал! – Бот тяжело дышал и, утомленный ходьбой, уже не просто сел, а рухнул на землю мешком, вытянул раненую ногу и стал поглаживать ее.

Украинец остановился, оглянулся, и в его глазах русский не увидел ни злорадства, ни восторга – наоборот, нацик смотрел на него с неподдельным сочувствием; в его взгляде появилось что-то человеческое, душевное... доброе. Но все равно украинец пребывал в состоянии страха – даже большего, чем во время пленения.

В том плачевном состоянии, в котором находился Бот, такое неожиданное изменение отношения плененного врага к нему, пленившего его и чуть было не лишившего жизни, могло и показаться. Разумеется, именно сейчас ему необходимы были чье-то присутствие рядом, внимание и забота; и это естественно, что ему хотелось верить в искренность и сострадание, хотелось доверять людям, принимать от них помощь, пусть даже если эта помощь будет исходить от недруга. Страх потерять – да к тому же так не вовремя, так напрасно – жизнь затмевала разум Бота, подавляя чувство ненависти и недоверия даже к недавнему врагу.

– Чего уставился? – сквозь зубы процедил Бот. – И не думай мне – не сдохну. Сейчас пойдем...

– Та не думаю я ничого... Сам надумуеш чорт знае що. Я ж не хочу назад... Толку ниякого – знову видправлять у окопи – тильке уже на смерть верну.

– Не пудри мозги – забодал! – русский попытался подняться, но нога не слушалась, и он опустился обратно на землю. – Если меня своим сдашь, тебя, небось, в звании повысят, наградят, а?

Украинец с презрением посмотрел на Бота.

– Я не знаю, чим тоби ще довести, що я – це не вони, и не збираюся назад, поки не закинчиться война. Ти не про вси неподобства... м-м, по росийски если – безобразия знаэш – хоч, мабуть, чув про них, – яки творяться у нас. И мене, повир, таке не дуже тишить... нравится. Ай, та що тоби казати – все одно не зрозумиэш...

– Ага, я ж орк недоразвитый, – усмехнулся Бот.

Нынешняя осень была относительно тихой и теплой. Но если час назад Бот чувствовал вечернюю ободряющую прохладу, то сейчас его тело обдавало жаром, а на лбу проступила испарина. Пленный заметил багрянец на лице русского и темное пятно на штанине, которое заметно увеличивалось в размерах, и не выдержал, подошел к конвоиру:

– Можеш пристрелити мене, але в мене бильше нема сил дивитися на це – як ти мучишся.

– Стой, говорю... – приказал ему русский, но уже не так настойчиво. Пожелай вэсэушник прикончить его сейчас, Бот вряд ли сумел бы дать достойный отпор.

– Якщо... ну, если... не довиряеш, пристав до моей голови дуло, а я все ж таки спробую перебинтувати... якщо брикатися, як теля не будеш.

– Ты что, умеешь? – Бот подстраховался на всякий случай: приподнял автомат и приставил дуло к шее вэсэушника.

– Вчили... мучили. В институти, потим на зборах перед видправкою на фронт.

– К черту! – Бот оттолкнул нацика и попытался подняться, но не устоял и упал. – Нет, двигаем дальше. Наши где-то рядом...

– Ми так николи не дийдемо – ти ж не зможеш... – обиженный, украинец повернулся и зашагал вперед.

Бот все-таки поднялся и, с трудом ступая на раненую ногу, поспешил за нациком. Теперь их передвижение замедлилось настолько, что пленный большую часть времени стоял в ожидании, когда русский догонит его и приблизится на допустимое расстояние.

Вскоре нога ослабела настолько, что уже не слушалась своего хозяина – пришлось сделать очередной привал.

– Да где же наши? – русский всматривался в темные дали. – Правильно ли мы идем?

– Наче там, – пленный указал на зарево над горизонтом – оттуда доносилась канонада.

– Там наши... или ваши – кто его знает? – устало пробормотал Бот и повалился на спину, продолжая держать пленного под прицелом.

Послышался залп «солнцепека» – вдалеке озарилось полнеба.

– Наши там, – Бот указал на вспышки.

– Далеко, – с сожалением произнес украинец.

Боту становилось настолько муторно, что он начинал плохо соображать. Ему уже ничего не хотелось, кроме как остаться здесь и лежать на сырой земле. А еще ему хотелось укрыться чем-нибудь тепленьким и уснуть крепким сном... Или...

И тут с ним произошло то, чего он от себя никак не ожидал: у него вдруг внезапно поменялось отношение к окружающей действительности и... – нет-нет, этого не может быть, это никак не соотносилось с реальностью происходящего и никаким образом не входило в его планы и намерения!

Вероятно, из-за боли и отчаянного положения у Бота перевернулось сознание: он забыл все плохое, что было до этого; у него возникла потребность в окружении, в добром окружении, в понимании и внимании; ему захотелось услышать слова поддержки и получить поддержку со стороны не только близких людей – в данном месте вряд ли такое возможно, но принять помощь от любого, рядом находящегося, пусть и незнакомого человека. Бот посмотрел на пленного – нет, это абсурд, он же не доверит врагу свою жизнь? Чертова рана! Неужели придется довериться? И кто-то внутри него отвечал: да, если понадобится, если ситуация окажется безвыходной, то – да...

Боль и паническое состояние от перспективы помереть, не добравшись до своих каких-то пару километров, подавляла в нем ненависть, ярость и страх, высвобождая положительные эмоции и чувства, как будто он вернулся в мирное прошлое и стал тем, кем был до войны: не грубым и не обозленным. Ему теперь хотелось доверять украинцу. Не понимая своего состояния, Бот, однако, радовался внутренним переменам. К своему изумлению, он в душе прощал украинца и – надо же, Господи! – ждал прощения от него – нациста!

По всей вероятности, пребывая в несчастье, человек желает прощения и прощает сам; испытывая мучения, он просит пощады и милости у Бога, у друга и даже у врага. Любой немощный – тот же ребенок. Быть может, все потому, что беспомощный не в силах никому причинить вред; более того, у него вообще отсутствует желание кого-то обидеть. Даже самый отъявленный негодяй и самый закоренелый преступник, самый страшный эгоист и самый убежденный мизантроп, волею судьбы оказавшийся страждущим, вновь становится безгрешным. Убить – и даже бить – раненого или инвалида, или прикованного к постели старика, все равно что убить – или бить – младенца.

– Аптечка в рюкзаке, – Бот расстегнул подол бушлата и вынул из внутреннего кармана индивидуальную аптечку. – Посмотри... жгут там или укол какой.

Украинец стремглав подбежал к русскому и выхватил из его рук аптечку. Открыл ее и достал оттуда жгут и шприц-тюбик. Первым делом ввел обезболивающее. Затем жгутом перетянул бедро чуть выше раны. Из ножен на поясном ремне русского вынул штык-нож, вырезал квадратный участок штанины, оторвал прилипший к коже отрезок материи – в нос сразу ударил неприятный запах, – и наложил на рану ватно-марлевую повязку. Марля тут же окрасилась кровью. Затем ослабил жгут. Раненый не проронил ни звука, но, претерпевая боль, кусал зубами нижнюю губу, запрокинув голову назад. Украинец потрогал его лоб и определил, что не высокая, но температура была.

– Вот бы попить, – не попросил, а просто высказал свое желание Бот, понимая, что вряд ли поблизости найдется источник.

Вэсэушник поднялся, стал осматриваться в темноте, что-то искать. Но в потемках хоть глаз выколи – кроме полыхающего зарева от взрывов снарядов над горизонтом, ничего не видать.

– Карта! – воскликнул нацик. – Дай планшет... Дизнаемось, де ми, може недалеко хутир якийсь або ричка...

Бот протянул пленному трофейный планшет. Тот достал бумаги, перебрал их, нашел карту, сложенную вчетверо, но ничего разглядеть не сумел.

– Блин, ни зажигалки, ни спичек, – выругался Бот. – Не куришь?

– Курю, просто з собою немае – у блиндажи все лишилося. И фляжки з водою...

– Э-эх, и я не догадался – думал, быстро вернемся.

– Так вже.

Украинец о чем-то думал, беспокойно оглядывался по сторонам. Бот чувствовал душевное успокоение от того, что находится не один, и теперь твердо верил, что они доберутся до своих. «Вот только попить бы», – мечтал он, облизывая сухие губы. Пленный тоже испытывал жажду.

– День настане ще не скоро, – недовольно произнес нацик, нервно почесывая друг о друга подушечки пальцев. – Щось треба робити... – и резко вскочил на ноги. – Я швидко. Ти лежи, а я знайду воду. Может, хата здесь недалеко чи озерце...

– Да валяй куда хочешь, – разозлился Бот. – Считай, тебе повезло: ты свободен. Может, героем незалежной станешь, если меня своим притащишь...

– Так замовкни ти зи своею незалежною! У пекли я бачив таку... Коротше, я побиг.

– А в чем ее... – кряхтя, Бот попытался приподняться на локти, – воду то, принесешь, умник?

– Разберусь, – пленный отмахнулся рукой и исчез в темноте.

Нацик ушел туда, откуда они пришли, и Бот, проклиная свою и доверчивость, и ни к месту и времени полученное ранение, начинал нервничать. «Сбежал, падла! Как я мог?.. Поверил ему, дурак, – корил он себя. – Пошел к блиндажу, а оттуда – к своим... Ну надо же так было оплошаться».

Звёзды тихо, мирно светили. Точно так же, как в детстве. Но сейчас звезды у Бота ассоциировались с морозом, с зимой – ему было холодно, он дрожал и начинал постукивать зубами. Хотелось одного – тепла. «Сейчас бы в лето, – мечтал он. – Да чтоб в такое, чтобы жаркое-прежаркое... Как на море... И спать...» Перед тем как погрузиться в сон, он подумал о солнце, и его сухие губы прошептали слово «Геленджик».

Когда он открыл глаза, расположение звезд на небе не изменилось: значит, он дремал недолго. Огляделся по сторонам – нацик не вернулся. Бот вспомнил про плен – дуло автомата сместилось в сторону и теперь упиралось в ухо. Надо срочно уходить. Не без труда, но он сумел подняться. Постоял, проверяя раненую ногу на боль, которая, видимо, под действием лекарства поутихла, и, опираясь на автомат, как на трость, покинул это место. Но больше пятидесяти шагов – и то неполных – ему пройти не удалось: мешали не видимые в темноте сучья да кустарники, да и острая боль в ноге – уже не та, что была раньше, а новая, будто внутри находился гвоздь, и своим острым концом при малейшем движении ноги протыкал мышцу, не давая возможности идти дальше. Он лег на землю, обессиленный, проклиная все на свете, и пролежал без движения минут пять, как со стороны последнего места привала послышался треск сучьев – кто-то шел по лесопосадке в его сторону. Кто – нацик? Один? Или двое? Или целый взвод? Бот погладил гранату, приложил дуло автомата к подбородку и прислушался.

Вскоре донесся знакомый голос:

– Куды ж ти подився, чортяка! Я ж йому води, а вин тикати – ось же, бисова душа... Гей, русский, ти де? Невже далеко так пишов? Або ховаешся? Вода вся витикае – де ти?

При слове «вода» и уверенности, что нацик один, Бот взбодрился и поспешил ответить:

– Здесь я...

– Де? – Украинец уже определил место нахождения русского и пробирался сквозь дебри на его голос. – Якого биса тебе туди занесло? Говорив же: сиди на мисци, чекай... жди. Так ни, вин свое...

Когда нацик подошел, в свете луны Бот увидел в его руках некий предмет, похожий... то ли на шапку, то ли на мохнатое животное, но, слава Богу, не оружие.

– На ось, пий швидше, – нацик присел и поднес русскому свою зимнюю шапку, наполненную водой, – пий швидко, а то багато витекло, поки тебе шукав.

Бот скинул с груди автомат, приподнялся на локоть и стал жадно пить воду, оставшуюся на дне шапки-ушанки. Вода была грязной, вонючей, отдавала землей, каким-то мазутом, но в данный момент для него она казалась ключевым источником. Допив остатки до конца, Бот выхватил из рук нацика шапку и, подставляя рот, выжал из нее остатки влаги, выкручивая как белье после стирки.

– Пий, пий, братику, – повторял довольный украинец. – Там – недалеко тут – калюжу в балке знайшов. Сам вдоволь нахлибався. Прямо так, з калюжи, як пес. Хотив за посудой у блиндаж сходити, та не знайшов його, мало не заблукав... не заблудился чуть. И ось що придумал: у шапку набрати, а щоб не так швидко випливала – ну... выливалась, – знайшов вот это, – он стряхнул прилипший к ладони целлофановый пакет, – зачерпнув води, и бигом до тебе! А тебе нема... Ну, слава Богу, хоч знайшовся.

Бот утолил жажду и почувствовал прилив сил. Теперь он с чувством благодарности смотрел на украинца и слушал его веселый монолог, позабыв про боль и тревогу.

– Но есть, братику, и погана весть. – Лицо украинца стало серьезным. – Не хотел говорити, но... Чорт! Прощай мене, брате... Мене, здается, засикли...

– Кто? – В ответ пленный посмотрел на небо, и к русскому вернулась неуверенность, он уточнил: – «Птичка»?

– Вона сама – дрон.

– Может, наши?

– Ни, цэ наши. Молюсь, що мене не побачив – я ж залиг на землю, наче мертвий. Не знаю, помитив мене чи ни, али кудись пропав... Це було ще до того, як я знайшов калюжу. Будемо вирити, що мимо пролетив.

Бота такая новость встревожила. Он стал прислушиваться и внимательно всматриваться в небо. Аж нога заныла – так нехорошо стало от мысли, что за ними следят сверху. И снова пересохло во рту.

– Ти лежи, я знову схожу за водою. – Украинец хотел было подняться, но Бот остановил его, положив руку ему на плечо.

– Возьми, – и протянул автомат. – Если что... хоть отобьешься.

– Да що ти... – замешкался пленный, – тоби самому...

– «Птичку», если что, подстрелишь, – улыбнулся Бот. – Давай – беги... Без воды – никуды... А потом пойдем... попробуем идти...

Вэсэушник взял автомат, подобрал целлофановый пакет, поднялся и пошел, расправляя шапку. Пройдя несколько метров, остановился, обернулся и спросил:

– Хоч як звуть тебе, братку?

– Игорь.

– Ага, добре... – и погрузился во мглу.

– А тебя? – крикнул ему вдогонку Бот.

– Павло, – донеслось из глубины лесополосы.

«Павел – по-нашему», – улыбнулся Бот и стал ждать возвращения... да, пожалуй, теперь уже не врага, получается, а и правда – брата.

Ждать пришлось недолго: Павло вернулся через десять минут, и на этот раз принес почти полную шапку воды. Потом перевязал рану. В блеклом свете луны рана казалась огромной и черной, а при давлении из нее сочился гной с кровью. Игорь уже не скрывал боль – стонал и ругался.

Они решили дождаться утра, а на рассвете – пока в сумерках дроны слепые – попытаться дойти до линии фронта. Идти сейчас, в темноте, смысла не было. Да к тому же самостоятельно Игорь вряд ли смог бы сделать хоть шаг.

До рассвета оставалось полночи. Павло снял свой бушлат и накрыл им Игоря, сел рядом и молча наблюдал за небом, прислушиваясь к посторонним звукам. Игорь уснул, утомленный болью и высокой температурой.

Когда проснулся, Павло все так же сидел, поджав под себя ноги.

– У тебя есть семья? – спросил Игорь.

– Да... жинка е и синок. Батьки е, в сусидньому сели живуть. Та й богато у мене родичив. Ого родни у меня. А ти одружений... э-э-э, як там по-российски? – жинка е? Дити?

– Сын у меня старший... второклассник. Петром назвал – в честь Петра Первого... Знаешь такого? – Павло кивнул. – Дочке – Ира зовут –три года.

– А жинка?

– И жинка есть. – Игорь перевернулся на бок, руками перекладывая непослушную раненую ногу, и выругался: – Ай, собака, чтоб тебя! – Когда боль поутихла, спросил: – А кем ты был... до войны?

– Та на заводи инженером був.

– Что за завод?

– Механичний.

– Какой?

– Механичний... Разни запчастини для сильской техники робили... А ти ким був в мирний час?

– Сперва – по молодости еще – в школе физруком... Физинститут окончил. Потом – недавно уже – смотрю, контрактников набирают... Так оказался здесь. Сам-то откуда будешь?

– Чернигивщина. Знаешь такую?

Игорь покачал головой:

– Не, точно не помню... но слышал.

Павло привстал, вглядываясь в даль:

– Коли ж зоря?

С каждой минутой Игорю становилось хуже. Он уже не верил в хороший исход: ногу не чувствовал, брючина влажная насквозь, еще этот холод проклятый... Нет, не дотянет он до своих. Украинец – да, а он – и десять метров вряд ли. А тащить его на себе, стокилограммового, Павел не осилит, хотя не из слабых. Оставалась надежда дождаться рассвета, а там, глядишь, и свои обнаружат.

– А ти де у Росии живеш? – решил поддержать беседу Павло.

– Сибирский я, из Канска. Знаешь такой?

– Ни, не чув. Я погано знаю Росию, точнише, нияк не знаю. А ось про Сибир чути... есть така.

– Сибирь огромная...

– Весь свит знае про нейи и боиться, як чорт ладану, – и мужчины впервые за все время улыбнулись.

Игорь вспомнил родину и, на ходу перефразировав стих Есенина, пропел:

Старый дом мой давно ссутулился,
Верный пес мой давно издох.
В Малоросских густых лесополосах
Помереть, знать, судил мне Бог.

– Дуже жалобно.

– Это Есенин... – Игорь перевернулся на бок. – Павло, меня... что-то тошнит...

– Чорт! Може, це погана вода? – украинец приоткрыл край бушлата на шее Игоря. – Так буде свижише? – Игорь кивнул.

– Зараз ще принесу води...

– Не, не надо... – остановил его Игорь. – Уже лучше... Прошло. Давай о хорошем – о будущем. Вот ты, например, что собираешься делать после войны? На завод вернешься?

– Який там завод – я ж, брате, у полони... – усмехнулся Павло.

– Где? – не понял Игорь.

– У полони – плен, значит. Тут би живим бы повернутися... нехай у плену, зате живим.

– Останешься, – успокоил его Игорь. – Обменяют вас, пленных, и вернешься в свой Чернигов.

– Ех, твойи б слова до Бога! – и украинец перекрестился. – Али тильки не зараз... не сегодня, а потим, коли все закинчиться. Бо знову видправлять воювати. Ось потим можна повернутися... якщо, не дай Господь, ваш суд мене не сховае на зону на все життя... у Сибир кудись.

– Не отправят... Ты не фашист – это видно.

– Ни, не фашист, – согласился Павло.

– Как ты относишься к морю? – Игорь сменил тему разговора.

– Море? Та... нияк. У нас немае моря – тильки озера та рички.

– Я люблю море...

– Ми були на мори... колись издили часто: и до Криму, и до Одеси... А чого ти про море згадав?

– На море тепло... летом, – прошептал Игорь

дрожащим, осипшим голосом. – Как у бабушки возле печи...

Игорь дрожал, и Павло натянул бушлат ему до подбородка, снял с себя штаны и накрыл ими ноги русского.

– Поспи – тоби просто холодно.

– Ты же замерзнешь, – полузакрытыми глазами Игорь увидел, что Павло стоит перед ним без бушлата и в зимних кальсонах, и, погружаясь в состояние полубреда, еле слышно промолвил:

– Мы не на море... – Его веки сомкнулись – Бот уснул.

– Зараз зигриюсь. – Павло поднялся и принялся прыгать, потирая себя руками, а потом начал делать зарядку, приговаривая: – Виживемо, братику, як пити дати – виживемо.

Когда Игорь проснулся, на бледнеющем небе оставалась пара десятков звезд – брезжил рассвет. Он смотрел на них и вспоминал лето, в котором видел себя мальчишкой: без футболки, с голым пузом, в шортах, босиком... Было жарко. И вокруг было много воды: прохладной, свежей, из колодца, из колонки на улице, из графина, из бочки летнего душа, в речке, в озере, в луже... В уютной избе у бабушки было тоже очень тепло, и было много молока, разлитого в трехлитровые банки и хранившегося на полках в холодильнике. Он видел себя на солнечном берегу речки, а потом память перенесла его в спальню, где он лежит под пуховым одеялом, а теплые мамины руки гладят его по голове и спине... Тепло, спокойно...

Игорь открыл глаза, и сознание вернуло его в реальность – снова звезды и холод. Звезды постепенно исчезали. Первыми растворялись в светлеющем небе тусклые звезды – самые яркие оставались гореть. Игорь посчитал оставшиеся – одиннадцать. Вот их уже десять... девять... восемь... Ему уже не хотелось никуда идти – даже шевелиться не хотелось, потому что он боялся потерять тепло, если встанет или перевернется. Все, что ему в данную минуту хотелось, это оказаться в деревне летом и лежать на перине, укрывшись с головой пуховым одеялом, и спать, спать, спать... спать...

Сквозь сон Игорь услышал слова: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», – это молился Павло.

Игорь открыл глаза – на небе оставались три звездочки. Он пошевелил ногой – по всему телу пронеслась режущая боль. Жар прошел, но слабость оставалась. В глазах, когда он ими пытался двигать, мир кружился. Он осторожно повернул голову и посмотрел на Павла – тот, приоткрыв рот, тоже смотрел на небо.

– И ти це бачиш? – спросил он, не поворачиваясь.

Игорь посмотрел наверх: оставались две звезды, но... Одна из них – то ли от света зари, то ли сама по себе такая – была какая-то особенная, слишком яркая и... как-то странно поблескивала и мерцала: то потухнет, превратившись в темное пятнышко, точно черная луна, закрываемая пробегающими тучами, то снова блеснет.

– Не встигли, – с горечью произнес Павло.

– Переведи.

– Не успели, – повторил пленный.

– Что – не успели? – не понял Игорь.

Потухла предпоследняя звезда, а последняя, превращаясь в черную, оставалась на месте и... – Игорь присмотрелся внимательнее – и заметил движение крошечного объекта, которое считал звездой. Объект переместился немного в сторону и завис.

– Лежи смирно, не ворушись, – прошептал Павло. – Хай гадають – ми мертви, двухсоти.

Игорь только теперь осознал, что над ними – «птичка».

Послышался знакомый жужжащий звук – дрон снизил высоту. Игорь сглотнул. У него мелькнула надежда, и он тихо, стараясь не шевелить губами, спросил:

– Может, наши?

– Або наши, – ответил Павло.

Если свои, думал Игорь, то сейчас дрон, обнаружив их, улетит и вернется с пакетом, который сбросит: в нем будут бумага и карандаш. Подождет, пока мы напишем просьбу и покажем им листок. Тогда они поймут, кто мы, в каком положении и помогут выбраться в безопасное место. Но если не наши....

Парни лежали рядом друг с другом звездочкой, раскинув в стороны руки и ноги; между ними лежал автомат. Полуприкрыв глаза и стараясь не моргать, они наблюдали за дроном, который опустился и застыл на уровне верхушек деревьев. Теперь, вблизи, дрон не выглядел мирной звездой, а походил на ужасный летательный аппарат, похожий... похожий... Неожиданно Игорю стало смешно от придуманной им мысли.

– А что, если это маленькая летающая тарелка, и не все так плохо, брат, – улыбнулся Игорь.

– Ага, в ний зелени чоловички, яки прилетили нас виручити.

Парни засмеялись, не опасаясь, что через камеру дрона за их весельем наблюдают. Вопрос лишь: кто, свои либо чужие?

– Кстати, сначала зелеными человечками называли бойцов, которые освободили Крым в четырнадцатом. Но «вежливые люди» прижилось лучше... Ты в курсе о «вежливых людях»?

– В курси... Но...

Дрон возобновил движение, выбрал более широкое пространство между деревьями – в метре от места, на котором лежали бойцы – и плавно начал опускаться между ветвями. В метрах четырех над ними он завис. Затем повернулся вокруг своей оси, изучая окрестности, и уставился глазом-объективом на лежащих на земле людей.

– Может подстрелить? – предложил Павло.

– Чи не здумай, лежи... Треба зрозумити, чия це пташка. Все одно не встигнеш до ствола доторкнутися – скине игрушку.

Дрон опустился еще на два метра и завис над ними на высоте человеческого роста. «Рассматриваешь? – Игорь смело смотрел в глаз дрону и гадал: – Чей ты?»

И тут дрон начал совершать действия, которые выдали его принадлежность к вооруженным силам (к сожалению, не в пользу Игоря).

Беспилотник, точно механическое насекомое, стал производить странные маневры: то подлетит к бойцам, застынет на расстоянии вытянутой руки, как бы играя с ними, успеют ли они дотронуться до него или нет, то отлетит назад, снова подлетит, подразнит – и обратно вверх. Так птица, защищая своих птенцов в гнезде, летает кругами над хищником и, чтобы отпугнуть его, то неожиданно опускается, подлетая близко к нему, то взлетает обратно.

– Знайомий почерк, впизнаю нацикив, – зло усмехнулся Павло. – Вони хочуть, щоб ми повскакували и стрибали, як козенята, щоби бигали вид нього з переляку, як зайци. Знущаються... ну, коротше, издеваются, падлюки. Ти подивися, ну не собаки вони, га?

Не добившись желаемого, дрон переместился метров на двадцать в сторону и поднялся над посадкой. Спустя минуту одна из подвешенных гранат отсоединилась и упала на землю – раздался взрыв.

Парни не шелохнулись – только зажмурились, когда на них посыпались земля и мелкие ветки.

– Лякають, змии пидколодни, – процедил сквозь зубы Павло.

Игорь уже не испытывал страх, наоборот, его удивляло спокойствие, с которым он наблюдал за издевающимся над ними дроном.

– А не страшно, оказывается, помирать-то...

Дрон вернулся на первоначальную позицию: завис прямо над ними.

– Це от страху – не страшно. – Павло протянул руку и нащупал кисть Игоря, и два бойца крепко сжали ладони друг друга – как друзья, как братья.

Так и лежали, взявшись за руки, два солдата разных стран, наблюдая за «птицей»-убийцей с подвешенной под брюхом связкой гранат.

– Прости меня, – заговорил Игорь.

– За что? – Павло повернул голову и с удивлением посмотрел на русского.

– За то, что я орк.

– Хм, ну... прощаю. – И после недолгой паузы: – И ти мене тож прощай.

– А тебя-то за что? – Игорь с умилением посмотрел на украинца.

– За те, що я довбаний нацик, – и они засмеялись.

Лесопосадка мгновенно наполнилась заливистым смехом – мужчины хохотали до слез, во весь голос, как дети, разбуживая тихую осеннюю грусть своей непонятно с чего вдруг возникшей радостью; и казалось, что их великое счастье, точно цветочной пыльцой, частичками рассеивается вокруг, пропитывая окружающий мир – миром, а людей в нем – блаженством.

И только те, кто наблюдал за счастливыми лицами бесстрашных людей, неистовствовали от бессилия – невозможности прекратить это издевательство над ними – «великими спасителями великой незалежной».

– Жаль, что... – сквозь смех Павло пытался что-то добавить, – ...это не твои... не эти – как их там? – зеленые – вежливые человечки... а то улетели бы куда-нибудь в...

Павел не успел ответить. От дрона отделилась граната и стремительно падала на них. Перед глазами Игоря успели промелькнуть родные лица, молоко в графине, песок и море, и последнее, что он мысленно увидел и произнес про себя, – это теплое слово, которое нарисовало его сознание: «Геленджик».

Из российских теленовостей.

Закадровый комментарий к видеосюжету:

«Сегодня украинские телеканалы показали видеоролик, сюжет которого очередной раз показал цинизм и бесчеловечность украинских нацистских, так называемых военных. Видеоматериал смонтирован из записей с нескольких беспилотников, которые поочередно снимали происходящее. Как стало известно, российский военнослужащий с позывным Бот во время контратаки ВСУ чудом выжил и, судя по дальнейшим событиям, снятым на видео в течение ночи, он взял в плен украинского военнослужащего. Бот заметно хромает, что говорит о серьезном ранении в ногу. Они часто останавливаются. Во время очередного привала пленный оказывает русскому солдату первую помощь: перевязывает рану.

В следующем сюжете пленный, казалось, совершает побег, но не убегает, а находит лужу и несколько раз оттуда приносит раненому воду. Не вызывает сомнения, что два солдата подружились и доверяют друг другу. Проявление сострадания со стороны украинского военнослужащего – а на тот момент врага – можно назвать не иначе, как акт проявления гуманности.

На последних жутких кадрах, когда наступило утро, демонстрируется жестокое издевательство и расправа над военными, несмотря на то, что один из них – свой, украинец, и оба лежат на земле. Сначала нацисты пытаются запугать их дроном, заставить подняться и прятаться от него. Но бойцы остаются на месте, лежат, взявшись за руки; больше того, в ответ на действия дрона ребята о чем-то разговаривают и смеются, тем самым показывая свое моральное превосходство оператору беспилотника. Не добившись желаемого, устав наблюдать за бесстрашными бойцами и за их дружескими отношениями, нацисты сбрасывают гранаты сначала поблизости, в надежде, что взрывы напугают парней, а потом, когда и это не сломило бойцов, которые продолжали смело смотреть в объектив и смеяться, нелюди сбрасывают роковую гранату.

Все время, пока идет видеозапись, за кадром слышен довольный смех и ругательства трусливых нацистов...»

***

В дверь старой покосившейся хаты на краю одной из деревень в Черниговской области Украины постучались четверо военных, держа автоматы наперевес. На вопрос, кто там, донесшийся изнутри, вояки ответили вопросом:

– Тут живуть родичи предателя Украйини? – и ударом ноги выбили дверь. ■

Архив Дмитрия Чуркина

ДМИТРИЙ ЧУРКИН

Родился в 1979 году в городе Коммунарске Ворошиловградской области УССР. В 2002 году с отличием окончил Донецкий государственный медицинский университет. Писатель, военный врач, доктор медицинских наук.
С апреля 2014-го участник Русской Весны в составе Первого медицинского отряда ДНР. С июня 2015 года по настоящее время на военной службе. Публиковался в журналах «Наш современник» и «Родная Кубань». Живёт в Донецке.

НАШ ОБЩИЙ ПУТЬ

Журнальный вариант

I

Я проснулся от пиликающего смартфона жены. Под эту музыку в моем детстве школьник Коля Герасимов летел над Москвой будущего, чтобы потом победить космических пиратов, скромных и застенчивых по меркам нашего времени.

Как и у всех, кто носит форму, телефона у меня два. Один простенький, с кнопками, из всех развлечений – только возможность перечитать СМС от родных. Смартфон нельзя даже заносить на службу, каждый месяц я ставлю подпись в ведомости о том, что я это знаю, помню и обязуюсь безоговорочно выполнять. Смартфоны злостных нарушителей этого приказа толстыми гвоздями прибиты к специальной доске на нашем КПП. Так и живем, словно в двух мирах, при этом мир внутри службы куда ярче и богаче окружающего внешнего мира, просто рассказать об этом нельзя, противник тщательно изучает социальные сети, война идет по всем направлениям, расслабляться приходится тоже с оглядкой.

Подруга жены, с которой они вместе работают в одной школе, глотала слова и безостановочно извинялась. Ее муж, артиллерист-реактивщик, прошедший ополчение и ни дня не снимавший зеленый китель, умер. Четыре года назад, в октябре две тысячи девятнадцатого, в небольшом кафе мы праздновали их юбилей, и он увлеченно объяснял мне, почему реактивная артиллерия мощнее ствольной и почему враг их так не любит и боится. Крошечный осколок сброшенного с беспилотника фугаса подло залетел в заднюю черепную ямку, трое суток борьбы за жизнь, надежд – и ожидания закончились.

Тело лучше забрать сегодня, завтра – выходной, неизвестно, когда выпишут справку о смерти, и как потом хоронить – тоже неясно.

Жена вопросительно смотрела на меня, раз глаза открыты, значит, должен соображать.

Справку о смерти отдадут утром, одежду нужно передать в патанатомию, умерших в больнице вскрывают там, с похоронными службами лучше связаться сейчас, чтобы сегодня все успеть.

– Хорошо хоть выходной у меня, полдня перед нарядом, – говорю ошарашенно смотрящей жене. – С добрым утром.

Справку, ЗАГС и одежду возьму на себя, с похоронными службами жена созвонится. Живем мы рядом, сейчас соберемся, отведу Юлю за полквартала, вещи к утру сами себя не соберут.

– А где его хоронить будут? – половина кладбищ сейчас засыпана противопехотными минами, обильно разбрасываемыми из кассетных боеприпасов.

– Не знаю, наверное, рядом с отцом – жена пытается настроиться на деловой лад, но по вырванному от ночного сна лицу текут слезы. – Когда это все закончится, когда мы уже заживем, как люди?

Накопилось за эти годы в людях – днем живут, сцепив зубы, тянут за себя и за того, кого призвали или сам ушел, а ночью уснуть не могут или плачут вот так, хорошо, если есть еще, в кого уткнуться.

– И вот еще что, – голос дрожит от только что пришедшей в голову мысли, – когда все закончится, я на соседнее кладбище поеду, и не спорь, пожалуйста, я там два года почти не была, то обстрелы, то лепестки эти.

Объяснять ей, что кладбище, на котором похоронена ее мать, еще осенью засыпанное лепестками, так и не расчистили, а сейчас зима с редким у нас снегом, подорваться можно, даже не поняв, на что наступила, не имело смысла. Накопившаяся за годы войны привычка жить, опасаясь за жизнь вначале детей, а потом себя (случись что, кому они нужны останутся), словно лопнувшая пружина, разлеталась под давлением прущего изнутри простого ощущения себя человеком.

– Я одна поеду, так лучше будет, а ты домой вернешься, еще не поздно будет, может быть, на про-

гулку сходите, я вернусь, тебя в наряд соберу.

А там и день пройдет. Для виду киваю, как бы соглашаюсь.

Значит, кроме похорон хоть и не близко знакомого, а все же товарища (друг друга мы все называем просто – «братское сердце»), сегодня еще и прогулка с опасностями предстоит.

II

Все формальные вопросы удалось решить быстро – уложенную в пакет отглаженную одежду я передал с бутылкой коньяка дежурному патологоанатому. Он попытался отказаться – давно знакомы, но я молча прижал стеклянный валик к его груди.

– От души. Помянешь при случае всех наших, ты ведь не каменный.

Поняв мой настрой, он позвонил какой-то своей знакомой в ЗАГСе, которая взамен врачебного свидетельства о смерти и паспорта принесла мне справку о смерти.

– Еще республиканская, российские мы месяца через три выдавать начнем.

Копию справки я передал в похоронную службу, свежие ямы на кладбище есть, через четыре часа все и сделают.

До нашего КПП минут десять. Первым делом бегу к себе, в медслужбу.

Наш стоматолог Тигран, которого я сегодня меняю, смотрит с непониманием.

– Ты давай лучше дома останься, ты сколько раз за меня дежурил, теперь я за тебя подежурю.

Дома у него жена-врач и маленькая дочка, оставлять их на вечер одних нечестно, да и толку от меня дома не будет, жена вечером уйдет, дети себе затею найдут, а в чужой наряд всегда передряги случаются.

– Ты до ужина подежурь, а я к ужину тебя поменяю, договорились? С меня сто грамм и пончик.

Найти нашего инженера Дениса было сложнее. Оказалось, что к нему должна приехать проверка и он на складе убирал подальше от столичных глаз собранные по полям неучтенные мины – плохо, когда недостача, а перебор – совсем тюрьма.

– Дело есть. Мне сегодня по лепесткам пройти надо будет, инструменты твои нужны и инструкция, как ими пользоваться.

– Ты же вроде не пьешь, – Денис запустил в седые волосы распластанную пятерню. Он моего возраста, с открытым обветренным лицом, приехал сюда из Астрахани, с глубокими морщинами вокруг глаз и неистребимой привычкой улыбаться всему на свете. Ходит он чуть вразвалочку и всегда смотрит себе прямо под ноги, сапер он хороший.

– И что с того? – понимаю, что совсем низкий старт получился. – В общем дело такое: мы с Юлей сегодня мужа ее подруги хороним, потом на соседнее кладбище заехать нужно, у нее там мать похоронена и лепестков навалом, а в другой раз не получается. Давай я тебе тут помогу, быстрее управимся.

Денис привык уже к тому, что люди здесь необычные, и даже начал понимать, почему люди умеют радоваться жизни, хотя регулярно нет воды, часто нет света и плохо работает транспорт.

– С тебя сто грамм...

– И пончик, – добавил я, подтаскивая укрытые маскировочными сетями деревянные коробки.

В дальнем краю склада Денис расстелил маскировочную сеть. Заставив меня отвернуться, он прятал под ней похожие на летучих мышей мины. Потом, выдав мне в руки собранный из отдельных секций щуп с эбонитовым штырем на конце, он начал сложную саперную науку.

– Смотри сюда. Ты грибы собирал когда-нибудь? Вот, так и здесь. Мягко, словно грибы под листвой, щупом ищешь, уткнулся и обходишь по свободному месту. Давай, поехали потихоньку.

– А ты много их там разложил?

– Тебе и одной хватит, и ногу на носок ставь, скользи немного.

Через полчаса моих попыток пройти двадцатиметровую дистанцию Денис попросил сигарету.

– Ты же бросаешь вроде?

– Именно, что вроде, с тобой тут бросишь, – выпустил он в потолок струю дыма. – Ладно, я тебе метелку дам садовую, у нее прутья металлические, но гибкие, ты щупом потычешь, а потом метелкой поводи, если мины в лед под снегом не вмерзли, смахнешь на обочину.

III

Еще через полчаса мы с Юлей стояли возле подъезда, куда вскоре подъехала белая «ГАЗель» с черной лентой вдоль борта и нарисованной обрамленной венком свечой.

Гроб поставили на вынутые из кузова машины скамейки. Юля сунула мне в руку свечку, запалив от своей. Сняв с головы шапку, я принялся повторять за ней слова заупокойной молитвы.

Понемногу стало отпускать, когда волна смешанного с отвращением гнева совсем отхлынула, я посмотрел на жену.

– Может, Яне таблетку? Как бы она того, не поплыла сейчас? Эти тогда точно нарадоваться не смогут, разговоров на весь год будет или до следующих похорон.

Юля уверенно покачала головой.

– Нет, пусть плывет, пусть плачет, из гроба она его вытягивать не станет, а все остальное ей прожить нужно.

Прощание закончилось, задувая свечи, соседи стали расходиться. Большая часть пошла рассаживаться в поданный к углу дома ПАЗик. Остальные, вздыхая о том, что все там будем и чего они на кладбище нового не видели, разошлись по квартирам и подъездным скамейкам, чтобы обывательски обсуждать внезапно случившееся чужое горе.

Юля собралась идти к автобусу.

– Давай на машине отвезу, и Яну с собой прихватим. В наряд я успеваю, Тигран до ужина меня прикроет.

IV

Сжавшись на заднем сиденье, Яна уцепилась за руку Юли.

– Знаешь, я, наверное, зря детей с мамой оставила, – сорванным от плача голосом начала она.

– Сейчас об этом что говорить, – вмешался я, – что им там делать было? Ни тебе поддержки, ни им, поди успокой их потом. Пусть лучше отца живым помнят, насмотрятся похорон еще.

По делам служебным на похоронах мне приходилось бывать регулярно. Когда приходит смерть в семью, где есть маленькие дети, не стоит их пускать смотреть, как прячет она свою добычу в землю, как бьется в слезах мать, которую никак не получается успокоить. И навсегда остается в памяти противный запах свежеструганых сосновых досок.

– Ты на дорогу лучше смотри, мы тут сами поговорим, – Юля прижала Яну к себе.

Всхлипывая, Яна вспоминала, как муж ее хотел купить машину: сначала не было денег, потом он накопил, думал, что будет на машине в увольнение приезжать, так быстрее, да и с машиной ведь в семье проще.

– И он, понимаешь, «Волгу» хотел, их сто лет уже не выпускают, а ему она нравилась, говорил, что мечта его детства. Я тогда и сказала, дура, что я в этот сарай на колесах не сяду, так он и не купил ее, не успел.

Постепенно ее сбивчивая речь стала спокойнее, она затихла, глядя в окно.

Погребение прошло спокойно: выплакавшаяся в машине Яна казалась отстраненным наблюдателем, механически следующим установленной процедуре.

Бросив положенную горсть земли и дождавшись, когда быстро заполнившаяся землей яма укроется холмом с крестом и портретом в основании, я пошел догонять Юлю, которая вела Яну к нашей машине.

– Тебя Дима сейчас в кафе отвезет, а я вечером зайду, посидим, поговорим, хорошо? – Яна в ответ беззвучно кивала.

– Не отвезет тебя Дима, он Юлю сейчас повезет, а вечером она придет обязательно, ты прости мне, что отвезти не смогу, но так надо, понимаешь?

Яна покорно кивала, я отвел ее к автобусу, отдав в руки одной из соседок, лицо которой показалось мне сострадательным.

– Ты что задумал? И куда меня везти собрался? Я тебе еще ночью все сказала, я сейчас такси возьму и дальше поеду.

Юля смотрит мне прямо в глаза, без вызова, без упрямства, так, чтобы я смог понять, она просто сделает то, о чем говорила ночью, даже если пойдет снег, начнется обстрел или дома вне графика дадут воду.

– Так я ночью все и услышал, не нужно тебе такси, садись, вместе поедем, время у меня есть.

От неожиданности Юля стала поправлять мне съехавшую набок шапку.

– А ты зачем поедешь? Там же эти, лепестки, и вообще?

Юля замолчала, но мысль о том, что это не моя мать лежит на том кладбище, все же кольнула.

– Потому что ты собралась. Помнишь, как тебе желали быть не за мужем, а замужем, вот так к ней и придешь. А с лепестками разберемся, есть против них прием.

В машине Юля взяла меня за руку.

– Знаешь, ты всегда собаку завести хотел, таксу, если очень хочется – заводи. Когда ты на службе, мы с детьми с ней гулять будем.

Сняв шапку, я запустил мотор. Хотелось сказать, что хорошо понимаю, почему ее тянет сейчас к родной могилке. В круговороте моей военной жизни я мало уделяю времени и внимания ей, и редко когда удается нам вдвоем хотя бы сесть и поговорить о чем-то, кроме не прекращающихся никогда хлопот. И не всегда могу понять ее просто потому, что голова постоянно забита, а телефон звонит без остановки. Родители мои в первую очередь видят в ней мать их внуков, поэтому любят давать советы, которых не просят, и обижаются, когда к ним не прислушиваются. Дети, хоть и бегут к ней по любому поводу, а временами доводят до слез. Бывают такие моменты, когда нестерпимо нужно побыть рядом с родной душой и чувствовать, что тебя слышат, даже если стоишь одна-одинешенька.

– Разберемся, потом, может быть, заведем, когда старыми станем, внуки появятся. Мне и с вами прогулок хватает, а тут еще с собакой. Я тебя доведу и рядом постою тихонечко, как будто сама там будешь.

V

Заросшее кустарником и деревьями кладбище встречало нас нетронутым снегом. Сверху недовольно и хрипло призывали уйти назад невидимые вороны.

Идти нам почти километр, минут семь неспешного хода в спокойной обстановке.

Достал из машины выданные Денисом инструменты.

– Метелка, мы как по японскому саду пойдем, говорят, там за собой следы заметать принято.

– Их много, где заметать принято, но мы перед собой мести будем.

Развесил на ремне наплечной сумки жгуты и турникет, нужно быть готовым ко всему.

– Идешь шаг в шаг за мной, но плотно не прижимаешься, если рванет, стоишь на месте. Ладно, саперов должно быть много, хорошие сами останутся.

Первые сто метров мы прошли в молчаливой сосредоточенности под хриплый смех рассевшихся на верхушках ворон, мои угрозы перестрелять их из рогатки на суп для бездомных кошек особо не помогали, казалось, что они перелетают с дерева на дерево...

– А вдруг они тебе, наоборот, подсказывают, что здесь все хорошо, мин нет, проверено кладбищенскими крысами.

– Ты всегда во всем хорошее видишь, просто крик у них резкий, сосредоточиться мешает.

Позади нас, непрерывно удлиняясь, тянулась вереница следов поверх расцарапанного садовой метелкой снега.

Юля спросила, хочу ли я есть. Удивительное дело, когда проходит первая, самая яркая оскомина страха и сменяется на сосредоточенно ноющее чувство тревоги, появляется даже не голод, а острое, сопровождающееся обильной жидкой слюной желание съесть, неважно что, но прямо здесь и сейчас.

Я предлагаю ей потом поехать в одну лавчонку, рядом с их школой, там такие хот-доги делают, мы несколько лет назад их там часто ели.

– С меня двойной со всеми добавками.

– А я тебе к возвращению из наряда твой крабовый салат приготовлю, – никто из домашних, кроме меня и кота, его не ест, а хлопот с ним много.

Мне вспомнилось, как я приехал знакомиться с ее семьей, мамой и братом. С порога меня повели за накрытый стол, где была еще тетка Юли с дочерью и зятем, которому, уже слегка разогретому дома, она постоянно советовала есть бутерброды с красной рыбой, селедка и дома есть.

Неожиданно я засмеялся.

– Ты чего там? – насторожилась сзади Юля.

– Да вспомнил, как к твоим в первый раз приехал, знакомиться.

Все такие знакомства всегда похожи, когда я привез Юлю знакомиться с родителями, было все то же самое, только тети у меня нет.

Щуп уткнулся в невидимое под снегом препятствие, я резко остановился, Юля, упершись мне в спину, обхватила меня руками.

Медленно провел по снегу метелкой, покрытый черной кожурой выкатился прошлогодний орех, подарок от притихших ворон.

Постояв минуту, мы пошли дальше.

– Маша боится, что, когда она в медицинский поступит, у нее там оценки плохие будут и ты сердиться будешь.

– Лучше окончить наш университет с синим дипломом и красным носом, чем наоборот, поверь краснодипломнику, а врачом она станет.

– А может, медицина вообще не для нее, вдруг она просто за тобой тянется?

– Вот ты когда в свой педагогический иностранных языков поступала, ты твердо знала, что это твое? Пока не попробуешь, не узнаешь, а подход и у нее есть, смотри, как она Вову лекарства пить уговаривает, когда нужно.

В таких разговорах, на которые обычно не удавалось выкраивать время, мы прошли остаток дороги, остановившись возле оградки с облупившейся черной краской.

Отойдя к раскидистому тополю и показав на всякий случай кулак любопытным воронам, я присел на корточки.

– Ты чего там спрятался? Я ведь с мужем пришла, вот и иди сюда.

В плошку на углу памятника мы приделали свечку, припечатав ее расплавленным воском. Памятник цел, скамейка рядом с ним тоже, оградка облупилась, но это мелочи, придет весна, расчистят здесь все, приедем, наведем порядок.

Так, в тишине, думая о своем, простояли мы минут десять.

– Знаешь, она к тебе хорошо относилась, своим принимала.

– И с советами никогда не лезла, ну или ты мне об этом не говорила.

– Женщины вообще куда умнее мужчин, знают, что можно говорить и когда, потому и живется нам куда спокойнее.

Постояв еще минут пять, мы развернулись и пошли назад.

Щуп и метелку я держал в левой руке, Юля взяла меня под правую руку, и мы медленно возвращались к машине.

– И давай ты в больницу пойдешь? Голова ведь постоянно кружится, идешь и шатаешься, – дорожка шагов навстречу и правда немного виляла вправо, – я не хочу на старости лет одна остаться.

Хорошо, когда есть силы строить планы на такое далекое будущее.

– Схожу, вот январь с проверками закончится – и обязательно схожу в самую лучшую, в калининскую, как залягу, как высплюсь там.

– А я к тебе приезжать буду, хочешь, будем гулять по набережной и пить кофе из термоса.

– А как же твоя школа? Изведутся ведь.

– Пускай изводятся, уроки проведу, соберусь и к тебе, так и скажу, чтобы сегодня больше не ждали.

– А хочешь летом, когда Маша поступит, мы ее с Вовой дома оставим, они уже серьезные, вдвоем справятся, а я отпуск возьму и уедем куда-нибудь?

– А как тебе отпуск дадут, за какой год? Их у тебя столько уже накопилось.

– А я ветеранский возьму, в нем точно не откажут, упакуем большой чемодан и поедем.

– А куда поедем? Ты куда хочешь?

– А давай в Пятигорск?

– Почему туда? Там кто-то из твоих отдыхал?

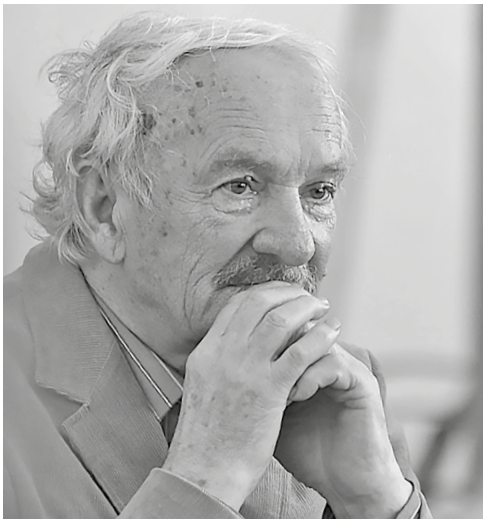
– Никто там не отдыхал, там просто горы, а я в горах никогда не был, это не по терриконам за шелковицей лазать. И вода там минеральная, для язвы твоей то что нужно будет. Тишина, горы, воздух, и только мы вдвоем. Гуляй – не хочу. ■

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

ru.freepik.com

«Кубанские новости»

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

Родился в 1936 году на станции Топки Кемеровской области. С 1956 года жил на Кубани. Классик русской литературы. Лауреат самых престижных литературных премий. В 1998 году создал журнал «Родная Кубань» и 18 лет был его главным редактором. Скончался в 2021 году.
Похоронен в Тамани.

ПАМЯТИ ИВАНА ВАРАВВЫ

***

Шелестели ситцы-платья
У Сосыки у реки.
Подарил тогда мне батя
Выходные сапоги.

Голенища – гармошкой,
Носочки – уточкой,
Мимо тайного оконца
Прогуляюсь улочкой.

Подружилась с той обновкой
Лихость молодецкая,
Да собралась под Кущевкой
Наволочь немецкая.

Вы, ребята, не хотите ль
В бронебойщики-стрелки?..
И сказал тогда родитель:
«Сапоги побереги!»

Покидали мы станицу,
Выходя на большаки.
За спиною, словно птицы,
Трепыхались сапоги.

От бомбежки бежали
Сапоги налегке,
В повозке дрожали
В степном далеке.

Как-то раз порой ночною
Между белых двух дорог
Задремал я под копною –
И остался без сапог.

Подколесные полоски
Отпечатаны в пыли,
Сапоги мои в повозке
В отступленье уплыли.

По дороге пешим ходом
Я спешил день-деньской,
И догнал я скороходы
Под станицею Динской!

Зной клубился пыльным валом,
Не снимал я их с ноги.
По горам, по перевалам
Гарцевали сапоги:

Голенища – гармошкой,
Носочки – уточкой,
Где ты, светлое окошко,
Гулевая улочка?

Износились выходные,
Хром сверкающий слинял,
На большие, фронтовые
Сапоги я променял.

В службу воинскую веря,
В крепость кирзовых сапог,
Пол-Европы перемерил...
Перемерить всю бы смог.

Только в даль степную глядя,
У Сосыки у реки,
Запретил мне это батя:
«Сапоги побереги!»

Это Иван Варавва... Это тот самый Иван Варавва, который в охотку читал про батькины сапоги дояркам и свинаркам на фермах, ученикам в школах и голос которого стих навсегда пять лет назад. Его теперь называют на литературных сходках и поминках «атаманом кубанских поэтов», «кубанским Твардовским», «казачьим кобзарем», еще и «казачьим Пушкиным». Читайте газеты, и вы узнаете такого Варавву, каким он не был. У нас видимое почтение и вздохи натолканы словоблудием. Один поэт (тоже по прозвищу «кубанский Твардовский») наболтал недавно нечто несусветное: «Поэты боль свою и славу несли, страдая и любя. Кубань беднее без Вараввы, как нет Вараввы без тебя». Простота людская, наверное, не читает современных стихов: чувствует всю пустоту и заразное баловство их авторов.

Варавве теперь все равно, что скажут о нем.

Уже прошли первые Вараввинские чтения в библиотеке его имени, а затем и вторые.

И на чтениях та же дежурно приподнятая болтовня.

«Ивана Варавву при жизни называли легендарным». Кто это называл? Что-то не помнится. Твардовский, оказывается, «приглашал его на чарку водки» и студентом печатал у себя в «Новом мире». Полная чушь: Твардовский еще не был редактором, когда Варавва учился в Литинституте. Байки про житье казацкое рассказывал на колоритной «ридной мове». Как затаскали слова: «казак», «казачье». Даже в станицах рассеялось навеки старинное бытие. Байки Иван Федорович сочинял на обычную житейскую тему, дурачился, казаков не касался, почти все его байки нам знакомы. И никакой «ридной мовы». Но настаивают еще пуще и глупее: «Чуть не половина стихов написана на диалекте». Прости их на том свете, поэт: они безграмотны, ведь ты писал на русском языке. «Поэта приглашали на кинофестивали, которые ежегодно проходили на черноморском побережье». Если бы приглашали, мы бы в Союзе писателей и в поездках не одну байку услышали от Вараввы про лицедеев, попивавших за столиками дармовое кубанское винцо и клявшихся на встречах в любви к «таким прекрасным людям».

Не милые байки или веселые истории, а торопливая брехня будет переползать из одного воспоминания в другое.

Выясняется, что никто толком не изучал того, кого прославляет по нужде – сказать что-нибудь.

И скучно, и грустно замечать это.

***

В Доме книги на полке местной литературы лежит его «Казачий кобзарь». Ему посчастливилось вытолкнуть в свет четыре толстых тома стихов! Редко какой поэт соберет столько сразу. Последний том называется «Кольчуга Святослава». В нем чего только ни явится: и древняя Русь, и древний Рим, и куча поэтов из разных стран, и арабы с Кораном, пол-Кавказа, и язычники с Балкан.

«Ну-ну, Иван Федорович, – молча общаюсь с ним, намертво завернутым в полуклассические страницы, – а я и прозевал, как ты захватывал весь мир...»

– Я три тома уже издал, – угрюмо хвалился он, – три тома, которых не могли издать ни Кольцов, ни Есенин, ни Егор Исаев. Два поколения меня не поймут, а третье поколение разберется, кто такой был Варавва...

«Уже, мне вот говорят, – ответил я ему в ту сторону, где он лежал в тесноте гроба, – уже в 9-м классе некоторые ученики не знают, кто такой Лермонтов, кто такой Твардовский, а ты надеялся на... эх...».

И я, не особенно любезный с ним в нашем злющем Союзе писателей, не кумившийся даже за рюмкой, вдруг затосковал по нему, пожалел, что сейчас выйду на улицу Красную и не застану его нечаянно с кожаным фронтовым планшетом в руке, как бывало не раз. Да, не раз: «Здравствуй, ты не в Союз ли писателей? Ну пойдем...» Он тотчас что-нибудь скажет, завербует тебя в союзники: «Виталька опять погрёб в крайком докладывать. Меня и детектива Федоренку приписал к самостийникам. И будто я раскопал идеологически вредный гимн “Ще нэ вмэрла Украина”». – «А я по матери воронежский хохол, так что можешь признаваться громко». – «Та то ж. “Через ту бандуру” бандуристами станем. Все великие, а мы с тобой... идеологически вредные. Так же?» – «Не наговаривай на себя. Тебя в крайкоме милуют». – «Но не так, как некоторых. Все же объясни мне, Иванович, что происходит в нашей литературе?.. – Он с обычным своим шутливо-хитроватым, почти детским смирением разводил руки. – Не пойму. Якобы очень известному поэту исполнилось девяносто лет. Его любят в крайкоме партии. Колхозники, когда он приезжает на полевой стан и выступает, кормят его жирным борщом со сметаной и котлетой по триста граммов каждая, все радуются его величию, но почему-то поздравил его открыто только журнал “Здоровье” А? Объясни мне, ты ж грамотнее меня, пять лет учился, а я четыре и три месяца... Любовь застала, бабенка вешалась из-за меня...»

Я мог только захохотать...

Теперь не поверну я в Союз писателей на улицу Коммунаров.

Да и Союз писателей уже выдворен. Если бы подошел к ступенькам Варавва с планшетом, его не пустили бы: там великая перестройка. Кто-то захватил старое здание Шкуропатских.

***

– Жалко Ивана Варавву... – понуро сказал гость редакции, который заходил к нам «получить заряд» и за нами понаблюдать; понаблюдать да потом и описать, порядочно изувечив. – Без Вараввы жить стало скучнее. – И приходилось гадать: правда ему скучнее или просто болтает. – Жалко. Что-нибудь да скажет. Из всех наших поэтов (какими они себя по ошибке и гордости считают) он все-таки настоящий, самый народный.

– Самый кубанский?

– Самый. Он сочинял казачество, читать его странно, но самого его жалко и без его ходячего фольклора скучно, почти запорожского. Он из тех, кто, если бы жил в Сечи, писал знаменитую угрозу турецкому султану, и если бы Репин увидел его в Пашковской, точно зарисовал бы и вставил в свою картину.

Все в редакции счастливо и ехидно улыбались, и гость скромно просиял оттого, что его речь поняли, как надо.

– Я тоже не привыкну, что не встречаю его на улице.

– Он и умер, как вот снег тает весной, – сказал гость кротко. – Восемьдесят лет ему мало. В екатеринодарском дворе стоит дуб трехсотлетний. Последний, наверно. Вот и Варавве надо было жить дольше всех.

– ...Пока не срубил бы какой-нибудь олигарх.

– Пожалуй.

– Но филологический мир даже не вздохнул.

– А его нет у нас, филологического мира, на Кубани. Преподаватели, в основном вздыхатели по кумирам Серебряного века... Там Николая Рубцова, Василия Белова, даже Шукшина не жалуют... Среда неполноценная. Есть кандидаты и доктора наук, недорого обмывшие свои диссертации. «Дикое поле», – как любил повторять Варавва, но он, правда, имел в виду поле половецкое и времена дальние. Какая-то имманентная неполноценность, остатки партийно-агитационной рухляди. Так и не обрели духоподъемную стать... А Варавва был натуральным.

И мы стали копировать интонацию Вараввы, его жесты, его слегка бычий упрямый наклон головы, игривое притворство, его провокационное удивление, когда он отрицал чье-нибудь творчество с помощью хитрого вопроса.

И сколько веселого-доброго вспомнилось!

С этим дымком воспоминаний я и шел домой по улице Красной. Поднялся на третий этаж в свой кабинет, присмотрелся к секретерчикам и полкам, где забытыми лежат мои тетрадки, амбарные книги и папочки.

Кое-что из прославлений наших кубанских писателей в местных газетах я вырезал и складывал в папку «Кубань», вырезал порою с незаметной усмешкой, поскольку местная печать всякое изделие величала... златотканым.

«Он ушел в бессмертие вместе со своей эпохой, и теперь нам придется привыкать жить без него», – писали об одном поэте-пустомеле, жеманном как женщина. Гомерические преувеличения сходили всем с рук потому, что этого обычно никто не читает.

Про Ивану Варавву напоминают в папке четыре газетные полоски, одна бьет в глаза длинным заголовком: «Образ главного героя фильма «Офицеры» списали с кубанского поэта».

И имя у героя – Иван Варавва.

– Борис Васильев списал с меня, что офицер Варавва был влюблен в чужую жену.

Ему почему-то нравилось это. Хотел быть известным поэтом, а стал только однофамильцем героя, которого сыграл Василий Лановой.

– Мы учились с Васильевым в Литературном институте. Покажусь тебе нескромным, но за мной девчата табунами бегали. Не последний казак был Варавва. Одна даже вены себе резала, а потом утащила к себе поэта, он известный стал, как Евтушенко, фамилию скрою... Ну и Васильев, когда писал для кино «Офицеров», без спросу вставил мою фамилию, мол, добрый Варавва стерпит. Славы добавится, ладно.

Среди листочков лежала пожелтевшая вырезка из газеты «Кубанские новости». Я забыл. Ему исполнялось 70 лет, и все кинулись напоминать ему, что он из казаков.

«В истории его рода и лихой атаманский посвист, и побег из Соловков, и жалованные красные командирские шаровары».

Я тоже назвал свое приветствие «Родство».

Помню, писал в Пересыпи, воображение разыгралось, я взбрыкивал с постели, писал строчку-две, тушил свет, потом опять вскакивал, присаживался у печки и курил, отрывался к столу, закреплял новое, и так до пяти утра общался с Вараввой, который спал где-то в Краснодаре или в Горячем Ключе и не подозревал, что я о нем беспокоюсь, приближаюсь к нему чувством. Он, когда газета вышла, так и не сказал мне ничего, а я не спрашивал.

РОДСТВО

Счастливый ты человек, Иван Федорович. Ты поэт, потомок запорожцев, и потому поймешь меня: запорожцы, даже те, кто прожил в Черномории добрых двадцать-тридцать годов, крепко тосковали по Сечи.

А ты на родной Кубани юбилей свой справляешь. Хоть Екатеринодар, в который тебя запихала поэтическая судьба, и далеко от станицы Староминской, а все же высокие тополя у дороги как бы успокаивают тебя: за речкой, за одной да другой, третьей будет уже и Староминская. Счастливый, счастливый Варавва, казак, родившийся, правда, уже после атаманского правления. Ну как я тебя могу не поздравить?! Это ты мне передал нечаянно, мимолетно такую деталь народного скрытого чувства, которую можно найти только в «Тихом Доне», и я ее, конечно, заграбастал в свой роман. Народ всегда кормил писателей своей простодушной мудростью. И его речь, его наблюдательность, его утренняя прозорливость, первородство бытия в тебе с детства. Перечитываю твой очерк «Память казачьего рода». Да, счастливый Иван. Не завидуй ничьим регалиям, не проси их. На твоих плечах эполеты покраше генеральских – с одним длинным словом: «Староминская». И какая же это была славная степная станица! Ты знаешь это от батьки и матери, от деда и соседей, от раскулаченных и уцелевших. А что рассказывают архивы! Я еще потому тебя поздравляю, что ты, пока я много лет рылся в старых казачьих бумагах, все время мне попадался. Ну не ты лично, а фамилия твоя. На кордоне ли, на сборе певчих в Екатеринодаре,

на войсковом параде в какой-нибудь почтенный юбилей, в эшелоне Царского конвоя, на обеде с царями в Круглике и в палатке под Усть-Лабинской всегда были твои станичники. И всегда я думал: вот если бы я здесь родился, то и мои предки застряли бы в строчках, в бумагах с печатями, подписями командиров полков, станичных и наказных атаманов, и я бы устроился в архив сторожем, чтобы доверяли мне читать толстые «дела» день и ночь и перебирать червонцы казачьей славы. Но ты и без архивов все помнишь.

Однако я к твоему юбилею приготовил сюрприз. Про одно ты не знаешь наверняка. Получай!

В «Истории Хоперского полка» В. Толстова, в приложении документов ты, если захочешь, найдешь нечто приятное для себя и внуков своих.

Это было в 1803 году 2 апреля. Государь император Александр I издал Указ. Указ государя длинный, я цитирую лишь окончание резолюции кубанских чинов.

Сейчас полпачки сигарет выкуришь. «ИЗБРАННЫМ вследствие заключенной по оному Его Императорского Величества Указу в 29 день декабря резолюции из штаба и обер-офицеров на 20 полков полковым командиром быть в конных полках – подполковникам: Бурносу, Малову, Еремееву, Котляревскому; капитанам: Романовскому, Кухаренко, Ляху, Кабеняку, Вербцю; в артиллерию – капитану Кифе; во флотилии капитану Животовскому; в пеших – капитанам: Гельдышу, Варавве, Покатиле...

Подписали полковник и кавалер Бурсак, асессоры: Кухаренко, Животовский».

Какие фамилии! В доме атамана Бурсака ты можешь теперь пить чай бесплатно и курить, не выходя на крыльцо. В доме атамана Кухаренко тебе обязаны давать любые книги из Америки (а наши, поспевая за цивилизацией, кубанские, книг не собирают). На углу улицы им. Котляревского я живу. Потомок Ляха был в начале нашего века начальником войскового штаба в Екатеринодаре. Род Кифы жил под Динской. Про Животовского расскажу на банкете, когда выпьем.

Вот из каких далей все вы тянетесь к нам.

И когда тебя демократы или какой-нибудь нахал-перерожденец грубо спросит: «А ты, Варавва, откуда такой взялся?!», то отвечай ему загадочно и твердо: «Да я, господин либерал, прямо из Указа нашего царя Александра I за номером таким-то». Пусть знают, что история предков дышит тебе в затылок.

Дай Бог тебе здоровья, многая лета, хороших авторучек (каких много у того, кто писать не умеет), патриарших всплесков в работе. Служи России, Кубани, да смотри, как просил тебя батько, провожая на фронт, «чоботы не загубы». А уж если будет тебе под либералами трудно и одиноко, – перечитывай Указ государя Александра I и резолюцию за подписью Бурсака, и силы жизни потекут к тебе по таинственному древу предков.

Виктор ЛИХОНОСОВ, москаль

***

В общении Варавва игрался и откровенно, ласково-шутливо похвалялся этим, сам посмеивался над тем, что говорил, и посмеивались все вокруг, и все были довольны. При встрече от него ожидали шутливого «коварного» разговора. Я всегда поддавался такому настроению и порою первый задевал моего прославленного собеседника несерьезной речью.

– Ну как там – написал чего-нибудь «Боян бо вещий»? Где князь Игорь, куда повел дружину: на половцев или к чернобровой дивчине? Пойдем ударим по пивку или «почнем... повесть печальную от старого князя Владимира до молодого Игоря Святославлевича...»

Он перевел «Слово о полку Игореве», и меня поражала его смелость.

– Да, я думаю, если дойдем до Кузьмы Катаенко, то он наведет наше храброе воинство на землю половецкую. И мы погуляем за землю Русскую.

Сразу становилось легко, и можно было говорить о чем угодно, ехидно сплетничать над кубанскими письменниками, ворошить скабрезным словом некоторых местных дамочек, без страха и оглядки пообсуждать махровую партийную идейность секретаря крайкома Кикилы.

Как-то столкнулись на банкете в институте культуры, говорю ему:

– Иван Федорович, ты коммунист, в Бога тебе верить нельзя, а в Аллаха можно? Чего ж ты отрекаешься от предков, они были православными. Написал «Подражание Корану». И засыпаешь, судя по «подражанию», с молитвой: «Аллах мой, сохрани меня». Зачем тебе бусурмане?

– А может, у меня в роду турки были. Может, моя бабка или прабабка зачала от турка. Чего ты напал? Ты на нашу казачью землю приехал из Сибири – на яблоки та груши – и указываешь, как Варавве писать. Варавва партийный, но, когда с Кузьмой крепко выпьет, по ошибке поклонится Аллаху. Так же?

И мы обнялись.

И я уже привык подшучивать, иногда, может, и перебарщивал, зарывался в своей вольности, иногда даже, будучи кацапом, поучал щирого казака:

– Ты что ж перекладаешь, Иван Федорович? Поэт, называется, кобзарь, понимаешь.

– А шо, господин урядник? Шо скажете есаулу?

– Да как же? Хвастаетесь, будто песни в станицах собирали.

– В станицах. Где ж больше...

– «За свит встали козаченьки...» Еще темно было. Так? Или я тупой кацап? Москаль проклятый. А? А вы, господин есаул, кобзарь, напечатали вот что: «Засвистали казаченьки поход с полуночи...» Кто из нас кобзарь?

– Кобзарь тот, кто ведет в корчму, подносит и платит, – отделался поэт. И мы пошли пить пиво.

– А у Захарченко как? – спросил он за стойкой.

– И у Захарченко так же. Вы советские казаки.

– Тогда закажи еще кружку. Ты кацап и ошибаешься.

За год до смерти он позвонил мне (а звонил раз в сто лет) и заговорил ласково – может быть, потому, что прежде полчаса любезничал с моей супругой Ольгой Борисовной, которая частенько, если сердилась на меня, укоряла примерами из жизни Ивана Федоровича Вараввы.

– Иванович... Мы с Ольгой Борисовной твоей решили, что на Кубани писателей осталось двое... – Молчание тянулось до-олго, как-то хитро, и даже «сквозь провода» виделась улыбка поэта. – Ты знаешь, что было на Руси «Дикое поле». Это южные степи. Ты знаешь географию, читал Льва Гумилева. Так вот, господин лауреат (у тебя премий больше, чем у меня), так вот... «Дикое поле»... в литературе, значит... это... это... «Слово о полку Игореве», Чехов... Иван Варавва... – молчание длилось бесконечно, века – ... ну и Лихоносов... Как ты на это смотришь?

Я не стал смеяться.

– Предлагаю твоему журналу переводы с греческого. Кого? Квинт Гораций Флакк. Оды и эподы.

– Да это же римлянин. Он писал на латинском.

– С латинского Варавва и перевел. Подстрочник купил у одного еврея. – И мы в трубку захохотали. – Горация, того самого, что Квинт, а также Флакк, переводили Семенов-Тян-Шанский, Церетели, Шервинский. Не обошлось, конечно, без Гинцбурга. А теперь в Древний Рим вступил казачьей ногой и Варавва. Как тебе это?

– Оды и эподы? Не возьму. Легче будет напечатать письмо запорожцев турецкому султану, чем твое казацкое переложение Квинта, да еще Флакка, понимаешь, Горация. – Опять похохотали в трубку. – Будучи плохим писателем, не таким смелым, как мой друг Варавва, я еще давно зарубил на своем литературном носу стихи Горация: «Редко ты пишешь! Едва ли четырежды в год ты пергамент в руки возьмешь! Лишь только наткал и опять распускаешь, сам недоволен собой, что вино и сонливость мешают, славы достойный труд совершить. Чем кончится это?» Если переведешь это лучше некоего Дмитриева, я поведу тебя в ресторан «Самурай».

Пошутили, но расстались как-то грустно. Переводы стихотворений Горация, жившего до

нашей эры, появились-таки в бывшем Екатеринодаре в начале XXI века в исполнении Ивана Федоровича – без всяких шуток.

Затмение русской культуры уже расцветало вовсю. Перевелись толковые редакторы, убавились тиражи, Тибул, Катулл, Проперций, Овидий, Вергилий и даже Гомер превращались в неизвестные фамилии.

Я все-таки позволял себе повеселиться. Не зная, что Варавва тяжело болен, врывался к нему звонком.

– «Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная лань...». Сожалею, что эти строчки Квинта ты не перевел... Выбирал почему-то стихи без женщин. А Гинцбург и Семенов-Тян-Шанский не брезговали и, желая, наверно, потрогать ножки и шейки, обращались вместе с Горацием к Диане, к Фидиле, к Гликере, к Хлориде, ну и к Лукреции.

– А я чуть вместо милой Прозерпины не подставил: «Марине Шапиро...»

– О-ой, Иван, ну тебя...

– Да что-то помешало. Наверно, строчки о Сафо увели меня в другую сторону: «...обители блаженных, где на лесбийских тоскует струнах Сапфо...» Вот так. Алкей взмахнул золотым смычком, а казак Варавва растерялся.

Таких облегчающих душу «контактов» набежало за сорок лет множество. И между тем жил Варавва как будто в стороне от меня, где-то на отшибе, изредка являясь в нашу толчею с планшетом в руке, в первые минуты чужой и хмурый. Жили в писательском сообществе, не ожидая потерь, никаких трагедий не предвидя, ходили на писательские собрания, выступали с речами и тут же, на перекуре, их забывали. Надоедали друг другу уже одним присутствием в городе и толкотней в местном издательстве, ездили в станицы славиться своими стихами и прозаическими деяниями, угощались там в особых уголках и на фермах, не удивлялись чьей-то поторопившейся старости, скрипели, скрипели перышками. Как вдруг и у молодых, «еще молодых», бодрых и собиравшихся коптить свет вечно, начались юбилеи: сперва легкий, потом потяжелее, а потом и опасный. Так старел и Варавва. Вроде недавно заглянули мы своей толпой на земли бывшего Марии-Магдалинского монастыря, побродили там возле остатков загубленной обители, вокруг нас ютились хуторские женщины, что-то спрашивали, мы шутили, а Иван Варавва, выхватив взглядом самую яблочно-румяную, задорную, подступился петухом, привлек ее к своему плечу и при всех уговаривал: «Ты мне, дивчина, нравишься, глазками пугаешь мою страсть, теснее стой, теснее, Варавва не обидит, пригреет и перед сном, и на заре, не смейся, родная, дрожи от меня, будешь всем хвастаться, что тебя сам поэт Варавва прижимал и щупал, а если захочешь, то я подумаю-поразмышляю и сватов зашлю, монашки со святых небес благословят нас на долгую незабываемую жизнь, так же, моя дорогая красавица? Уже млеешь, уже любишь поэта, уже согласна, так же?»

У бывшей трапезной долго шутковали, «знаменитый поэт Варавва» (как он сам насмешливо представился вначале) обласкал, словом, и других хуторянок, всем раздал надежды на счастье с теми, «кто, слава Богу, стихов не пишет», и осенний вечер тот на намоленной и оскорбленной земле запомнился, может, кому-то надолго.

Ты плакала чистой слезою
И плакала нива росою,
И плакал водою ручей,
Опавшей листвы книгочей,
И девушка – чистой слезою,
И ивушка – чистой красою,
И светлой водою ручей,
Не плачьте в подушку ночей!
Я сам свою душу потрачу:
Мужскою слезою заплачу.

– Полюбила? Уже зацепил душу?

– Куда ж от вас денешься... Уже полюбила.

– Уже и я сохну! – подстраивалась к ласке подружка.

– Оба греть меня прискачете? Тогда слушайте... Тихо! Поэт Варавва слово взял.

Его провожали до автобуса, вели с боков под руки, а мы по-сиротски завидовали чужому счастью.

– Ждите. Как помолодею, приеду.

Но старость подкралась, и нигде его, некогда кудрявого, глазастого, уже не дождались.

***

Было, но где-то затерялось время, когда на улице Красной прохожие заглядывались на большой фотографический снимок, вставленный в витрину художественного салона: на вас смотрел еще молодой, уверенный в своей привлекательности и силе поэт Варавва. Казалось, он будет вечно благословлять гулящих. Но...

В последний свой приход в редакцию журнала «Родная Кубань» он был особенно разговорчив. Вспомнил, как учился в Литературном институте и как хотели женить его на москвичке, да ничего у заводил не вышло. «И что бы я там делал, в этой Москве? Не-ет. Тут моя степь, нива моя, курганы, тут казаки». Уже он не был похож на того Варавву, который лет десять назад сиживал с нами на берегу Кирпилей под Тимашевском. Нестерпимо блестела заводь, стена камышей клонилась на сторону, розовые, лиловые, белые и темно-красные, столь любимые и сегодня на хуторах близ плетней, красовались мальвы. В редакции поэт был печальный.

«Внуков моих увезли в Америку, и им Россия не нужна... Вот какая история».

Там же у Кирпилей шутил он с женщинами: «Подходите по очереди, я вас поцелую, а тогда вечером кому-нибудь скажете: «Меня поцеловал поэт Иван Варавва!»

***

Когда с кем-то расстанутся навсегда, обретают острый или нежно элегический смысл вещи, письма и прочее, светятся обидой и грустью. Все кажется важнее, чем было.

У меня осталась простенькая карточка. На обороте напечатано: «Уважаемый тов. Лихоносов! 24 сентября с. г. в 14 часов состоится закрытое собрание писателей Краснодарской писательской организации. Повестка дня: "Пропаганда художественной литературы – дело большой политической важности". Ответственный секретарь – И. Варавва».

Было это в 1973 году. Убейте меня, но не припомню этого дня, этого пустого заседания, и кто на нем выступал под надзором партийного инструктора. Но чего-то жаль. И так драгоценна знакомая подпись моего тогдашнего начальника, имевшего некоторое касательство к появившейся попозже пакостной статье обо мне в альманахе «Кубань». Все ссоры и подвохи потеряли значение.

Книжки свои он дарил моей супруге Ольге Борисовне.

А я не обижался на него.

***

Прочитал бы это все о себе Иван Федорович, то, наверное, сказал бы кому-то: «Сразу видно: писал не казак. Все кацапы такие. Понаехали, живут тут, а нас не чуют. Еще и романы исторические пишут. Их деды к нам в лаптях заявлялись, на заработки, а Лихоносов уже в туфлях приехал, хлопец, конечно, способный, но с первой строчки видно, что кацап... Однако не обижайте его. Тихо! Варавва говорит».

А при встрече со мной сказал бы похитрее и любезнее: «Говорят, Виктор Иванович, ты про меня хвалебную статью написал, я еще не читал, но отзывы положительные. Нету Кузьмы Катаенко, а то бы сейчас посидели у него. Так же? В

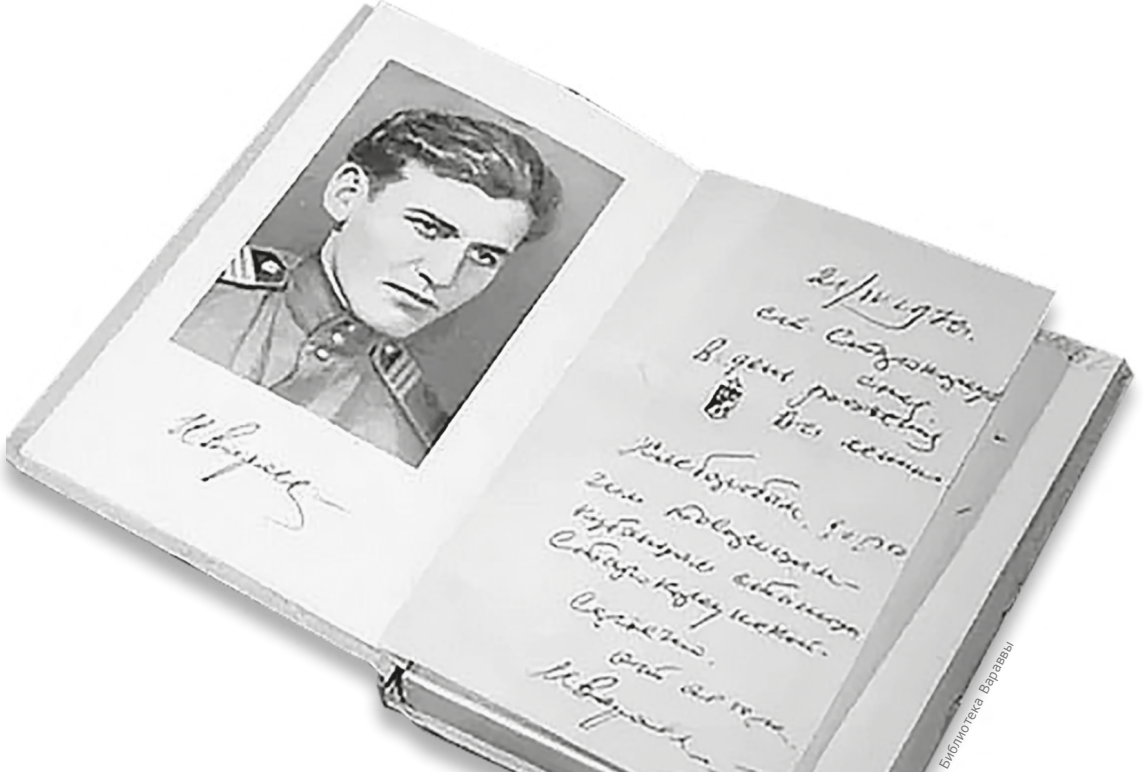
Тамань скоро поедем, Лермонтова с Печориным проведаем».

Старый телефон его остался в бумагах моих: 2-58-03. Но не позвонить. И в Тамань уже не поедем. И не скажу при встрече в Союзе писателей: «Вчера, Иван Федорович, в архиве с твоими староминскими казаками опять на станичном сборе сидел. Атаман Ус... ("Емельян Иванович, – перебил бы Варавва, – умер в Нальчике") аттестовал Семена Кочергу как "поведения и нравственных качеств хороших" ("Знаю, недалеко от нашей хаты жил"), отправляли его в 12-м году в царский конвой в Петербург и подписались, кроме нас с тобой (ты родился позже, а я кацап) все: и казначей Кибалко, и Горб, и Детынченко, и Бардак, и Чепурный, Городниченко, Жерновый, Гавриш и Иуда Кунда, и пошли они довольные собой к хатам, еще не зная, что мы с тобой через сто лет вот так в Союзе писателей будем балакать о них, курить и простенько забавляться. А?»

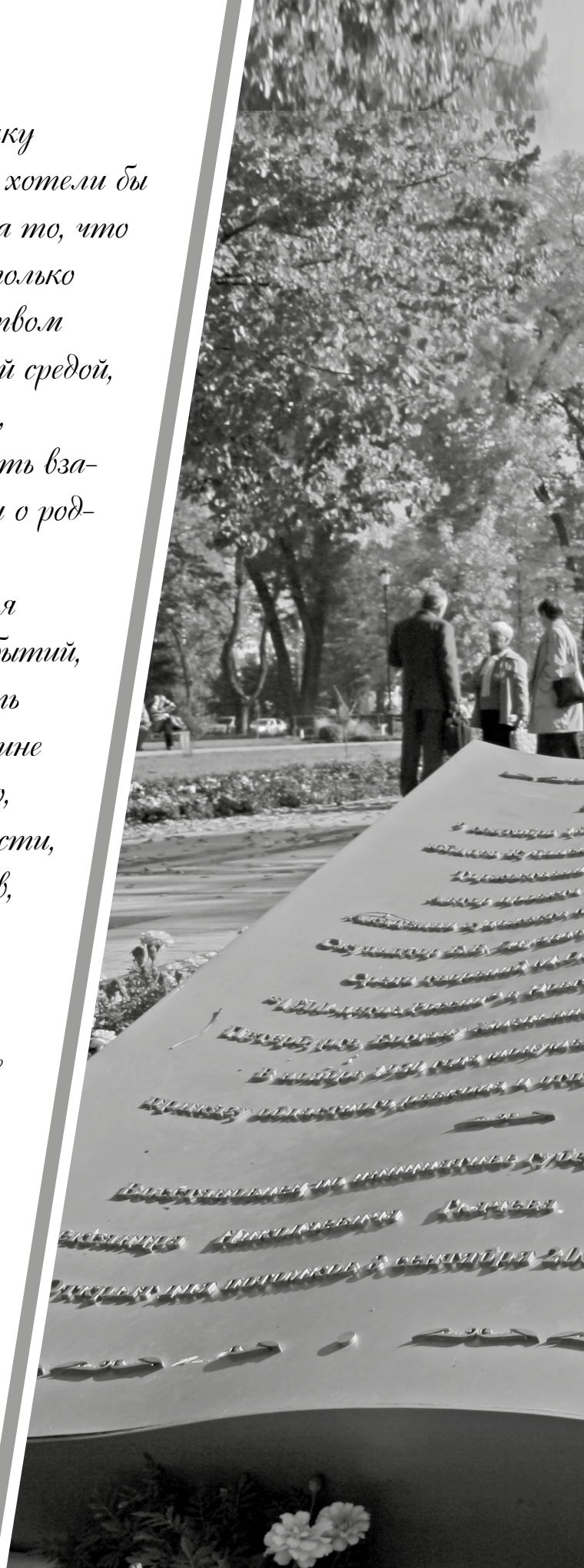
Пошутили бы, пивка выпили. Но, каюсь, в Союзе писателей тогда так просто не выпивали. Дисциплину кое-какую и нравственность соблюдали. За хорошее поведение могли бы и в царский конвой попасть. И написал бы Иван Федорович не про сапоги, а про тяжелый сундук, с которым грузились счастливые казаки на станции Кисляковской.

Разве такого Ивана Варавву сочинил в сценарии «Офицеров» московский либерал Б. Васильев? ■

2010 г.

Продолжая нашу рубрику «Родиноведение», мы хотели бы обратить внимание на то, что понятие малой родины связано не только с каким-то локальным пространством или ландшафтом, но и с социальной средой, состоящей из соседей, друзей, людей, с которыми мы учились выстраивать взаимоотношения, с представлениями о родственниках, земляках или даже о первых врагах. Это многослойная реальность повседневной жизни и событий, именующих субъективную значимость и воспроизводящихся в нашей картине мира. Малая родина – это место, где определяются жизненные ценности, выбор главных символов-ориентиров, вхождение в систему человеческих отношений со своим «Я». Таким образом, концепт малой родины является одним из способов очеловечивания истории. Этому важному аспекту посвящены очередные исторические очерки рубрики, которые представили краснодарские историки Олег Матвеев и Константин Гусев.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

«Кубанские новости»

Архив Олега Матвеева

ОЛЕГ МАТВЕЕВ

Родился в 1965 году в Стерлитамаке. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Автор многих фундаментальных работ по казачеству и истории народов Северного Кавказа.
Живёт в Краснодаре.

«СТАНИЦА ОСВЕЩАЕТСЯ... "НЕБЕСНЫМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ"»: ЖУРАВСКАЯ ГЛАЗАМИ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА*

На месте нынешней станицы Журавской Кореновского района Краснодарского края в первой половине XIX в. располагались несколько офицерских хуторов. В 1869 г., когда началось размежевание казачьих земель Кубанской области, жители станицы Кореновской решили «устроить станичный поселок в 100 дворов в юрте нашей станицы при р. Журавке около самого хутора отставного сотника Мазана на расстоянии от нашей станицы в 15 верст» [1, л. 80–81 об].

21 февраля 1879 г. Военным советом было утверждено расписание станичных и поселковых обществ Кубанского казачьего войска на «вновь образованные поселки». В перечне поселков Екатеринодарского уезда под восьмым номером значился поселок «Журовский», причисленный к станице Кореновской [2, с. 2].

Происхождение названия станицы краевед С. М. Сынча связывает с войсковым старшиной Ипатием Журавлем. В. П. Абрамов также приводит версию, согласно которой «основателем станицы был казачий есаул Журавко». Однако в подробном списке казаков хутора Журавского за 1907 г., сохранившемся в Государственном архиве Краснодарского края, фамилии Журавель и Журавко отсутствуют. Неубедительным представляется и другое объяснение топонимического словаря В. П. Абрамова: придя на это место, казаки якобы «зажурились», «пораженные представшей перед глазами красотой, поэтому и станицу назвали Журавской» [3, с. 175]. Дело в том, что глагол «зажурылысь» означает прямо противоположное тому, что в него вкладывает В. П. Абрамов, – загрустили.

Название явно происходит от гидронима, недаром упоминаемые выше офицерские и казачьи участки именуются в документах 1870-х гг. как «хутора на р. Журавке». Однако встает вопрос о происхождении наименования речки. Заманчивее всего определить ее по названию в восточнославянской лексике самки журавля. Только на Украине находится восемь сел под названием Журавка. Причем в Приазовье так называют золотистую рыбу из рода кефалевых: название связывают с тем, что испуганная рыба выпрыгивает из воды, «як жура́вка». В соседнем Ставропольском крае в Новоселицком районе есть село Журавское. В 1811 г. из села Новоселицкого вышли несколько крестьянских семей и поселились хутором на р. Журавке, по имени которой хутор и стал называться Журавским. Речку же, по мнению старожилов, прозвали так за большое количество журавлей, которые водились в ее бассейне, в степи [4]. Видимо, подобную же версию приняло и Журавское сельское поселение Кореновского района, когда 4 мая 2007 г. утвердило в качестве герба идею художника Н. Ищенко из станицы Дядьковской, где идущий по воде журавль «аллегорически говорит о названии станицы и поселения».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта No 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

Однако полностью принять такое толкование мешают два обстоятельства. Во-первых, журавль в степной части Кубани – редкий гость. «Кубанская область не лежит на пути перелетных птиц, – писал Л. Я. Апостолов, – так как представляет для них более серьезное препятствие, чем простирающееся на сотни верст Черное море; только изредка журавли, дрофы и некоторые другие птицы летят через область» [5, с. 209. См. также: 6. с. 134].

Во-вторых, если бы в основе топонима лежало название самки журавля, то ударение падало бы на второй слог, как в названии многочисленных Журáвок на Украине и в южных областях России. В упоминавшемся выше постановлении Военного совета от 21 февраля 1879 г. название поселка написано через «о» – Журовский. По всей видимости, для писаря неважно было, как звучит безударный второй слог: «а» или «о», ударение падало на первый слог (Жýровский).

Скорее всего, в основе названия лежит тюркское (ногайское) наименование балки [7, с. 65]. Название «Жýравка» в таком случае могло быть трансформированным восточнославянской лексикой ногайским словом «юртлук» – родина, родное место, или, скажем, «жъырасу» – старая вода [8, с. 19–27], что вполне допустимо для пересыхающей речки.

Заселение пос. Журавского осуществилось, очевидно, как запланировали еще в приговоре 1870 г. жители станицы Кореновской: «по желанию как из хуторов, так и из станицы, а в случае какого-либо несогласия, то таковое переселение сделать по жребию» [1, л. 81]. Очень скоро обозначились края поселка: «Гора» и «Низ». Кроме того, по-видимому, участки станицы делились по грэблям: Мурайкина, Кобзарева (Кобзарчина), Мазанова, Десюкова, Великая.

С утверждением 3 июня 1891 г. Положения об общественном управлении станиц казачьих войск устанавливается два типа казачьих поселений – станица и хутор. Поэтому поселок Журавский получил статус хутора. В 1894 г. на хуторе Журавском имелось 168 дворов. В них проживало казаков и урядников 668 мужчин и 594 женщины, 1 офицерская семья (3 мужчины и 5 женщин) и духовные лица (4 мужчины и 7 женщин) [9, л. 100 об].

Приговором сбора станицы Кореновской № 270 от 3 декабря 1906 г. хутор Журавский был отделен в земельном и хозяйственном отношении от станицы [10, л. 32]. Согласно «журнального постановления общего присутствия Кубанского областного правления, состоявшегося 12 декабря 1908 г., хутор Журавский Кавказского отдела, переименован в станицу Журавскую, с открытием в ней с 1 февраля 1909 г. станичного управления на общем основании» [11, с. 3].

В 1913 г. в станице Журавской проживали 5327 человек, из них 1460 мужчин и 1632 женщины принадлежали к казачьему сословию, 272 мужчины и 315 женщин – к оседло живущим иногородним, 702 мужчины и 886 женщин – к временно проживающим на территории станицы [12, с. 354]. Согласно списку жителей мужского пола бывшего хутора Журавского в 1907 г., здесь обосновались представители следующих фамилий: Воропай, Григоренко, Гринь, Дмитренко, Дмитрусенко, Науменко, Матирный, Куценко, Долженко, Белецкий, Нежигай, Джурило, Кучер, Ксенз, Хить, Вовк, Колоссовский, Мурай, Невкипилый, Диденко, Олефир, Орел, Савченко, Семенов, Соболь, Стуконог, Яриш, Омельяненко, Демянко, Краснюк, Шаповал, Шепитько, Кузуб, Кобзарь, Ильенко, Латошка, Лисица, Лихота, Щерба, Зозуля, Тараненко, Адаменко, Коваль, Жмайло, Стихарь, Несудим, Дух, Мурашка, Пономаренко, Губа, Шелест, Федько, Барановский, Клименко, Литвиненко, Машталир и др. [10, л. 83–103].

О быте, общественной и культурной жизни станицы Журавской Кавказского отдела в 1913–1914 гг. сообщал собственный корреспондент газет «Кубанский край» и «Кубанские областные ведомости», который часто подписывал свои заметки так – Ягелло. Корреспонденции отличает хорошее знание жизни местных станичников, независимый взгляд, боевой задор и даже какая-то юношеская задиристость: в заметках доставалось и станичному атаману, и писарю, и судье, и выборным; резкой

критике подвергались станичные порядки, ставились вопросы благоустройства, санитарии, освещения, пожарной безопасности и др.

Так, в одном из апрельских номеров «Кубанского края» корреспондент писал об обращении к нему с анонимным письмом местного жителя. Станичник сетовал, что «дети устраивают прогулки вокруг церкви, или в ограде, "как бы на бульваре"».

«Но, в сущности, дети местных жителей не виноваты в этом "преступлении", так как вопрос об устройстве в станице какого-либо бульварика, пригодного для гуляний вообще, детишек вообще, давний больной вопрос целого кружка местных жителей, ратовавших за устройство в станице такого рода бульварика, – отмечал автор заметки. – Этим кружком во главе с Дм. Тим. Шереметом давно уже создана необходимость для станицы бульварика для гуляний, так как каждому жителю нашей станицы, не имеющему собственного сада, приходится все время сидеть дома, если он, впрочем, не пожелает пройтись на станичное кладбище, где гулять и неудобно и не всегда безопасно. От сознания этой необходимости этот кружок перешел было к делу и еще в минувшем году предложил было обществу свои услуги по засаждению деревьями площади, начиная с горы, от двухклассного училища, до дороги вниз. Но, как мне передал сам г. Шеремет, общество не сочло нужным принять это предложение и объявило, что "со временем" оно само сделает все нужное для благоустройства станицы. То есть предложило: "Сидеть у моря ждать погоды". Правда, "обещанного три года ждут", но все-таки больно, что это симпатичное предложение отвергнуто самим же обществом» [13, с. 3].

Сведения о досуге станичной молодежи представлены в заметке «Ночные гульбища». Автор осуждает традиционные формы времяпровождения «парубков». Однако при отсутствии подробных этнографических описаний станицы эта информация вносит некоторые штрихи в картину местной молодежной субкультуры. «Как один из видов "доброй старины" в нашей станице процветает так называемая "Вулыця", – пишет Ягелло. – Вещь, по-видимому, безобидная. Соберутся "парубкы" и "дивчата", попоют, потанцуют, а потом по старинному обычаю пойдут "ночевать" парочками. Что тут дурного? А вот что. Пойдут "парубкы" и "дивчата" с одного конца станицы в другой и разбудят всех спящих сном праведников обывателей. Это дурно. А то сойдутся "парубкы" "верха" и "низа" и передерутся. Колья и железные прутья идут в "дело". Понятно, что многие уходят с "побоища" с помятыми боками, а многих уносят. Это совсем уже не хорошо. Но самое скверное то, что эти "вулыци" иногда обращаются в шабаш ведьм и чертей, особенно в предпраздничные ночи. Три или четыре года тому назад в бытность станичным атаманом С. А. Артеменко станичный сбор даже постановил сажать в "кутузку" тех из "парубков", которые будут пойманы обходом. Были даже расклеены объявления, и, казалось, дело пошло на лад. Ночные гульбища прекратились, по крайней мере, под праздники.

Правда, были тогда злоупотребления со стороны ночного обхода: напр., были случаи, что попавшегося отпускали с миром за "могарыч".

Но и теперь ночные гульбища процветают вовсю, и обыватели по ночам вынуждены бодрствовать. Надо бы защитить и их бедных. Надо бы вспомнить старый приговор и привести его в силу. К вам слово, г. атаман» [14. с. 4].

Из заметки о нарушениях пожарной безопасности мы узнаем некоторые детали о состоянии кузнечного ремесла в станице: «Администрация нашей станицы применяет эту статью (речь идет о ст. 472 строительного устава, согласно которой бани, кузницы и горны должны устраиваться вне усадеб и рядом с водоемами. – О. М.), как закон, только к кочующим кузнецам-цыганам и татарам, которые и без того, volens-nolens, должны располагаться в шатрах за станицей. Правда, можно встретить несколько бань, устроенных вдоль реки, но кузниц... Кузниц – одну-две, да и обчелся. Кузниц у нас десятка полтора и все почти устроены чуть ли не рядом с сараями и жилыми помещениями. Напр., рядом с горе-«кузнечно-слесарной»

мастерской Ф. К. Константиненко, в которой, к слову сказать, не починят простого замка, расположен крытый соломой сарай церковно-приходской школы. Перебросит случайно ветер искру из "фабрики" Константиненко на крышу этого сарая и пойдет писать губерния» [15, с. 4].

Об освещении: «Станица очень нуждается в освещении. Расположенная в балке, в безлунную и беззвездную ночь она окутывается кромешной тьмой <...>. Станица до настоящего времени освещается .... "небесным электричеством", а журавцы по-прежнему ощупью ходят по улицам. Как сообщали нашему корреспонденту, г-н Тараненко (станичный атаман. – О. М.) потому не устроил в станице никакого освещения, что на это не было излишних средств в общественной кассе.

Последнее, пожалуй, резонно, но удивительно, почему тогда г. Тараненко не сделал так, как это делается в других станицах: владелец всякого торгового заведения обязывается поставить перед своим помещением фонарь и давать керосин, кварталы же освещаются десятками; так как десяток жителей содержит свой фонарь. Все общественные расходы заключаются в найме фонарщика и в установке фонарей пред общественными заведениями (школами, магазинами и т. п.). Г-н Тараненко, надо думать, не сообразил об этом, будучи занят... ничегонеделаньем» [16, с. 3].

Имя атамана станицы М. Тараненко склонялось и в заметке, посвященной засорению улиц Журавской. «Многие "благоразумные" хозяева, особенно из богатеев, не желая засорять свои дворы кормом, устраивают около них на улице ясли и кормят в них свой скот, выгоняя его из дворов, – писал корреспондент. – Оно, конечно, похвально: дворы будут чисты, но при чем же здесь улица? Ведь отбросы корма, а частенько и навоз, оставаясь неубранными на улице, засоряют их до невозможности. К двору не то что подойти, подъехать бывает трудновато. Присоединить к этим отбросам "амбре" их, и по журавским улицам свежему человеку прямо невозможно пробраться. Наша администрация не только не принимает никаких мер против этого периодического (это бывает лишь осенью и зимой) засорения станичных улиц, но и не думала об этом. А необходимо было бы запретить опасный в санитарном отношении обычай: чего доброго, и холера может вернуться вместе с весной и жаворонками. Может быть, вновь вступивший на должность станичного атамана М. Е. Тараненко обратит свое благосклонное внимание на это и запретит кормить скот на улицах, а, следовательно, и засорять их. А, впрочем, едва ли можно надеяться на это. Злые языки говорят, что сам г. атаман и его родственники, живущие на окраине станицы, кормят всю скотину также на улице» [17, с. 4].

На жизнь Журавской заметное влияние оказывала речка. Но и поселившиеся здесь казаки неразумным отношением к водоему способствовали изменению экологической обстановки. В одной из корреспонденций в конце 1913 г. отмечалось: «Протекавший лет тридцать тому назад в средине нашей станицы ручеек за этот период времени успел разрастись, и маленький хутор Журавский превратился в станицу того же имени. С течением времени засоренная всяческими отбросами Журавка стала мелеть и разливаться, отнимая у станичного берега, особенно в центре станицы, вблизи так называемой "великой гребли". Лет десять тому назад вблизи нее было станичное правление, пока за ветхостью было перенесено «на гору», к двухклассному училищу. То место, где было правление, недавно пропало: его поглотила река. Это случилось два года назад. Проглотив место бывшего правления, речка поглотила и бывшие возле последнего акации. Корни их далеко виднеются в воде. Речка же смывает берега всю дальше и дальше, а станичники лишаются своих дворов с удобными огородами, по станичному "подметами". Приходится частенько видеть забор, далеко ушедший в воду, и, так сказать, "плавучие сады". Если хотите, красиво, но... убыточно. Недалеко, очевидно, то время, когда наша река сделается "морем широким", но не глубоким, и, главное, вонючим, а прибрежные станичники останутся без дворов, если не догадаются перебраться

повыше. Опасность близка. Пора сделать набережную, хотя бы дерновую: благо дерну в степи много» [17, с. 4].

При обильном выпадении осадков Журавская утопала в грязи. Корреспондент сообщал в 1913 г.: «Осенью, когда разверзаются хляби небесные, сообщение по станице Журавской становится весьма затруднительным. Особенно трудно сообщаться одной стороне станицы, отделенной с другой речкой, по перекинутым через последнюю пяти греблям: общественной ("Мурайкиной"), "Кобзаревой", "Великой" общественной, "Десюковой" и "Мазановой". Все эти гребли во время частых осенних дождей обращаются в какую-то жижицу, грозящую ежечасно раствориться окончательно в воде, вследствие чего переправляться по ним в осеннее время весьма затруднительно, а подчас и прямо невозможно.

Особенно "замечательна" в этом отношении так называемая "великая" общественная (трактовая) гребля. Часто приходится наблюдать, как завязший посредине этой самой, долженствующий быть образцовой, гребли журавец не может выбраться из грязи и беспомощно кричит: "Подай, подай перевозу!" <...>. Недаром у березанцев и кореновцев сложилась песенка: "В Журавке по дороге / Поломаешь себе ноги!"» [18, с. 4].

Ягелло не щадил станичную администрацию. Вот как, например, он изобразил поведение станичного судьи А. А. Ткаченко в общественных метах. В заметке шла речь о посещении заседания Журавского станичного сбора участковым начальником подъесаулом Рашпилем по поводу возникшего недоразумения о содержании местной церковно-приходской школы: «Входит в зал станичный судья ст. урядник Александр А. Ткаченко, немного запоздавший, занимает соответствующее его сану "судьи" место, "переднего ряда стул против председателя", потом, шатаясь, подымается с места и кричит: "Що цэ вы за .... Ва ... ваше бла... бла... городие чытаеты, грошый ны мы дамо...". Г. Рашпиль просит его сесть и выслушать переписку. В это время мне пришлось взглянуть на лица выборных, и что же: взоры их опущены, уши красные, а на лбу пот; они чувствуют, наверное, неприятное, подумал я, и сам невольно последовал их примеру. Судья же продолжал орать во всю глотку, произносить какие-то непонятные фразы. Но тут ему предложили немедленно оставить зал заседания в виду его болезни "вдребезги пьяного", и он, шатаясь, с трудом передвигая ноги и бормоча что-то, вышел.

К вам слово, господа члены сбора! Не думайте, что это вы в последний раз краснели за действия своего члена «судьи» Ткаченко. Ошибаетесь, да еще и жестоко. Ведь, припомнить хорошенько, кто его избрал на этот пост «судьи»: забулдыги и чарошники – отбросы станицы; также нам хорошо известно, наверное, и для какой цели – кричать, орать и не соглашаться ни с какими мнениями, кем бы они предложены ни были. Эти Т. ... считают за удаль подобные выступления, они хвастают этим, говоря: "Я сегодня поставыв по своему, хоть и горло заболіло, ни, пырыкрычав усіх, а як накынуться на атамана и NN, так він дзвонив, дзвонив, тай бросыв... Добрэ ты зробыв, кум, так ім и трэбэ, мы тэбэ и в другэ збэрэм, ходім выпьемо..."

Гг., представьте себе, что этот Ткаченко делает и как себя чувствует, когда прицепит знак станичного судьи и восседает на судилище. Он не мог воздержаться от своего идиотизма в присутствии участкового начальника, а там... Там стыд и срам станице» [19, с. 3].

Манеру общения выборных в станичном правлении корреспондент пописывал следующим образом: «Учитель-выборный А. Ф. Колосовский, зайдя в отделение станичного казначея А. П. Щербы (тоже выборный), начал о чем-то беседовать с последним. Беседа велась в повышенном тоне. Не прошло 5-10 минут делового разговора, как из-за казначейской решетки раздалось:

– Та вы, с. с. выборные, весь общественный хлеб погноили. Вам бы ... (следует нецензурная брань) шыю побыть треба!

– А хиба же вы (следует выражение еще "крепче"), – оппонирует учитель Колосовский, – не там булы?

После обмена любезностями "беседа" прекратилась.

На высказанное вслух чье-то замечание о недопустимости таких "разговоров" в канцелярии правления один из казаков, служащих там, заметил:

– Та таки господа, як Щерба та Колосовский, тут и не таки "перепалки" роблять. Це ще з лекои рукы пысаря Торговецкаго заведено.

Удивительно, что присутствующий здесь же атаман Ф. А. Адаменко вместо того, чтобы прекратить безобразный "разговор", счел своим долгом только сконфузиться.

Возмущенные всем слышимым, станичники говорили, что таким выборным давно пора "показать колено"» [20, с. 4].

Кто же был этот таинственный Ягелло? То, что он местный житель, несомненно, иначе – откуда знание таких подробностей из общественной жизни Журавской? Казак, поскольку в заметках сквозь едкую сатиру чувствуется боль за свою станицу, знание местных семей, нравов, диалекта. Хорошо образован, начитан для своего времени, поскольку не раз в его публикациях используются риторические обороты и литературные образы. Несомненно, молодой человек, поскольку его корреспонденциям свойственен максимализм, не обременен опытом зрелого человека.

Ответ подсказал один из тех, против которых было направлено острие критики Ягелло – станичный писарь П. М. Торговецкий. Писарь попытался через газету опровергнуть содержание статей Ягелло и назвал настоящее имя последнего: воспитанник предпоследнего курса Ставропольской Духовной семинарии, сын местного казака Яков Пимонович Григоренко. «Он хорошо знает, – писал П. М. Торговецкий, – что все население считает его автором лжи, грязи и прочей гадости, излитой им по адресу нас, жителей, общественных наших порядков и лиц в них служащих <...> Известно ему и то, что жители и станичный сбор не раз решались привлечь к судебной ответственности его, автора упомянутых выше статей за диффамацию; но станичный атаман и другие каждый раз упрашивали и уговаривали быть мягкосердечнее, снисходительнее – доказать свою гуманность, а на возводимый вздор смотреть так: "Собака лает – ветер дует"» [21, с. 2].

Упоминавшиеся административные санкции против Я. П. Григоренко, по-видимому, не имели успеха: корреспондент под псевдонимом Ягелло продолжал помещать свои заметки весь 1914 год, зато Торговецкого перевели в мае этого года в станицу Тимашевскую [22, с. 4]. Да и «заступничество» атамана М. А. Тараненко вряд ли объяснялось его «гуманностью». Скорее всего, информация в большинстве случаев была правдивой, о чем знали все, в том числе в администрации Кавказского отдела. Другое дело, что автор по молодости настолько заострял отдельные неустройства в жизни станицы, что находилось немало недовольных.

Не преуспев, видимо, в попытке призвать к ответу «наглого клеветника», П. М. Торговецкий обвинил Я. Григоренко и его отца в подпольной торговле водкой. «Местный казак Пимон Саввич Григоренко, – писал Торговецкий, – занимался в досужее время бакалейной торговлей, для чего приделал к жилому помещению лавчонку, не думайте, что для безопасности от воров, нет, для удобства. А удобство в следующем: товары лежат в лавке для отвода глаз, а главная его торговля – это подпольная (тайная) продажа грешной сивухи (водки). <...> В июне прошлого, 1913, года приехал домой на каникулы его родной сын Яков, воспитанник предпоследн. класса Ставропольской духовной семинарии, и так как в поле помогать отцу жарко, тяжело и неудобно будущему "батюшке", то он принял отцовские бразды по торговым предприятиям – тайной продаже водки. Человек молодой, энергичный, сразу расширил торговое дело, а к тому же и рабочих много – страдная пора. "Пусть пьют на здоровье, так говорил будущий батюшка и брал за каждую полбутылку лишний пятачок, "ведь по трудам выпить не грех, а мне нужны деньги для окончания курса"» [22, с. 2].

Обвиняя отца и сына Григоренко в безнравственном спаивании молодых людей, П. М. Тор-

говецкий намекал: все нападки молодого Григоренко на станичную администрацию в газете вызваны тем, что Пимона Саввича не выбрали станичным атаманом, предпочли ему М. А. Тараненко. «Не мудрствуйте лукаво против станичной полиции, а главное атамана г-на Тараненко, – говорилось в статье журавского писаря. – Он человек добрый и не повинен в том, что его избрало общество, а обошло вас. Бог даст, и ваша молитва и водка будут услышаны обществом и вы примете бразды атаманства» [22, с. 2].

Возмутила П. М. Торговецкого и рождественская речь Я. Григоренко, которую последний произнес в Журавской Покровской церкви: «Зачем батюшка, "местной церкви священник", разрешил говорить речь этому "мальчишке", да еще в такой праздник, "первый день Рождества Христова". Все наши чувства и душевные переживания за время литургии были разом разрушены, взбудоражены. Мы ожидали, даже предвкушали уже глубоко прочувствованную речь от своего отца, старика паствы, прожившего и пережившего много чувств и лет совместно с пасомыми и засвидетельствовавшего все это примерной жизнью; но на кафедре появился г. Григоренко с приподнятой головой, чувством величия. Нам наше я, поборов и заглушив в нас все, сказало, что это выступил несправедливый обличитель неправды, это в будущем батюшка, а в настоящее время только ученик духовной семинарии, подпольный продавец водки <...>, наглый клеветник по адресу всего Журавского населения, его общественных учреждений и отдельных лиц, но дерзнувший выступить с амвона с религиозно-нравственной и обличительной речью» [21, с. 2].

Представляется, что, если бы обвинения Торговецкого соответствовали истине, вряд ли бы местный священник дал слово «отравителю молодых душ» на Рождественской службе. В статьях писаря видны, скорее, уязвленное самолюбие, негодование на то, что уважаемых людей, лиц «при исполнении» публично осуждает неоперившийся «мальчишка». Согласно списку казаков станицы Журавской 1907 г., Яков Пимонович Григоренко родился 29 апреля 1894 г., следовательно, в описываемое время ему едва исполнилось 20 лет. Помимо Якова, в семье Пимона Савича Григоренко были еще два сына: Василий (родился 21 января 1899 г.) и Михаил (родился 11 января 1904 г.) [10, л. 83].

Таким образом, было кому помогать отцу в лавке; Яков же пробовал себя на ниве литературной и писал, судя по подшивке «Кубанского края», не только о станице Журавской. Мы можем только гадать, почему он избрал для псевдонима грозную польскую фамилию Ягелло (от литовского слова йогайло, что означает: «я – мощь, сила»), первым носителем которой был знаменитый Владислав, Великий князь Литовский, объединивший после брака с Ядвигой Великое княжество Литовское с границами «от моря до моря». Возможно и другое: к своим инициалам Я. Г. молодой семинарист добавил звучное окончание, объединив в псевдониме на шекспировский манер имена коварного Яго и благородного Отелло.

Как бы то ни было, Ягелло продолжал печатно выдавать различные зарисовки из жизни станицы Журавской, не взирая ни на какие авторитеты и не стесняясь в выражениях.

Так, он не раз ставил вопросы борьбы с преступностью в Журавской. В 1913 г. собственный корреспондент сообщал: «Года три тому назад в нашей станице было так развито конокрадство, что для пресечения или, по крайней мере, устрашения конокрадов, были употребляемы выселения подозрительных личностей из пределов Кубанской области и самосуды над ними же. Меры, правда, жестокие, но для устрашения верные. По крайней мере, кражи стали реже. А потом года два-три "гастролеры" даже совсем не беспокоили нашей станицы. Как говорят у нас, они "отчухивались". Но теперь конокрадство началось снова и, кажется, обещает принять большие размеры. За истекшую неделю, с 21 по 28 июля, у нас было три случая кражи лошадей. В ночь под 23 июля было уведено из конюшни посредством взлома запоров у казака Григория Омельяненко четверо лошадей, по настоящему времени ценою в 300–350 рублей.

А на следующую ночь были уведены лошади у казака Евсевия Палия. И тоже четверо, ценою в 100 и более рублей каждая. Наконец, в ночь под 27 июля были уворованы с поля лошади у казаков братьев Кизимовых. Сколько и на какую цену, пока не выяснено. Принятые нашей полицией меры к розыску украденных лошадей, как и следовало ожидать, ни к чему не привели. Да и что это за розыск? Потеха одна. Недаром в станице говорят: "Покатался Нивкипилый (это наш полицейский помощник атамана), покатался, да и остался с носом". А надо бы принять какие либо действительные меры, конечно, не самосуды, а что-нибудь другое, например, частые обходы ночью, как это было раньше» [24, с. 4].

Эти и другие выступления Я. П. Григоренко в кубанской прессе хотя и будоражили привычный порой ритм Журавской, встряхивали традиционный уклад станицы, но все-таки пробуждали стремление улучшить жизнь и совершенствовать общественные отношения. Пока можно лишь предполагать, как сложилась дальнейшая судьба этого молодого журналиста. Несомненно одно: Журавка подарила Кубани одаренного и смелого публициста, оставившего заметный след в истории местной прессы. Учитывая, что документы Журавского станичного правления утрачены, именно из этих заметок мы во многом можем судить о повседневной жизни дореволюционной станицы. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 818.
2. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1880. № 23. 14 июня.
3. Абрамов В. П. Лингвистический историко-топонимический словарь Кубани. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 428 с.
4. URL: http://www.okorneva.ru/naselennyie-punktyi-stavropolskoy-gubernii-i-kubanskoy-oblasti/juravskoe-selo-aleksandrovskiy-uezd/ дата обращения 12.12.2014).
5. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области. Краснодар: Традиция, 2010. 313 с.
6. Плотников Г. К. Животный мир Краснодарского края. Краснодар: Книжн. изд-во, 1989. 271 с.
7. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Репринтн. воспр. изд. 1910 г. Краснодар, 1992. Т. I. 734 с.
8. Алиева С. И. Топонимия ногайцев на Кубани. Армавир: АГПУ, 1996. 40 с.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 52. Д. 87/73.
10. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4080.
11. Объявления // КОВ. 1909. № 85. 19 апреля.
12. Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар: Куб. обл. ст. ком., 1913. 752 с.
13. Ст-ца Журавская. О бульваре // Кубанский край (КК). 1914. № 1279-86.
14. Ягелло. Ст-ца Журавская. Ночные гульбища // КК. 1913. № 1077-175. 3 августа.
15. Соб. кор. Ст-ца Журавская. Закон и станичники // КК. 1913. № 1114-212. 20 сентября.
16. Соб. кор. Ст-ца Журавская. Еще раз об освещении // КК. № 1323-130. 11 июня.
17. Ягелло. Ст-ца Журавская. «Чистота и опрятность» // КК. 1913. № 1171-269. 28 ноября.
18. Ягелло. Ст-ца Журавская. Пути сообщения // КК. 1913. № 1171-269. 28 ноября.
19. Ягелло 2-й. Ст-ца Журавская // КОВ. 1914. № 60. 15 марта.
20. Соб. кор. Ст-ца Журавская. О наших «избранных» // Кубанский край (КК). 1914. № 1382-189. 22 августа.
21. Торцкий П. Ст-ца Журавская // КОВ. 1914. №75. 3 апреля.
22. Ягелло. Ст-ца Журавская. Свершилось... // КК. 1914. № 1302-109. 15 мая.
23. Ст-ца Журавская // КОВ. 1914. № 38. 18 февраля.
24. Ягелло. Ст-ца Журавская. Конокрады // КК. 1913. № 1076-174. 2 августа.

Архив НИЦ ТК

Казаки станицы Журавской на службе. *Начало XX в.*

Архив НИЦ ТК

Жилище казака, крытое камышом. *Станица Журавская, 2007 г.*

Архив НИЦ ТК

Казачья семья Тарапины Максима Григорьевича и его жены Натальи. *Хутор Журавский.*

Архив Константина Гусева

КОНСТАНТИН ГУСЕВ

Родился в 1995 году в городе Краснодаре. Окончил КубГУ. Кандидат исторических наук, старший преподаватель Кубанского государственного университета. Живёт в Краснодаре.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ *

Вторая половина XX века стала временем парадоксальных противоречий в истории советской деревни. С одной стороны, партийное руководство страны предпринимало меры беспрецедентной государственной поддержки аграриев, которых не было ни до, ни после в отечественной истории [1, с. 3–4]. Это способствовало значительному укреплению материально-технической базы агропромышленного комплекса СССР [2, с. 22–23]. С другой стороны, огромные вложения не приводили к заметному росту ключевых агропромышленных и социальных показателей: количество деревень и их жителей последовательно сокращались [3, с. 6].

Ключевым барьером для развития Динского района Краснодарского края во второй половине XX века являлись нестабильные показатели агропромышленного комплекса, сильно колебавшиеся год от года [4]. В то же время партийное руководство Динского района уделяло исключительное внимание расширению производства зерна. Главный рычаг интенсификации сельскохозяйственного производства виделся в активной механизации производства. Механизатор считался «главной фигурой на селе», от которого требовалось особое мастерство и сноровка [5, с. 1–2]. Ставка делалась на комплексный подход в механизации – увеличение производительности, качества и фондоотдачи. В то же время отмечалась необходимость последовательной работы по совершенствованию управления научно-техническим прогрессом.

Однако не на всех производственных участках Динского района осуществлялось внедрение новых технологий. Более того, в отдельных колхозах во время уборки урожая выявлялись многочисленные проблемы с имевшейся техникой, в связи с чем автотранспорт Динского района активно привлекался для сборки урожая. В то же время партийное руководство обращало внимание на нерациональное использование грузового и железнодорожного транспорта. Проблема логистики оставалась важным сдерживающим фактором для увеличения сбора урожаев.

Эффективным ресурсом интенсификации сельского хозяйства стала системная работа агрохимической службы Динского района. Благодаря ее последовательной деятельности в аграрное производство удалось внедрить многочисленные объемы удобрений, что положительно сказалось на росте урожаев. В результате этого усилилась защита растений от вредителей и болезней. Кроме того, для научной разработки методов борьбы с сорной растительностью в районе регулярно проводились научно-практические конференции. Ведущим способом борьбы с сорняками стал агротехнический метод [6, с. 3]. Также удалось повысить плодородие пашни за счет сокращения засоренности полей, улучшения агротехники возделывания культур и грамотного применения химических средств уничтожения сорняков. Кроме того, в колхозах Динского

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта No 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/*

района осуществлялись различные сельскохозяйственные эксперименты с целью интенсификации производства. Например, овощеводы колхоза «Красная звезда» станицы Пластуновской одновременно с рассадой высаживали ранние огурцы в специальных горшочках, которые производились из дерновой земли, перегноя и специальных питательных смесей. Также были существенно расширены площади под зеленый горошек, который сеялся в два срока, чтобы сбор его урожая не совпадал с другими культурами [7, с. 1]. При этом слабое внимание уделялось междурядной обработке посевов на протяжении всего вегетационного периода. В то же время в каждом хозяйстве района предлагалось избавиться от посадок неперспективных культур.

Тем не менее не все колхозы применяли новаторские методы: имелись многочисленные факты неправильного использования технологий. Незнание общеизвестных агрохимических принципов тормозило рост производственных показателей и производительности труда. В то же время серьезным вызовом для местных тружеников оставалась регулярная засуха. Для смягчения ее последствий проводилось обязательное боронирование пашни после выпадавших дождей.

Партийное руководство Динского района ставило перспективную задачу увеличить продуктивность плодоовощевой продукции местных хозяйств [8, с. 1]. Для производства плодов постоянно расширялись сельскохозяйственные площади. Однако планы регулярно срывались из-за погодных условий и низкого уровня трудовой дисциплины. Весенние и осенние полевые работы не всегда заканчивались в оптимальные сроки, сохранялись частые перебои в приеме и хранении продукции. В результате этого не вся плодоовощная продукция становилась товарной, поскольку отдельные хозяйства выращивали лишь по одной культуре. В связи с этим производительность овощей предлагалось увеличить за счет сокращения посевов сахарной свеклы и специального возделывания отдельных овощных культур, увеличив объем производства ранних овощей. Для расширения продукции отрасли проектировался межколхозный тепличный комбинат, который так и не был создан. При этом обращалось внимание на отсутствие отлаженной системы контроля за состоянием качества произведенной продукции.

В центре внимания партийного руководства Динского района находилось развитие местного животноводства. Ключевой проблемой отрасли оставалась слабая работа по заготовке кормов, планы по которым долгое время выполнялись не полностью. Из-за этого партийное руководство последовательно требовало поднять уровень культуры земледелия при выращивании кормовых культур. Для решения проблемы кормопроизводство было выделено в отдельную отрасль. В результате этого улучшилось использование техники по уходу за посевами, началось внедрение прогрессивных приемов заготовки и хранения сена, сенажа, силоса, травяной муки, корнеплодов и других кормов. Кроме того, были заложены широкорядные семенные участки многолетних и однолетних злаковых трав [9, с. 3]. В то же время внедрялись смешанные посевы кукурузы с соей для повышения содержания белка в корме, также удалось форсированно нарастить посевы многолетних трав. При этом были созданы 15 специализированных отрядов и звеньев, что способствовало улучшению качества кормов. В то же время применялись методы морального воздействия: работники активно включались в социалистическое соревнование за высокую культуру кормов. Таким образом, системная работа в отрасли кормопроизводства позволила усилить показатели животноводства Динского района.

Еще одним ресурсом интенсификации животноводства стало улучшение его материальной базы. Во второй половине XX века были возведены новые и отремонтированы старые корпуса молочно-товарных ферм и свинарников с повышенной механизацией труда, которые удалось полностью укомплектовать кадрами. Показательным примером стал кейс интенсивного развития молочного скотоводства, в рамках ко-

торого осуществлялось комплектование коров, пригодных к машинному доению. Также были организованы специализированные хозяйства по доращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота. Вскоре после наделения животноводов дополнительными земельными угодьями увеличилось производство говядины. За счет расширения поголовья скота и птицы удалось усилить снабжение населения мясом. В результате специализации и концентрации труда, а также реконструкции и благоустройства молочнотоварных ферм увеличились показатели их производительности. Таким образом, пристальное внимание партийного руководства и многочисленные инициативы трудящихся позволили значительно улучшить состояние проблемной отрасли животноводства Динского района.

В то же время серьезным фактором, тормозившим поступательное развитие Динского района, оставались многочисленные социальные проблемы. Местное партийное руководство обращало внимание на безответственность отдельных товарищей и их нерадивое отношение к колхозной собственности. Во второй половине XX века распространились многочисленные случаи краж сельскохозяйственной продукции и строительных материалов [10, с. 3]. Для борьбы с социальными пороками в колхозах проводились совещания народных контроллеров, дружинников и сторожей, имевшие ограниченный эффект.

Особое внимание уделялось воспитанию молодого поколения Динского района [11, с. 2]. Ставилась задача формирования у юношей и девушек марксистско-ленинского мировоззрения, классового самосознания, трудолюбия, высокой идейной убежденности и непримиримости к буржуазной идеологии. Однако эффект от политического воспитания оставался ограниченным. В то же время отмечалась слабая работа с подростками, склонными к правонарушениям. При этом партийное руководство подчеркивало, что основы формирования личности ребенка закладываются в семье и эту задачу нельзя полностью перекладывать на школу. Обращалось внимание на случаи нерадивого отношения к воспитанию детей со стороны родителей: применение телесных наказаний и злоупотребление алкоголем. В результате вмешательства партийной организации усилилась воспитательная работа с молодежью на уровне школьного образования. При этом стали проводиться мероприятия по выявлению наклонностей и способностей молодых людей, организовывались регулярные встречи молодежи с ветеранами и передовиками колхозного производства. В то же время не удалось достигнуть массовости физкультурного движения среди молодых людей – развитие этой работы слабо осуществлялось в школе [12, с. 2]. Кроме того, вопросы свободного времени молодежи зачастую находились вне поле зрения партийных органов.

Для исправления ситуации партийное руководство Динского района стремилось улучшить работу комсомольских организаций путем усиления их кадрового состава. Обращалось внимание, что среди комсомольцев есть малоподготовленные и неавторитетные люди. При этом отмечалось нарушение дифференциального подхода в комплектовании комсомольских политкружков и семинаров. Занятия в некоторых комсомольских организациях часто срывались из-за неявки. Данные проблемы не получилось решить полностью, что тормозило усиление эффекта воспитательной работы.

При этом руководство Динского райкома ставило задачу: выпускники должны оставаться дома трудовыми преемниками собственных родителей. Для этого в районе создавались курсы трактористов, обучение в которых вели опытные механики и агрономы. В то же время функционировали профессиональные мастерские, готовившие слесарей, токарей и плотников, где за каждым молодым человеком закреплялся профессионал-наставник. Студентам образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования колхозы района выплачивали стипендии. Впоследствии многие выпускники, получившие среднее специаль-

ное образование, вернулись в Динской район и положительно зарекомендовали себя в колхозном производстве. Таким образом, был найден эффективный механизм трудового воспитания местной молодежи.

Одним из эффективных способов улучшения производительности труда в Динском районе стала грамотная организация социалистического соревнования трудящихся с учетом рентабельности и качества выпущенной продукции. В связи с этим было развернуто соревнование за высокую культуру земледелия: между трудящимися велась активная борьба за звание «Ударника коммунистического труда». Особое внимание уделялось инициаторам получения наивысших урожаев, которые постоянно совершенствовали работу механизированных звеньев. Кроме того, в Динском районе работала школа коммунистического труда, ставшая результативной формой пропаганды передового опыта трудящихся.

Партийное руководство Динского района видело механизм решения социальных проблем в поддержке развития профсоюзных организаций. Тем не менее, не все профсоюзы вели активную борьбу с социальными пороками – пьянством, курением и вредными привычками. Кроме того, не всегда тщательно изучались качества при подборе кадров в профсоюзные организации, отмечался поверхностный подход по многим вопросам [13, с. 2]. В связи с этим партийное руководство призывало преодолеть недооценку всех форм вовлечения трудящихся в управление производством, а также решительно искоренить формализм. Однако улучшить формы и методы деятельности всех выборных профсоюзных органов не получилось.

При этом партийное руководство обращало внимание на необходимость широкого привлечения трудящихся к непосредственному управлению – развитию внутрихозяйственной демократии и принципов коллективности руководства. Ставилась задача улучшить качественный состав секретарей первичных парторганизаций предприятий, повысив роль коммунистов в производстве. Тем не менее из-за отсутствия качественных механизмов привлечения тружеников в политическую деятельность эта задача не была реализована.

Ключевой социальной проблемой, сдерживающей рост экономики Динского района, являлся ограниченный ввод в эксплуатацию новых жилых площадей [14, с. 2]. Несмотря на увеличение капитальных вложений в строительство, в районе оставался большой долг по вводу жилья, сохранялись многочисленные факты распыления сил, имел место некачественный технический надзор за состоянием жилого фонда. В связи с этим индивидуальное строительство домов не успевало за потребностями местных жителей. В то же время неудовлетворительным являлось материальное состояние социальных учреждений Динского района. Кроме того, росли объемы незавершенного строительства, сохранялось множество простоев и непроизводственного использования мощностей. Также имели место факты несвоевременной подготовки и низкого качества проектно-сметной документации строительных организаций. Партийное руководство связывало эти многочисленные проблемы с дефицитом квалифицированных строительных кадров. Кризисное состояние строительной сферы не позволило решить проблему ввода в эксплуатацию новых жилых площадей.

При этом оставались многочисленные недостатки в торговом и бытовом обслуживании населения: многие труженики не могли получить товары повышенного спроса [15, с. 2]. Техническая база торговли отставала от роста товарооборота. В связи с этим партийное руководство ставило задачи по расширению ассортимента товаров народного потребления, улучшения качества работы предприятий торговли и бытового обслуживания. Кроме того, не утрачивали актуальность проблемы в жилищно-коммунальном хозяйстве Динского района: далеко не все жилые дома были подключены к водопроводу и газифицированы. Задача внедрить канализацию в каждой станице района не была выполнена.

Подводя итоги, отметим, что развитие Динского района Краснодарского края во второй половине XX века отразило ключевые противоречия состояния советской деревни. Беспрецедентные государственные вложения имели ограниченную результативность: была улучшена материально-техническая база агропромышленного комплекса, усилена работа агрохимической службы, происходило практическое внедрение новаторских методов в аграрное производство. Благодаря пристальному вниманию партийного руководства к отрасли кормопроизводства удалось улучшить состояние местного животноводства. Однако рост производственных показателей не был пропорционален экономическим вложениям, что оказалось обусловлено комплексом причин. С одной стороны, не все хозяйства занимались эффективным внедрением технических новшеств и интенсификацией труда. С другой стороны, демотивация многих трудящихся была вызвана комплексом социальных причин: дефицитом ввода в эксплуатацию новых жилых площадей, проблемами в жилищно-коммунальном хозяйстве, недостатками в торговом и бытовом обслуживании населения. Деятельность профсоюзных и комсомольских организаций отличалась формальным подходом и не позволяла решить назревшие вопросы. Таким образом, несмотря на многочисленные инициативы со стороны партийного руководства и экономические вливания, Динской район Краснодарского края столкнулся с объективным кризисом модели традиционной деревни в условиях завершения модернизационного перехода в СССР. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Алексеенко О. И. Деятельность органов власти Дона, Кубани и Ставрополья по развитию индустриальных отраслей агропромышленного комплекса в 1965–1975 гг. Краснодар, 2017.

2. Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации: дис. ... д-ра ист. наук. Зерноград, 1997.

3. Серогодский Н. А. Социально-экономическое развитие села: опыт, проблемы, тенденции. 1980–2000 гг.: На материалах Дона, Кубани и Ставрополья: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2004.

4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1386. Оп. 35. Д. 2. Л. 8.

5. Кондратенко Н. И. Выполним решения XXV съезда КПСС! // Трибуна. 26 апреля 1977. № 51.

6. Быть высокому урожаю! // Трибуна. 30 марта 1971. № 38.

7. Кондратенко Н. И. У овощеводов // Трибуна. 23 марта 1967. № 35.

8. Кондратенко Н. И. Семена ложатся в почву // Трибуна. 26 марта 1968. № 35.

9. Дроздов Г. Общественное питание в период уборки урожая // Трибуна. 26 июня 1969. № 77.

10. Николаев В. Хищениям – заслон // Трибуна. 17 июля 1969. № 86.

11. Воробьев П. Как мы воспитываем молодых коммунистов // Трибуна. 4 июля 1967. № 76.

12. Кондратенко Н. И. Ресурсы труда на земле // Трибуна. 24 февраля 1970. № 23.

13. Профессиональный союз и соревнование // Трибуна. 31 мая 1973. № 65.

14. Кондратенко Н. И. Выполним решения XXV съезда КПСС! // Трибуна. 26 апреля 1977. № 51.

15. Выполнение пятилетнего плана – под строгий контроль коммунистов // Трибуна. 8 января 1972. № 4.

Архив Андрея Фефелова

АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ

Родился в 1972 году в Москве. Журналист, публицист, главный редактор телеканала «День ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра». Член московского Союза художников. Живёт в Москве.

ГОСТЬ НОМЕРА

Андрей Фефелов

О РУССКИХ ОРЛАХ, СВЕТОЧАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ РОССИИ

Беседа Даниила Диденко с Андреем Фефеловым

Даниил Диденко: ***Андрей Александрович, начну с места в карьер. В своей статье от 14 ноября прошлого года под названием «Гони их, Трамп, гони!» Вы пишете, что считаете Трампа человеком-тенденцией. Речь идет о процессе деглобализации. Какого мнения Вы придерживаетесь сегодня, спустя некоторое время после инаугурации американского президента?***

Андрей Фефелов: В историческом масштабе с момента выхода моей статьи прошло ничтожно мало времени. Однако все те тенденции, которые я отметил, не только реализуются, но, более того, они усиливаются. Трамп интересен не своими личными качествами, хотя он, безусловно, умный человек и яркий политик. Он важен как выразитель движения, направленного на превращение США из главного плацдарма глобализации в нечто противоположное. США не просто сбрасывают с себя глобалистскую надстройку, но становятся мощным локомотивом деглобализации. Коррозия глобальной системы, увядание глобального проекта – все это не новость! Но сейчас эти процессы усилятся многократно. Из-под глобалистов, что называется, выдернули ковер. В США они лишились почвы, по всему миру они лишились силового прикрытия и центра управления. Почему это случилось – отдельный долгий разговор. По факту глобализация стала для США как государства слишком затратной историей. Глобализация стала нерентабельной. С точки зрения патриотов Америки, проект глобалистов – это опасная игра с непонятными целями. По сути дела, можно даже говорить о том, что Трамп возглавил национально-освободительную борьбу американцев против оккупантов-глобалистов. Поскольку за последние 60 лет США потеряли суверенитет в той же степени, как и все остальные страны мира, исключая, может быть, Северную Корею.

Д. Д.: ***То, что делает Трамп, – это деглобализация. Можно сказать, что БРИКС – это тоже проявление деглобализации. Но мы видим, что это разнонаправленные силы. Как соотносятся эти проекты?***

А. Ф.: Есть некоторая путаница, потому что мы говорили о глобализации как проекте, который запустили определенные силы в определенных целях. Но можно посмотреть на глобализацию как некий стихийный процесс. И вот сейчас мы наблюдаем крах проекта транснационалов-глобалистов и замедление самого процесса объединения человечества. Несложно заметить, что развитие БРИКС также предполагает некий глобальный миропорядок. БРИКС – это, так сказать, «глобализм здорового человека». Хорошо бы получить такой правильный справедливый глобализм, но я не верю в эту возможность в данный период истории.

Более того, мне кажется, что страны так называемого глобального Юга «жмутся» к России по причинам весьма прагматичным. Постглобальный период будет связан с болезненной трансформацией человечества и с разрушением финансовых, информационных и логистических систем. Неизбежно возникнут определенная неразбериха и даже хаос. В этом хаосе страны глобального Юга будут нуждаться в высокотехнологичной продукции и в продовольствии. Я не верю в перспективы БРИКС, не ожидаю появления новой резервной валюты. Да, доллар теряет и в конечном итоге потеряет свой статус. Однако не факт, что «брикскоины» придут ему на смену.

Д. Д.: ***Эпохальный Фрэнсис Фукуяма недавно отложил «конец истории». Куда, на Ваш взгляд, приведет деглобализация? Что нас ждет: новая эра человечества, возвращение к истокам или ядерная война всех против всех?..***

А. Ф.: Западная гуманитарная элита никак не может выбраться из глубокой Фукуямы, куда ее затолкали «хозяева денег», владеющие мировыми медиа. Провозглашенный из всех утюгов окончательный триумф глобализма-либерализма оказался фикцией, интеллектуальной спекуляцией. Проект транснационалов был взвешен на весах истории и найден слишком легким.

Начавшаяся деглобализация, или «глобальная локализация», имеет, на мой взгляд, два исхода. Один из них – безусловно пессимистичный, другой – условно оптимистичный. Обсуждается, как правило, оптимистичный, ибо людям не хочется думать о плохом. Человеческая натура остро нуждается в добрых предзнаменованиях, в благоприятных прогнозах. Оптимистичный сценарий связан с расколом мира на огромные ломти – так называемые макрорегионы или новые империи. Такой мир предусматривает возникновение мощных, конкурирующих друг с другом, самостоятельных центров силы. Таких центров на всю планету может возникнуть не больше пяти. Но, скорее всего, их будет три. Вокруг этих центров стремительно начнется кристаллизация пространств и ресурсов. Снова на передний план выйдет феномен границы.

Глобализация провозглашала «мир без границ», теперь границы возвращаются в нашу жизнь. Некоторые из них могут стать непроницаемыми не только для физических лиц, но и для товаров, для капиталов и даже для информации. Если это так, то на планете возникнет несколько гигантских информационных мешков, каждый из которых будет формировать особую антологию, а как следствие – собственную оригинальную науку. И это крайне интересно. То есть исчезнут мировая наука и обмен научными данными. Возникнут самостоятельные американская, китайская и русская науки. В этом сценарии деглобализация принесет огромное количество занятных эффектов, которые трудно сейчас просчитать.

Второй сценарий, он пессимистичный. И заключается в том, что наступающий хаос не позволит создать макрорегионы, вся система разлетится на осколки разной величины, среди которых могут быть довольно крепкие страны, но все же не настолько сильные, чтобы собрать вокруг себя значительные территории. Это будет «бесполярный мир» с колоссальными серыми зонами, в которых лучше не жить. Оставшиеся ядра цивилизации вынуждены будут тратить основной ресурс не на развитие, а на выживание. Они постараются отгородиться от внешнего влияния чем-то похожим на Великую китайскую стену. При этом я абсолютно уверен, что и в хорошем, и в плохом сценарии Россия выстоит.

Д. Д.: ***Недавно стало известно, что группа депутатов во главе с советником президента Еленой Ямпольской предложила законопроект, который сделает невозможным использование на вывесках и витринах англоязычных надписей. В прошлом году в своей статье «Лингвооккупация» Вы призывали к подобным мерам. Как Вы считаете, данный законопроект – это начало лингвистической русской деоккупации или нечто иное?***

А. Ф.: Подобный закон давно назрел, но он вызовет проблемы юридического характера, связанные с использованием производителями товаров и услуг своих торговых марок и брендов. Например, если официально зарегистрированная торговая марка включает в себя латинский текст, то как быть с этим логотипом? Я, конечно, выступаю за полную транслитерацию. Для СССР логотипы «Пепси-колы» и «Кока-колы» были перерисованы с использованием кириллицы. Должен ли я как русский патриот испытывать ликование от того, что читаю надпись «Кока-кола» на кириллице – вот вопрос... Но, тем не менее, такое решение, при всех дизайнерских и бюрократических сложностях я бы считал оптимальным.

С вывесками типа «Open 24», которыми у нас любят украшать кафе и магазины, дабы выглядеть «по-западному», разговор должен быть коротким. Сие безобразие должно пресекаться мгновенно. Вот Москва – вроде бы столица, но все равно преобладает периферийное мышление. У Владимира

Гиляровского в книге «Москва и москвичи» описаны цирюльники, которые пытались обустроить свои заведения на французский манер. При этом «будуар» бессознательно именовали «блудуаром». Как мы иногда хотим быть похожими на Запад! У этого есть, конечно, свои цивилизационные основания, но пора уже взрослеть. Пришло время строить свою собственную самобытную русскую цивилизацию...

Д. Д.: ***Андрей Александрович, в статье «Вразумление Америки» Вы говорите о том, что стихийные пожары в Лос-Анджелесе – это некая кара за грехи, знак свыше. Что в таком случае может означать для России экологическая катастрофа с разливом мазута на черноморском побережье?***

А. Ф.: Человек, мистически настроенный, видит знаки во всем. Для него мир наполнен символами и знамениями. Пушкин, увидев перебегающего дорогу зайца, велел вознице поворачивать сани. И это решение повлияло на его судьбу. Что касается масштабных техногенных катастроф, то они тоже многое символизируют. Например, то, что наша цивилизация весьма хрупкая. И что сладкие плоды ее достаются посредством создания громоздких и сложных систем, которые нуждаются в постоянном неусыпном контроле.

Конечно, свирепые пожары в непосредственной близости от Голливуда отсылают к библейской истории об уничтожении огнем проклятых городов – Содома и Гоморры. Но я слышал такое интересное суждение из уст американского протестанта: «Если Господь спалил сосуд греха – Голливуд, испепелил фешенебельные пригороды Лос-Анджелеса, значит, Он помнит об Америке...»

Согласно этой логике, гнев Божий – это проявление заботы. Господь ведь не сказал: «Делайте, что хотите! Покидаю вас...»

Второе пришествие в Белый дом Трампа тоже является некой Божьей милостью для США. Трамп говорит всем, что он хочет сделать Америку великой, но на самом деле он хочет ее спасти. Наступило время спасать Америку. Трамп – кризисный менеджер, поэтому он пытается действовать очень быстро и очень радикально. Потеряно огромное количество времени, огромное количество средств потрачено непонятно на что или просто украдено. Исторического времени у него и его сподвижников критически мало, и я наблюдаю за его потугами с большим интересом.

Д. Д.: ***Спор об эффективности печатной прессы в сравнении с электронными СМИ, кажется, постепенно затухает. Как главный редактор портала «Завтра.Ру» и телеканала «День ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра» какие выводы Вы можете сделать сегодня о будущем печатных СМИ?***

А. Ф.: Спор затухает, поскольку затухают сами печатные СМИ. Бумажные носители закономерно уступают место электронным. И эта тенденция, она необорима и необратима. И я это чувствую, наблюдая из года в год за падением тиражей газеты «Завтра». Тираж наш фатально рухнул во время пандемии коронавируса. Это связано не только с тем, что обмелел, увы, наш читательский слой. Рухнул главный наш партнер по распространению газеты – наследник «Союзпечати» корпорация «Роспечать». После этого удара восстановить наш доковидный тираж уже не представляется возможным.

Думаю, со временем чтение бумажной газеты станет частью роскошного времяпрепровождения. Вероятно, главными заказчиками выступят дорогие кофейни, в которых будет введен запрет на использование смартфонов, но зато можно будет с наслаждением пошуршать свежей прессой. Чтение газет станет проявлением высокого стиля. Читать изысканные тексты в прекрасном интерьере – это ли не мода на интеллектуализм? Вот так я, несколько утопично, вижу будущее газет. Для этого будущего верстка и дизайн газет должны будут перетерпеть изменения в сторону большей утонченности и эстетической выверенности. Пропадут эти ужасные, распухшие от объявлений, рекламные газеты. Пропадут отвратительные таблоиды с крикливыми заголовками. Все это схлынет, сгинет, пропадет! Останутся роскошные газетные раритеты, которые будут погружать читателя в определенную атмосферу, создавать вокруг себя особый тип времени, отличный от суетной повседневности. И в этом нарисованном мною

будущем среди трех оставшихся на плаву бумажных газет я вижу старейшее патриотическое издание – газету «Завтра».

***Д. Д.:** 27 февраля в Москве в Доме Пашкова должен состояться внеочередной съезд Союза писателей России. Этому событию некоторые писатели, критики, литературоведы приписывают особую значимость, предполагая долгожданное изменение политики государства в отношении к литературе. Как Вы считаете, это утопия или реальная возможность?*

А. Ф.: Вы знаете, лучше поздно, чем никогда! Объединение многих маленьких литературных союзов в один большой – это давно назревшая реформа. Также весьма логично, что такое объединение будет происходить на базе Союза писателей России. Во-первых, этот союз самый большой из имеющихся. Во-вторых, он пронизан духом патриотизма, что не противоречит государственной повестке. В-третьих, само название этой организации лаконично отражает суть.

В период перестройки писатели раскололись по идеологическому принципу, а затем и вовсе разбрелись по разным заимкам. При этом ни одно из писательских объединений не обладало достаточным влиянием и весом, чтобы выполнять роль профсоюза. Речь идет о социальной поддержке неимущих членов союза; о юридической защите литераторов, пострадавших от махинаций издателей; о продвижении законов, нацеленных на поддержку статуса писателя в обществе. Писатель ныне – это не профессия, а хобби. Нельзя получить профессиональный стаж даже будучи членом Союза писателей. С точки зрения государства писатель – это облако в штанах. Это неправильно.

В современном Китае, который многое взял из СССР, есть свой Союз писателей, который насчитывает около 10 000 членов. Это очень мощная и влиятельная организация. Каждая книга, изданная в стране, облагается крохотным налогом в пользу Союза китайских писателей. Поскольку книг в КНР издается тьма тьмущая, то Союз аккумулирует внушительные средства. Эти средства идут на социальные программы, а также на денежное пособие членов союза. Пособие это выплачивается ежемесячно и равно среднему заработку гражданина КНР. Таким образом человек, принятый в Союз писателей, может не думать каждый день о хлебе насущном, но всецело посвятить себя творчеству. Отбор в союз происходит очень жесткий, ценз очень высокий. Но ведь так было когда-то и в нашей стране. Прежде чем быть принятым в Союз писателей СССР, человек должен был доказать, что он творчески состоятелен и что его произведения востребованы обществом.

Мой друг Игорь Малышев давно зарекомендовал себя как великолепный писатель. Он стал лауреатом нескольких престижных литературных премий. Однако при всем при этом он работает инженером на одной из закрытых площадок Росатома. Он мечтает, но технически не может посвятить себя творчеству, потому что писательский труд самый низкооплачиваемый в стране. А ведь надо кормить семью и растить детей... А сколько еще таких примеров? Таким вот образом русская литература лишилась сотни увлекательных и глубоких литературных произведений.

Труд писателя не может быть конвейерным. Есть такая поговорка: «Если писатель молча смотрит в окно, то это не значит, что он бездельничает. Это значит, что он размышляет над своей новой книгой».

Если обновленный Союз писателей России через какое-то время построит модель, при которой писатели смогут тратить время своей жизни на литературу, а не на попытки заработать на стороне хоть что-то, то я буду в восторге и скажу, что это была великая писательская реформа.

***Д. Д.:** Захар Прилепин недавно опубликовал текст под названием «Пофамильно», где перечислил «врагов России». Это в том числе корреспонденты телеканала «Спас», представители движения «Сорок сороков», публицист Егор Холмогоров, пресс-секретарь Всемирного русского народного Собора Юрий Кот и другие. Человек сведущий смекнет, что этот текст является попыткой вызвать некий резонанс. А как обычному читателю относиться к такой информации?*

А. Ф.: У меня есть теория, что российский политикум воспроизводит структуру программы «Спокойной ночи, малыши!». Поросенок Хрюша – либерал-космополит. Заяц Степашка – коммунист-позитивист. Пес Филимон – националист-традиционалист. Над ними всеми возвышается фигура диктора дяди Володи. В 2022 году ситуация поменялась, поскольку либералы – этот коллективный Хрюша – были загнаны под лавку или вовсе выдавлены из страны. Хрюши перестали хрюкать, так сказать. «Правый» Филя и «левый» Степашка остались одни в студии. У них исчез общий враг, и тут началось! В этих новых условиях красно-белая свара, которая не прекращалась даже в 90-е годы, приобретает особую остроту. Был некий красно-белый синтез, а теперь синтеза нет, а значит, можно начинать колошматить друг друга. Обе идеологии представляют определенный период в истории России. Оба эти периода катастрофично завершились. Один – в 1917-м, другой – в 1991-м... Обе стороны жаждут некоего реванша, хотя непонятно, чего, собственно, они хотят. Сталину приписывают фразу: «Прошлое принадлежит Богу». То есть люди не могут ничего изменить в прошлом, но способны влиять на будущее. А будущее требует новых подходов, новых идей, новых доктрин. Наши потомки будут смотреть на этот «красно-белый» спор в XXI веке, как на удивительный карнавал. Представим себе, что по Москве идет многолюдная краснознаменная демонстрация: люди несут громадные гвоздики, портреты вождей, транспаранты и надувные дирижабли, пионеры поют советские песни. А навстречу движется нечто, напоминающее Крестный ход: хоругви, иконы, расшитые серебром штандарты, повозка с колоколами, штабс-капитаны, казаки... И эти две огромные колонны, по нашим «завтрашним» утопическим планам, сливаются в единое могучее шествие во славу России. Но по факту, когда они соединяются, не происходит братания. Они начинают безжалостно колотить друг друга! Кому-то колокол на голову нахлобучивают, кого-то бьют по голове транспарантом с портретом Гагарина.

Я знаю этих «правых» и «левых», все они патриоты России. Все они хотят одного – величия нашей страны. Но пути для достижения этого величия они предлагают разные. Чтобы это их противоречие смягчить, дабы объединить общество в единое целое, нужна сверхидея. В прошлом году я создал цикл работ, который назвал «Здорово, орлы!». Я нарисовал двадцать живописных изображений двуглавых орлов, которые символизируют единство противоположностей. Две головы смотрят в разные стороны, но сердце орла обозначается великим символом октограммы. Это богородичная звезда, божественный кристалл роста, который снимает базовые противоречия науки и религии, рационального и интуитивного, левого и правого, советского и имперского... Ну, составил некий список Прилепин. Завтра другой список составит генерал Решетников. Какая-то же должна быть общественная жизнь в России, в конце концов...

Д. Д.: ***Представим, что прекрасная Сверхновая Россия будущего построена и все тяготы переломных лет уже позади. Можно спокойно отложить перо публициста и примерить на себя роль писателя. Какую бы книгу Вы написали?***

А. Ф.: Я не предвижу в обозримом будущем какие-то спокойные времена, но если вдруг они наступят, то я напишу книгу о прошлом. О днях и ночах защиты Дома Советов в 1993 году. О духовной оппозиции. О газете «Завтра» – земной и небесной. О военных действиях в Чечне, Дагестане и в Сирии. Я напишу книгу воспоминаний. Опубликую старую потрепанную простреляннную записную книжку патриота.

Космические сумерки природы
Легли на сердце, леденея за окном.
Туманные вдруг закружились годы,
Ушедшей жизни.
С этим каждый здесь знаком…

Но пока время не для мемуаров. Сверхновая Россия еще не возникла, и я, возможно, напишу книгу о Сверхновой России. Хорошая идея!

Д. Д.: ***В одном из своих текстов Вы говорили, что надежда России на построение лучшего государства – это ее молодежь. Какие современные проекты в молодежной политике Вы можете выделить, какие «пожурить»?***

А. Ф.: Я мало смыслю в молодежных проектах. Но я абсолютно уверен, что дискурс сугубо консервативный, ориентированный на прошлое, не очень интересен молодым людям. Есть, конечно, константы русской культуры, которые должен впитать в себя каждый наш соотечественник. Однако сейчас, в период грандиозных перемен, как воздух, нужны новые идеи, новые концепции, новый дизайн. Пришло время смелых экспериментов. Нам необходимо новое знание. А без экспериментов мы его не получим. Все это должны придумать и организовать юные мозги, юные сердца.

Цивилизация существует, если она развивается, создает новые формы, делает открытия. Россия должна превратиться в одну огромную фабрику открытий. А работниками на этой фабрике будут гении, которых надо искать в толще народной. Ведь гениями не становятся, ими рождаются. Поиск и «огранка» гениев – вот чем пришло время заняться! Многие талантливые люди могут удачно компоновать и компилировать имеющиеся в арсенале элементы знания. Но создавать новое умеют лишь единицы. Таких людей государству надо находить и сопровождать по жизни. Чем не проект на весь XXI век?

Д. Д.: ***Назовите художественные произведения современных писателей, которые обязаны прочитать представители молодого поколения.***

А. Ф.: Это вопрос к сотрудникам Министерства просвещения. Ведь это они составляют списки книг, обязательных к прочтению. Таковыми книгами в какой-то период были тексты Ветхого и Нового Завета. А потом «Краткий курс истории ВКП(б)». Было время, когда каждый школьник должен был выучить наизусть латинский текст первой главы «Записок о войне в Галлии» Юлия Цезаря. Где сейчас эти школьники?

Думаю, что великие книги для нового поколения еще не написаны. Быть может, их будущие авторы уже родились и даже научились ходить. Но до написания книг им еще далеко. Новизна пришла в этот мир, и эта новизна должна быть отражена в том числе и в литературе, она должна быть осмыслена и упакована в формы, тексты, формулы. А все, что написано сейчас, описывает старый мир старыми словесами. То, что для прошлых поколений было важно и ценно, для будущих порой уже носит характер какой-то экзотики, антиквариата, винтажного очарования. Я не думаю, что эпохальные книги современности уже написаны. Поэтому читайте вечно живых классиков русской и советской литературы!

Д. Д.: ***Тогда назовите Ваших любимых писателей, мыслителей, художников.***

А. Ф.: О, это будет огромный список произведений, в основном, конечно, русской культуры, но не только. Единственное, могу сказать, что в юности, когда формируется сознание, формируются вкус, передо мной в полный рост встали три литератора XX века. Они примерно ровесники, но они обозначили три разных вектора развития русской литературы. Это Владимир Набоков, Михаил Булгаков и Андрей Платонов. Тоже своего рода Хрюша, Филя и Степашка, но уже области в русской словесности. Меня они увлекли и захватили, и я их читал, временами параллельно друг с другом. Их тексты складывались и переплетались, создавая какой-то уникальный орнамент в моей душе. С другой стороны, я пропитан духом и буквой восхитительной русской поэзии, которая сейчас, как колоссальный золотой слиток, лежит у всех под ногами, а мы по нему ходим, не обращая на него особого внимания. Это огромный самородок, на котором все мы стоим, как на фундаменте. Этот набор гениальных текстов, собственно, и создает русскую цивилизацию. Эти стихи манифестируют русскую цивилизацию, они ее квинтэссенция, ее суть. В нынешний век цифровизации стоит помнить восхитительные строки Николая Гумилева из его стихотворения «Слово».

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Д. Д.: ***В газете «Завтра» представлен проект «Светочи». Вы со многими героями этого проекта были знакомы лично. Кто из них произвел наибольшее впечатление?***

А. Ф.: Да, это о людях, которые стали уже легендами. Потому что, как выяснилось, наш мир мгновенно застывает, «легендируется».

Из этого мелькания, мерцания, разговоров, слез, улыбок в какой-то момент вдруг складывается миф, и ты ничего уже с этим уже не сделаешь. Явления проходят точку кристаллизации.

Вот ты беседуешь на ступеньках гостиницы с Саввой Ямщиковым. Какие-то разговоры, шуточки, смех. А потом вдруг ты видишь, что это уже не Савва, а памятник Савве. Или ты поднимаешь трубку, чтобы кому-то позвонить, а тебе говорят: «Знаете, вы звоните уже в музей!»

Смотришь вокруг, и все те, кто был рядом, стали уже какими-то гобеленами, барельефами, иллюстрациями в книгах, статьями в энциклопедиях. И вдруг ты осознаешь, что сам скоро станешь лишь оттиском на бескрайнем полотне русской истории, русской культуры.

Проект «Светочи» посвящен знаменитым друзьям и авторам газеты «Завтра». Речь о патриотической интеллигенции 90-х годов. О людях, которые осуществляли свое служение в ужасных обстоятельствах русской смуты, в чаду тотального нигилизма, в вихре торжествующей русофобии. Они перенесли наши русские ценности через болото. Это было не просто болото, это была ядовитая трясина. Они вошли в эту кошмарную жижу, держа над своими головами священные реликвии – нетленные сияющие русские смыслы. Многие из них не дошли до другого берега, так и сгинули во мраке русского безвременья. Но они выполнили свою миссию, передали свечу русской культуры будущим безвестным поколениям.

В культуре и вообще в истории все неоднозначно. Все постоянно меняется, бликует, преображается. Ко мне частенько заходил в редакцию бесприютный поэт, который сильно выпивал. Он был, безусловно, талантлив, но совершенно никому не нужен в этом мире. Он пребывал в тоске и смятении, брал взаймы небольшие суммы. Это было самое глубокое жерло девяностых годов, черная дыра русской истории, куда провалились целая эпоха, целая страна, целая нация. И он, страдающий творческий русский человек, тоже заблудился в страшных лабиринтах этого периода. Потом он исчез, а через какое-то время мне сообщили, что он трагически погиб: заснул и замерз на автобусной остановке в центре своего родного города Брянска. Вот путь русского художника на сломе эпох: мучительная бесприютная жизнь и смерть в полном безмолвии! Но прошло еще десять лет, и я узнал, к великому моему изумлению, что в Брянске существует фестиваль имени этого поэта. Его книги издаются сейчас значительными тиражами. По его произведениям снимаются фильмы. Речь о Николае Мельникове, авторе стихотворения «Поставьте памятник деревне...».

«Светочи» – это такая маленькая энциклопедия русской патриотической мысли. Некоторые светочи до сих пор живы, они среди нас. Им можно позвонить, можно встретиться и поговорить с ними. Это величайшее чудо!

Д. Д.: ***Конечно, это разговор о большой культуре, народной, настоящей, но в Вашей статье «Культура подмены» говорится об обратной тенденции. Вы отреагировали на фильм «Онегин» по мотивам одноименного романа в стихах Александра Пушкина. Тогда Вы сказали, что необходимо принять закон, защищающий великую русскую классику. И вот 14 февраля вышел новый фильм «Пророк. История Александра Пушкина». Что это вообще может быть? Это культурная диверсия или жадность «киноделов»?***

А. Ф.: Да, этот вопрос ныне актуален: «Диверсия или коммерция?» Как раньше был актуален вопрос: «Вредительство или идиотизм?»

Я выступаю за то, чтобы не вторгаться в сюжеты и тексты классических произведений. Я за то, чтобы

зафиксировать русский литературный канон и относиться к нему как к святыне. В фильме «Пророк» постоянно звучит примитивный рэп, написанный «по мотивам» стихов великого Пушкина. Это неприемлемая, обескураживающая безвкусица! Все это спродюсировал Никита Михалков. Нехорошо!

В чем смертный грех фильма «Онегин», о котором я писал? Создателями фильма была совершена чудовищная подмена, все диалоги и монологи героев были переведены в прозу. То есть восхитительный роман в стихах был кем-то переписан. Крылатые поэтические строки были заменены современными и довольно корявыми лексическими конструкциями. И после этого нас всех приглашают в кино ознакомиться с русской классикой.

Та же беда случилась с последней экранизацией «Мастера и Маргариты». Сценарист радикально поменял сюжет знаменитого произведения и напичкал его умопомрачительно пошлыми монологами собственного сочинения.

Но самое гадкое в этом плане мероприятие – это реклама банка ВТБ, идущая по всем каналам телевидения. В основе похабных роликов, призывающих брать какие-то микрокредиты, прославленные сюжеты русской классики. Старухи-процентщицы радостно бегут к банкоматам, а Герасим, отпустив Муму на вольные хлеба, громким голосом призывает всех брать кредиты в ВТБ. Запомните, братья, банк ВТБ – осквернитель русской классики!

Риторический вопрос: что делать, если богомерзкая русофобская поросль бесчувственно и безнаказанно глумится над бессмертной славой великих русских произведений?

Д. Д.: ***С вашей точки зрения, специальная военная операция – это причина или симптом возрождения ценностей Русского мира?***

А. Ф.: Специальная военная операция – это тяжелая необходимость, которая возникла в связи с теми процессами, о которых я уже говорил.

Советский Союз не просто так распался. Вернее так: его расчленение – это был искусственный процесс, это был проект. По ходу перестройки СССР был демонтирован высшей партийной верхушкой страны во имя глобализации. И уже по частям Советский Союз закинули в эту глобальную пасть, скормили ей его куски. Россия, как и прочие республики, была проглочена! Но прошло время, и Россия выбралась из чрева левиафана, сбросила с себя транснациональное иго.

Президент Владимир Путин всю свою карьеру действовал осторожно, как Иван Калита. И он из-под этого ига как-то все-таки вывернулся. Надо сказать, что и сам транснациональный проект к тому времени значительно ослаб. В какой-то момент глобалистам понадобилось во что бы то ни стало сместить Путина. Для этого, собственно, и понадобилась Украина, которую стали использовать как страну-наемника. СВО – это встречный пал. Это тяжелая, страшная необходимость воевать с частью русского народа. Ведь большинство украинцев – это русские, пока находящиеся под полным контролем глобалистских транснациональных антирусских элит.

Война одновременно включает в себя два важных компонента, два фактора. Война – это всегда цивилизация, поскольку не получается долго и эффективно воевать без высокоточного оружия, систем связи и сложной выверенной логистики. Но война – это и варварство тоже. Ибо война воспламеняет забытые инстинкты, она содержит в себе элементы спонтанности, непредсказуемости, глубинной агрессии. И вот эти два компонента в войне парадоксально сплетаются, образуют страшную и жестокую синергию.

Именно этот экзистенциальный опыт очень важен для построения нашего будущего государства. Поскольку нам предстоит строить нашу будущую империю, с одной стороны, как некую совершенную систему, при этом в такой модели должен быть элемент первобытного, живого, спонтанного. Ведь цивилизация – это законы, регламенты, традиции, инструкции, алгоритмы. А человеческое внутреннее «я» требует совсем иного. Как соединить природное с техногенным? Спонтанное с системным? Об этом надо спросить моего двуглавого орла...

СВО – это большие жертвы и большие испытания. При этом война незаметно и постепенно создает новое общество, формирует новое сознание. Россия выйдет из этой огненной купели усиленной.

Д. Д.: ***«Завтра» – лучшая, на мой взгляд, газета России в последние десятилетия. Понятно, что такой результат во многом обусловлен уникальностью личности А. А. Проханова. Назовите другие составляющие успеха «Завтра».***

А. Ф.: Успех в том, что мы знаем, к кому обращаемся. Это национально ориентированный мыслящий слой России. И главное наше счастье в том, что русская интеллигенция по-прежнему интересуется газетой «Завтра». Вот и руководство факультета журналистики Кубанского университета сделало наше издание чем-то вроде учебного пособия, чем мы горды, чему несказанно рады.

Д. Д.: ***Андрей Александрович, Вы публицист, интервьюер, главный редактор «День ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра», прозаик, художник… Какая из названных творческих реализаций Вам наиболее созвучна? Или Вы непобедимый русский «Змей Горыныч» с шестью головами?***

А. Ф.: Дело в том, что все творческие процессы начинаются, когда наступает тишина внутри. Творцу, чем бы он ни занимался, необходимо «внутреннее время». Этого типа времени мне как раз и не хватает. Что касается реализаций, раз уж вы их перечислили, то это действительно какие-то грани моей личности. Вероятно, я похож не на Горыныча, а на граненый стакан. Вот смотрю на себя в зеркало, а там – грани, грани, грани...

Что касается художеств, то это моя параллельная жизнь, поскольку я, хоть и состою в Московском союзе художников, тем не менее очень редко участвую в выставках. Все мои художественные проекты достаточно идеологичны. Иногда они нацелены на решение утилитарных задач, оформление студии и прочее. Эта текучка также активизирует во мне художника.

В целом я занимаюсь организационно-управленческой работой. Управление – это довольно-таки нетворческое, довольно специфическое занятие. Надо постоянно взаимодействовать со многими людьми, надо постоянно держать руку на пульсе. Надо уметь разбираться в людях и подбирать нужных людей. Только занявшись этим родом деятельности, я понял крылатую фразу Сталина: «Кадры решают все!» Потому как вопрос с кадрами – самый важный для управленца. Главная задача – принимать решения в рамках проекта. Решения большие и маленькие, много раз на дню...

Основная моя задача состоит в том, чтобы по вторникам выходила в свет газета «Завтра» и работал в ежедневном режиме канал «День». А все остальное идет по остаточному принципу. Хорошо это или плохо? На этот вопрос я не могу сам себе ответить. Потому что, с одной стороны, я иногда начинаю сомневаться, на своем ли я месте. Тиражи падают, просмотры не растут, а я обезумевший клерк, который бесконечно кому-то звонит и пытается в условиях кризиса свести концы с концами. И в эти минуты я думаю, что стал бы великим художником или великим писателем, если бы не это вот все. С другой же стороны, эти мысли смешны и малодушны. Я абсолютно на своем месте и делаю то, что должно. Как говорил Лев Толстой устами Андрея Болконского: «Делай то, что должно, пусть будет, что будет».

Все мои другие ипостаси, если им суждено реализоваться, они реализуются. Иногда я, как старый Гете, сажусь вечером около своей мерцающей лампы и начинаю воздыхать о своих ненаписанных романах и произносить известные строки: «Вы снова здесь, изменчивые тени, // Меня тревожившие с давних пор, // Найдется ль наконец вам воплощенье, // Или остыл мой молодой задор?»

Д. Д.: ***Как Вы относитесь к идее проведения выставки художественных работ Александра Андреевича и братьев Прохановых в музее им. Ф. А. Коваленко в Краснодаре?***

А. Ф.: Во-первых, братьев Прохановых много. Не думайте, что они там только в лице меня, моего брата. Прохановы моими стараниями – это уже большой клан. И многие из них рисуют. И тут определенная путаница может возникнуть.

Во-вторых, всех Прохановых довольно сложно собрать в одном месте. Они все куда-то мчатся, куда-то разъезжаются, пребывают в разных частях – ну, слава Богу, все-таки не мира, а страны. И поэтому довольно сложно будет стянуть нас в одно место в одно время.

При этом я хорошо могу себе представить, что я собираю своих орлов, все девятнадцать картин, и загружаю ими купе поезда, стоящего на перроне Казанского вокзала. Проходят всего сутки, и я уже в драгоценном для меня южном городе перегружаю этих орлов – благо они не очень тяжелые – в маленькое грузовое такси, а уже через несколько часов я выступаю на открытии собственной выставки. Я сейчас все это рассказываю, и у меня возникает ощущение, что все это уже случилось. Другие схемы весьма громоздки. Я могу отвечать только за себя.

Д. Д.: ***Вы дважды были участником Лихоносовской конференции в Кубанском университете. Каким Вы увидели факультет журналистики и наших студентов, часть из которых публиковались на портале «Завтра»?***

А. Ф.: Я участвовал в ваших мероприятиях даже трижды. Надо сказать, что наличие такого факультета и связь с ним представляется мне крайне важной, крайне интересной возможностью.

Я, конечно, знаю, что наша газета является неким «тренажером» для молодежи, которая учится на вашем факультете. И эта роль мне кажется почетной и важной. И конференции, они тоже являются определенным спектаклем, который всякий раз разыгрывается специально для студентов. Ведь для преподавателей важно создать на факультете определенную атмосферу и определенный дискурс. Все организации, которые связаны с обучением и воспитанием молодежи, пропитаны духом игры.

Молодые люди, которые только-только вступают в эти смысловые пространства, в наши идеологические ниши, наблюдают, сопоставляют, вникают и таким образом через выступления участников конференций транслируются определенные смыслы, не только вербальным образом. Что-то такое происходит, какая-то алхимическая женитьба. Идет процесс передачи информации. Потому что одно дело – это просто текст прочитанный, а другое дело – люди, которые приехали со своим ворохом эмоций и интонаций, со всем своим предыдущим огромным опытом.

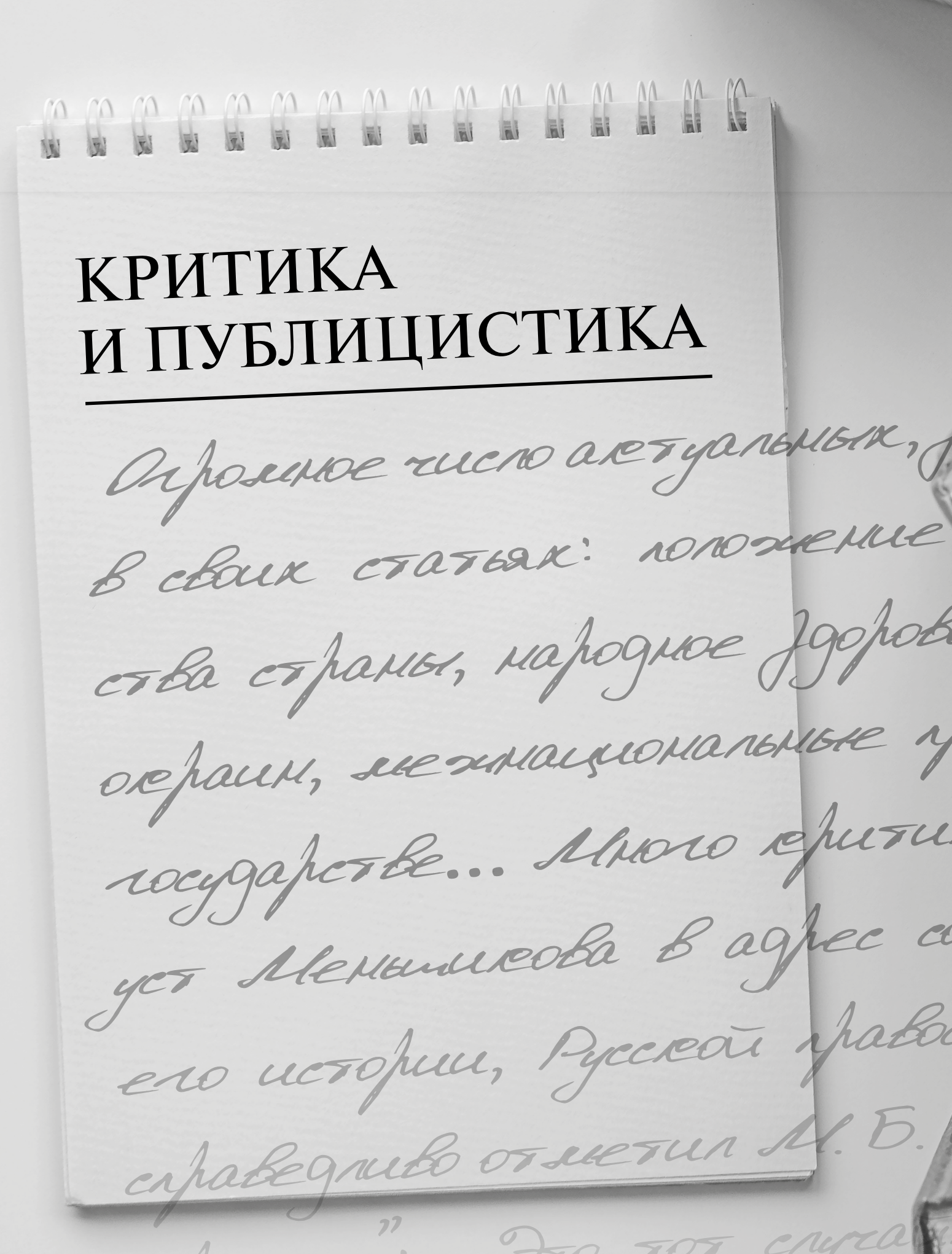
Но что касается молодых людей, они всегда прекрасны. В молодых людях живет гений молодости! К тому же они наполнены огромным количеством восхитительных иллюзий, искрятся мечтами и желаниями. Иногда одна мечта сменяет другую, а потом приходит третья. И это тоже прекрасно, ибо в молодом возрасте у человека есть выбор, есть пространство для маневра. А у людей постарше выбор исчезает. Когда человек долго идет по какой-то стезе, ему очень сложно ее покинуть.

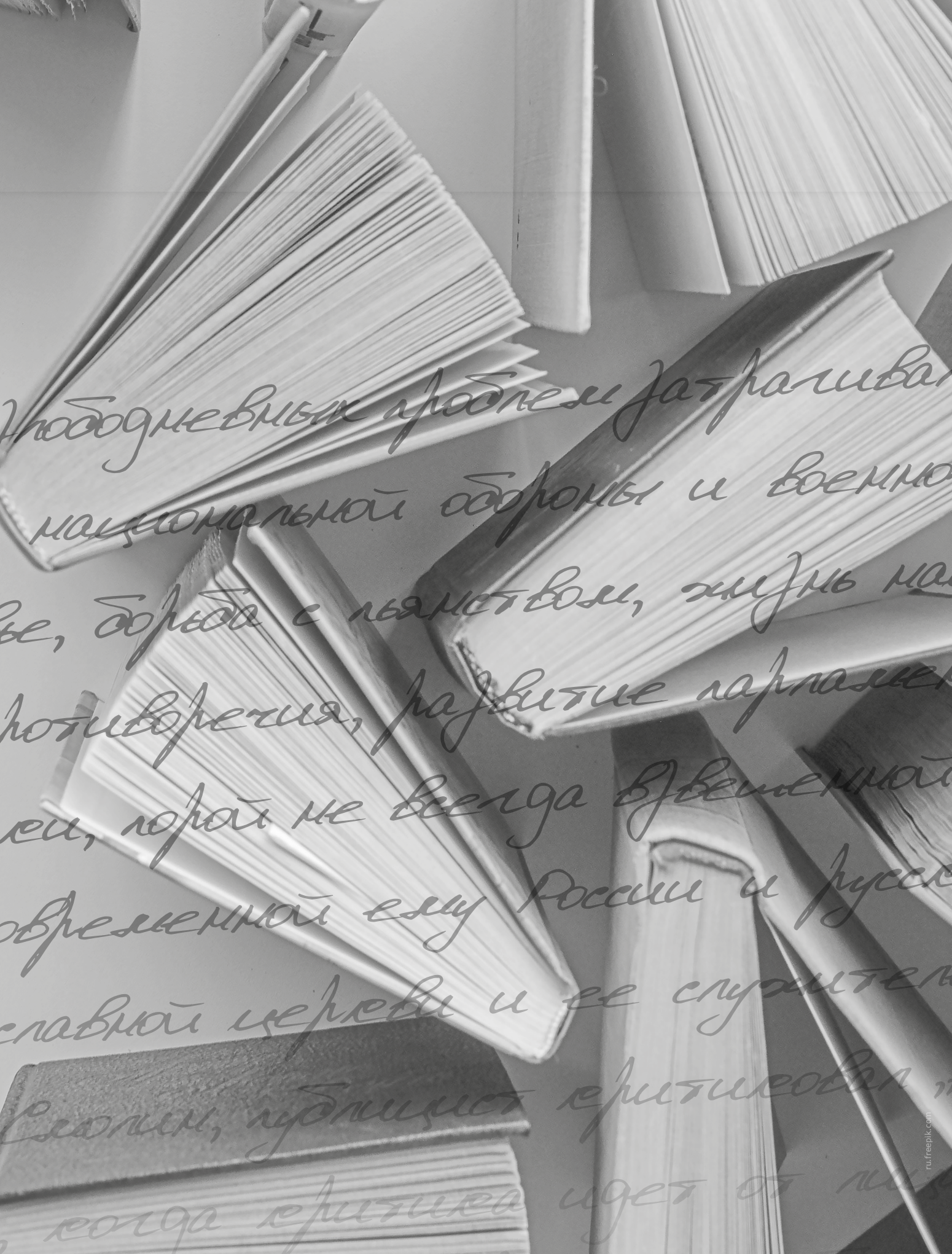
Все люди разные, у всех есть свои внутренние вопросы к миру, но то, что кубанские студенты движутся в русле газеты «Завтра», для меня факт вдохновляющий. Наверняка не все разделяют нашу позицию, отнюдь нет. Наверняка после окончания вуза не все будут читать нашу газету. Многие скажут: «Мы уже объелись вашими текстами!» Но тем не менее сам факт пересечения, он очень важен.

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Я знаю выпускников вашего факультета, которые много лет хранят в себе эти коды. Я даже с ними сталкивался в Москве на сокровенных выставках, где мало кто бывает. И это очень большая гордость – видеть, что идет такая тихая трансляция нашего опыта, наших знаний в вашу молодую среду.

Д. Д.: ***Большое спасибо, Андрей Александрович, за столь содержательную и интересную беседу!*** ■

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ru.freepik.com

Архив Татьяны Штейник

ТАТЬЯНА ШТЕЙНИК

Родилась в 1950 году в городе Чимкенте (Казахстан). Работает в Краснодарской краевой юношеской библиотеке им. И. Ф. Вараввы. Печаталась в журналах «Родная Кубань», «Краснодар литературный», «Библиотечное дело», «Современная библиотека» и других СМИ. Живёт в станице Марьянской.

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ВАРАВВЫ

… Я об одном прошу в своей молитве:
Дай мне, Господь, судьбу, какая есть!
Иван Вараввa

Листая страницы поэтических сборников Ивана Федоровича Вараввы, особенно изданные в последние годы его жизни, чувствуешь, что своим поэтическим словом он встал на защиту христианской Руси. Для Вараввы «Родина – это прежде всего духовная реальность, а чтобы ее обрести, каждому нужна личная, индивидуальная духовность. Природные, исторические, кровные и бытовые связи немощны, если они не найдут начала – священного, внутреннего... Через пространство своего обретенного духовного поля человек станет преемником всего наследственного, национального». Это слова из вступительной статьи Натальи Дроздовой к сборнику Ивана Вараввы «Казачий кобзарь». У Ивана Федоровича личная духовность была врожденной. Ведь казачий вараввинский род испокон веков был православным.

Уже в первом поэтическом сборнике «Ветер с Кубани» в стихотворении «Бабкина примета» Варавва упоминает Бога, правда, при этом он пишет слово «божий» еще со строчной буквы:

Маша тонкое белье
Во дворе стирала…
Бабка охает в дому:
– Ох, несчастье, внучка…
Не почтила стариков,
В божий день стирала –
Быть тебе без женихов…

Со строчной буквы слово «Бог» в книгах Вараввы будет присутствовать вплоть до 90-х годов XX века.

В произведениях поэта часто встречаются просьбы к Богу: «Ой, дай нам, Боже!» («Охота на тура»); «Ой, уроди, Боже, нам жито хороше!» («Казацкая нива»); «Ой дай, Боже, и в зиму и летом Святую победу» («Святая победа»); «Не дай того, Боже!» («Казак ехал долиною»).

Обережные молитвы и заговоры кубанских казаков собраны в разделе «На море-окияне» в сборнике «Кольчуга Святослава». Выполняя свое ратное дело по охране и защите государства Российского, чаще всего казаки читали обережную молитву «Георгий Победоносец».

Каких только нет в этом разделе заговоров – на ратную службу, о сбережении в дороге, от пули, стрелы, сабли, от злого недуга и скорби, от зубной скорби, от укуса змеи и волка-оборотня, на оберег скота и от неправого суда и прочая, и прочая...

Кроме самого Господа, Богородицы и Георгия Победоносца в заговорах упоминаются архангел Михаил, архангел Гавриил, Прасковея Пятница, мученица Варвара, мученица Катерина, великомученица Настасея, Николай Угодник, святая Соломия, великомученица Мокрина, святый Петро, святый Павло, святый Арсентий, святый мученик Трифон.

В 1992 году за счет личных средств И. Вараввы был издан сборник «Казачья бандура», включающий в себя казачьи думы, легенды и песни: полковые, военные, молодецкие, трудовые, семейные, колыбельные, песни любви и разлуки. Здесь впервые была опубликована казачья легенда «Родник пророка Ильи». Эту легенду Иван Федорович посвятил первому атаману возрожденного в начале 90-х годов прошлого столетия Кубанского казачьего войска Владимиру Прокофьевичу Громову.

Казачка Василина была девять лет прикована болезнью к постели. Однажды в молитве ее озарило виденье, что в горнем лесу, под дубом, лежит могучий камень. Прозвучал голос: «Грядет исцеление твое!» Василина попросила своих сыновей отнести ее под

этот дуб. Присела Василина на гранит и прошептала: «Прости мою грешную душу, Господь!»:

И предстал на поляне в серебряном,
солнечном, в белом
Сам пророк Илия... Осенился всевышним крестом –
Вкруг лампады зажглись, понеслись по горам песнопенья;
Из-под дикого камня струями ударил поток.

Василина испила воды,
в голубом роднике освежилась –
Подсказали ей силы небесные: – Встань и иди!
– Как пойду я, когда девять лет по земле не ходила;
Приторoченной к стылому ложу
на вечные веки была?!..

Василина о дуб оперлась и пошла широко и красиво,
Чтоб секрет исцеленья поведать в селенье своем!

И потекли к роднику больные и несчастные люди на поклонение – кто болезнь исцелить, кто великое чудо узреть. Думается, что неспроста оставил нам такую легенду Иван Федорович и посвятил ее атаману. Каждое слово в ней имеет великий смысл. Девять лет лежала Василина в постели. Число девять у древних славян – число перехода из одного состояния в другое. Душа покидает физическое тело на девятый день. Девятка часто фигурирует в русских народных сказках – «за тридевять земель», «тридевятое царство». Иван-царевич побеждает поочередно трехглавого, шестиглавого и, наконец, девятиглавого (самого сильного) Змея Горыныча, чтобы освободить Василису Прекрасную. Одной из самых сильных трав в траволечении считался девясил (девятисил). При этом непременно читались заговоры «от девяти недуг».

Подобно казачке Василине из легенды, через многие десятилетия возродилось Кубанское казачье войско, упраздненное большевиками в 1920 году:

...Наше знамя казацкое выцвело в дни лихолетья,
Было древко надломлено в конном неровном строю:
Мы его освятили, живою водою родника окропили
И подъяли молитвой святого пророка Ильи!
Мы под знаменем тем воскресили забытую славу
И от древних полков и станиц, и степных хуторов –
Собирали свой круг, выбирали в кругу атамана;
И вручили ему заповедных времен булаву.

Тема Гражданской войны до сих пор вызывает горячий интерес и подвергается различным интерпретациям. Эта почти забытая война, особенно жестокая на Дону и Кубани, стала волновать и тревожить Ивана Федоровича в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Его поэтическое слово о судьбе казачества в этот период становится острым, как лезвие ножа. Каждый желающий может подробно ознакомиться со стихами Вараввы в изданной Краснодарской краевой юношеской библиотеки им. И. Ф. Вараввы брошюре «И все казачье войско пополам на красный цвет и белый раздвоилось». На сайте библиотеки размещен ее электронный вариант в разделе «Издания ККЮБ».

Здесь же речь пойдет только о стихах, где есть православная составляющая. В своем «Предании о трехцветном флаге» поэт рассказывает о судьбе русской эскадры в тунисском Бизерте:

...Всевышний Бог пропасть не дал,
Судьбу поставивши на карту.
Он к той земле пришвартовал
Нуждой гонимую эскадру.

И там на грозных кораблях,
Вдали от попранной России,
Стоял над морем русский флаг,
Триколер: бело-красно-синий.

Великая Отечественная война для Ивана Федоровича началась в 1942 году, когда он, только что окончивший десять классов средней школы, ушел добровольцем на фронт. Испытав на собственном опыте все тяготы и ужасы самой страшной за всю историю человечества войны, он создал огромное количество замечательных стихов об этом периоде жизни своего горячо любимого Отечества.

Знаменитая конная атака казаков под Кущевкой вошла в историю Великой Отечественной войны.

Вооруженные до зубов фашисты не выдержали этой лавины. Все было как в страшном сне. Они бросали танки, пушки, автоматы и бежали... Об этом в стихотворении «Клинки»:

Трубы жалостно звали к походу
В холодке ветровых тополей.
Казаки допризывного взвода
Скаковых оседлали коней.

Где-то там, за Кущевским курганом,
Боевые клинки взметены.
Порубали врага-басурмана
Растревоженной степи сыны.

Уголубили злыдня и сами
Отошли в свой последний чертог!..
Кинолентою перед веками –
Степь, Отчизна и праведный Бог.

Стихотворение «Дань Родине» написано в походе в августе 1942 года, когда вместе с отступающими войсками уходили семнадцатилетние мальчишки:

Когда ты умираешь
В пылу кровавых битв,
Кого ты вспоминаешь
В шептании молитв?..
В клубах огня и дыма,
В разбитых сапогах,
Скажи, какое имя
Ты держишь на губах?
Во здравие героя
Я Богу помолюсь
С заплачкою земною:
– Живи, святая Русь!

У Ивана Федоровича очень много стихов о войне. Только в одном сборнике «Пожары Отечества» их 116! Особенно тревожат душу стихи о погибших воинах и их матерях, как в стихотворении «Тревожные тени».

И в День Победы, когда все вокруг ликуют и радуются, на ресницах у матери не высыхают слезы «по сынку, что с войны не пришел», а дома «на чисто убранной постели – вся подушка сопрела от слез».

Когда в период перестройки в нашей стране у некоторых людей появились «новые взгляды» на Великую Отечественную войну, Варавва ответил псевдодемократам своим стихотворением «Моим клеветникам»:

Мы зло фашизма штурмовали,
Вертеп коричневой чумы.
Они ж нас грубо оболгали:
«Красно-коричневые» мы!..

А красный цвет –
Цвет нашей крови:
Десницей Божьей осиян,
Склонилась вечность в изголовье
Над прахом павших россиян...

Штурмуют все, что было свято,
России псевдодемократы –
Отцов беспутные сыны!

В беседах с профессором И. А. Петрусенко Варавва вспоминал основные вехи своей жизни. Коллективизация, раскулачивание, голод, борьба непримиримых атеистов с «опиумом для народа» – верой в Бога. Все эти напасти бесконечными духовными тяготами ложились на плечи народа. В одной из таких бесед Иван Федорович рассказал, что в Раковой слободе (ныне с. Новобатайск Ростовской области), где он родился и прожил первые семь лет своей жизни, была церковь, в которой в дни больших служб пел его отец Федор Никитович. Через много лет в стихотворении «Песня забытого рода» Иван Федорович с большим сожалением писал:

...Без креста и звонов колокольных
Мы давно по-новому живем:
Бытием скупым своим довольны,
Хлеб жуем, да мед-горилку пьем.

Как-то Варавва спросил у профессора:

–Ты видел, у меня в спальне висит красивая икона Спасителя?

– Видел и был приятно удивлен, потому что за тобой раньше не замечал рвения попасть в церковный храм на какую-либо службу.

– Иконе я не читаю канонические молитвы. Они нужны массам, а поэт садится за стол и своими исповедальными стихами совершает молебен за себя-грешника, за усопших воинов-фронтовиков, за весь казацкий род, за Отечество, за родную землю, за всех живых на ней, и чувствую, Всевышний мне это засчитывает. Так вот, икона эта мне тоже напоминает школьные годы. Напоминает время, когда в станице Староминской недалеко от нашего дома стояла... красавица-церковь. Просторная внутри, с цветными витражами окон, с величественным голубым куполом и красивой люстрой в форме огромной шестиконечной звезды, в ней невозможно было не чувствовать величия происходящего вокруг действа. И все это по приказу советской власти однажды было взорвано и предано огню.

Вспоминая все эти события, Иван Федорович в 2000 году написал стихотворение «Земная исповедь».

В предисловии к сборнику «Пожары Отечества» Варавва писал: «Для предков и пращуров, прошедших через рубежи тысячелетий, последним духовным символом был клич «За веру, царя и Отечество». Христианская вера была неразрывна с высоким образом Отечества. После многих потерь и утрат современная поэзия возвращает нас к христианской духовности. Мой вклад – стихи из цикла “Под ропот непогоды”». Эти слова были написаны в конце 2000 года. Давайте ознакомимся с одноименным стихотворением этого цикла «Под ропот непогоды»:

Когда трескучий злой мороз
В моей душе навяжет кружев,
И небо, стылое до звезд,
Обдаст поля колючей стужей,
Я, пробудясь от дымных грез,
Пока еще не стало хуже,
Утру крапинки горьких слез
И крикну: «Боже... Ты мне нужен!»

Зажгу вечернюю свечу,
Осмыслю ратные походы
И, обратясь лицом к лучу,
Восславлю прожитые годы.
Скажу: «Зачем?.. Куда я мчу –
Пророк униженный народа?..»
Чадит свеча, и я молчу
Под ропот зимней непогоды.

В цикле 23 стихотворения. Они о красоте природы, о любви к женщине, о поэтической лире. Семь из них – о Боге, вере, молитве... С некоторыми из них вы уже ознакомились выше. Из этого же цикла стихотворение «В святом углу», которое Варавва приводит в своей вступительной статье к сборнику «Пожары Отечества»:

В святом углу горит лампадка,
Латунный свет в окне дрожит.
Господний образ для порядка
Глазами землю сторожит.

На мир взирая добрым взглядом,
Не погрязая в суете,
Идет Господь цветущим садом,
Даруя милость во Христе.

<...>

Иван Федорович явно поскромничал, говоря о том, что его вклад в христианскую духовность составляет только цикл стихов «Под ропот непогоды». Даже непосвященному в эту тематику читателю будет заметен факт наличия огромного количества подобных стихов у Ивана Федоровича.

Известно, что И. Ф. Варавва сыграл заметную роль и в возрождении Ильинского храма, расположенного в центре краевой столицы на углу улиц Октябрьской и Пашковской. Храм был построен по оригинальному проекту известного кубанского архитектора Николая Георгиевича Петина в 1907 году. Он строился на добровольные пожертвования екатеринодарцев в память избавления города от эпидемии холеры 1892 года.

Община Ильинского храма была снята с регистрации в 1969 году, и здание использовалось как

склад спорткультторга. В 1981 году оно было взято под охрану государства. В 1988 году архиепископ Краснодарский и Кубанский Исидор (Кириченко) обратился в крайком КПСС и крайисполком с просьбой передать помещения Троицкой и Ильинской церквей православной общине.

В одном из обращений верующих к архиепископу Краснодарскому и Кубанскому есть такие пронзительные слова об Ильинской церкви: «Сердце сжимается от боли, когда проезжаешь или проходишь мимо. Разве только слепой не заметит, а зрячий скажет: «Люди, где же вы?» Слезы сами текут, до какого же состояния довели ее. Крыша колокольни раскрыта, купол совсем снят, потолок, должно быть сгнил. Стоит осиротевшая, как хата вдовы, ободранная, захламленная. Больше 20 лет стоит в бездействии, а могла бы приносить радость верующим и пользу государству...»

В феврале 1990 года вышло распоряжение Краснодарского крайисполкома о передаче здания Ильинской церкви Русской православной церкви. И вознеслись кресты над куполами! И поплыл над городом колокольный звон, как в стихотворении Ивана Федоровича «Звон колоколов»:

Над куренями звон чудесный,
Вещая благо, стоны мчит.
В усталом теле рай небесный
Пробудит звон ненарочит.

Он к долу льнет, стеная, плачет,
Сзывает к благости народ.
В суровой памяти казачьей –
Молитва дедов не умрет!

Начало нового века и тысячелетия ознаменовалось широким празднованием во всем мире 2000-летия Рождества Христова. Иван Федорович к этой дате в октябре 2000 года написал стихотворение «Исход тысячелетия», которое было опубликовано в сборнике «Пожары Отечества».

Александр Борщев, подъесаул, заместитель атамана Прикубанского районного казачьего общества, вспоминал: «Однажды мы с женой Олимпиадой пригласили поэта в гости. Узнав, что он любит, жена сварила кубанского борща, вареников, напекла пирогов...

Гостей мы всегда принимали в зале. Но Иван Федорович, войдя на кухню, сказал, что только здесь и нужно накрывать стол. Видимо, ему понравился пейзаж, хорошо просматриваемый именно через кухонное окно. Совсем рядом красовался Екатерининский собор. Вздохнув, он с сожалением сказал: “Сколько я мог бы написать стихов, созерцая храм Божий”». Может быть, именно это событие вдохновило поэта создать стихотворение «С небесной верой»:

Когда поверил в Бога человек
И наше время вере этой радо, –
Не надо помыкать им в трудный век,
Корежить жизнь насилием не надо!
Пусть пылко любит розовую цветь,
Не устает надеяться и верить...
Не научился б только лицемерить
И безучастно в будущность глядеть.
Пусть учит землю грешную зернить,
Работать до спасительного пота,
И разума распутывает нить,
Коли дойти до истины охота.

У Ивана Федоровича был философский склад ума, он много размышлял о судьбах мира, России, своей малой родины Кубани, о смысле жизни, обо всем, что он любил страстно, ненасытно, до самоотречения. ■

Архив Юрия Павлова

ЮРИЙ ПАВЛОВ

Родился в 1957 году в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Живёт в Краснодаре.

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ БОЛЕЗНИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Вольные заметки

Я давно хотел отреагировать на публикации Павла Басинского в «Российской газете» в его постоянной колонке «Игра слов». Это символическое (забегая вперед, скажу – во многом определяющее суть текстов автора) название рифмуется с известной телепрограммой Игоря Волгина «Игра в бисер». Со времен перестройки либеральные авторы твердят: русская классика занималась делом, не свойственным литературе, одно из главных предназначений ее – игра слов, игра словом. Вынужден сказать об очевидном, через любые игры – слов, в бисер и т. д. – невозможно понять главные онтологические смыслы христоцентричной русской словесности.

Желание же ответить на публикации Басинского всякий раз исчезало из-за топорной сделанности, фактологической, логической, стилистической уязвимости его текстов, написанных в худших традициях современной критики, журналистики. Но 10 августа 2024 года, разбирая очередные газетные завалы, вторично прочитал когда-то возмутившую меня статью Басинского «Кому мешает Булгаков» [15, с. 11] и решил откликнуться на нее, а также на проблемы, явления, с данным текстом связанные. И неожиданно оказалось, что жанровые особенности вольных заметок позволяют и обязывают рассмотреть некоторые публикации Басинского (автора «Игры слов», критика и журналиста «Российской газеты») как явление, выражающее болезни, характерные для многих коллег по цеху.

Но, прежде чем говорить о тексте, читателям, недостаточно литературно-просвещенным, сообщу: Павел Басинский – один из самых влиятельных журналистов, критиков, писателей (таково его самоопределение творческого статуса), не одно десятилетие формирующий литературно-культурное пространство страны. Он член жюри премий «Ясная Поляна», А. Солженицына и В. Распутина, лауреат Государственной премии РФ в области литературы (2018), награжден орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2024). Теперь можно перейти к делу.

В феврале 2024 года в Киеве улица Михаила Булгакова была переименована в улицу Вахтанга Кикабидзе. Павел Басинский оценил произошедшее на Украине так: «При всем уважении и, не скрою, любви к этому актеру... “размен” Булгакова на Кикабидзе видится более чем нелепым. В отличие от последнего, Булгаков – культурная звезда мирового масштаба, и вычеркивать его имя из топонимики города, где он родился, провел детство и юность, затем написав (надо – написал. – Ю.П.) об этом городе... великий роман, означает воздвигнуть границу между Украиной и всем миром, и (точнее, лучше, это требует логика синтаксической конструкции, вместо союза «и» употребить «а». – Ю.П.) не только Российской Федерацией».

Как видим, Басинского больше всего беспокоит «топонимика города», что свидетельствует о небожительстве автора в лучшем случае. Ведь из литературно-культурного пространства Украины Михаил Булгаков был вычеркнут давно: книги и фильм, снятый по «Белой гвардии», запрещены. И то, что произошло в Киеве в феврале 2024 года, – закономерное, ожидаемое событие. Это капля в море политики дерусификации, русофобии, последовательно проводимой на постсоветской Украине, это последний акт в «отмене» Булгакова в его родном городе. Слова же писателя, сказанные в 1919 году в «Грядущих перспективах» о большевистских Мо-

скве и Петрограде, звучат актуально, применительно к сегодняшнему Киеву: «Мы будем завоевывать собственные столицы. И мы завоюем их» [18].

Альтернатива же автору «Белой гвардии», предложенная нынешней властью в Киеве, также не удивила: Кикабидзе ценится на Украине не столько как актер (таких, как он, в СССР были сотни, если не тысячи), сколько как последовательный русофоб, сторонник Саакашвили и т. д. Прежде всего и поэтому в самой России у него любили брать интервью «Новая газета»*, «Собеседник»* и другие либеральные, Родину ненавидящие СМИ.

Возвращаясь к цитате Басинского, робко возражу: называть Михаила Булгакова «культурной звездой мирового масштаба» – явное преувеличение. И уж совсем невозможно представить привидевшееся Павлу Валерьевичу воздвижение границ между Украиной и «всем миром» из-за Булгакова. В той небольшой части «всего мира», представленного США и странами Европы, политика деколонизации культуры, литературы – один из главных брендов на ближайшие десятилетия. И понятно, что автор «Белой гвардии» (как и большинство русских классиков XIX–XX веков) попадет в список запрещенных писателей, где уже находятся классики мировой литературы, «отмененные» в странах, зараженных либерал-фашизмом.

Однако и в самой России давно уже готовилась почва для «отмены» Михаила Булгакова, автора якобы имперского и антиукраинского романа «Белая гвардия». Майя Каганская, израильский литературовед, родившаяся в Киеве, еще на закате СССР опубликовала в «Литературном обозрении» статью «Белое и красное», главная идея которой сформулирована с предельной ясностью как установка на будущее, подобно контрольному выстрелу в писателя: «На нынешней Украине Булгакова сильно не любят. А надо бы н е н а в и д е т ь (разрядка моя. – Ю.П.)» [«Литературное обозрение», 1991, № 5]. Абсолютную несостоятельность статьи Каганской я показал еще в 2007 году [37].

Символично и закономерно, что точка зрения израильского литературоведа на «Белую гвардию» была воспринята как ключ к пониманию главного произведения Булгакова профессором МГУ Е. Скороспеловой. Она в своем учебном пособии для поступающих в МГУ (!), изданном в 2000-м (!), через цитату из статьи Каганской характеризует «Белую гвардию» как роман, где «противостоят великодержавность – сепаратизму, метрополия – колонии, Россия – Украине, Москва – Киеву» [45, с. 175]. Нетрудно заметить, что концептуально позиция израильского и московского литературоведов совпадает с оценкой «Дней Турбиных», озвученной украинской делегацией во время встречи со Сталиным в 1929 году.

Однако в статье П. Басинского все предельно просто до примитивно очевидной неправды: только украинцам мешал и мешает Булгаков. Россиян же, подобных Скороспеловой, Павел Валерьевич не видит или предпочитает не видеть. Однако данный тип интеллигента-космополита, ненавидящего свою Родину, ее тысячелетнюю историю, культуру, традиционные ценности, великую литературу, очень распространен сегодня среди преподавателей вузов, учителей, журналистов, критиков, писателей, деятелей культуры и т. д. Поэтому остаются актуальными убийственно точные характеристики, данные русскими классиками этим отчизноненавистикам и духовным, национальным выродкам. Мне прежде всего хочется, повторив совет Михаила Бахтина, обращенный к Вадиму Кожинову, «читайте Розанова», адресовать его людям, любящим Россию.

Отношение же Басинского к Розанову, в отличие от автора этих заметок, предсказуемо иное. В беседе с Алексеем Варламовым он выразил свое сегодняшнее восприятие мыслителя: после «первоначального, ошеломляющего впечатления» – «как отрезало», и оказалось, что Розанов «в сухом остатке» не может ничего дать Басинскому. Русский мыслитель при помощи чужого высказывания (за которым прячется Павел Валерьевич) уничтожается, превращается в нечто мерзкое: «Розанов – это медуза, которая переливается всеми цветами радуги, пока она в воде. А вытащишь на сушу – одна слизь» [7].

Причины такого отношения Басинского к Розанову ясны. Одна из них – восприятие Василием Васильевичем интеллигенции. Другая – «коррек-

тно» формулируется в вопросе во время беседы с Варламовым. Басинский, следуя прочно утвердившейся за Розановым «традиции дурной славы антисемита», выносит ему приговор: «Некоторые его высказывания о евреях и ц е л ы е о т д е л ь н ы е (разрядкой выделил два слова, одно из которых лишнее. – Ю. П.) книги сегодня вполне могли бы подойти под статью о разжигании национальной розни УК РФ».

Думаю, подобной логикой руководствовались чекисты, расстрелявшие в 1918 году Михаила Меньшикова за его якобы антисемитские статьи в «Новом времени». О бесконечных жертвах русского погрома, о котором у Басинского и его единомышленников – ни слова, скажу в другой раз. Сейчас задам вопрос, порожденный процитированным «приговором». Почему Басинский в статье об Астафьеве [14] не говорит о том, что многие высказывания писателя о разных народах СССР, в первую очередь о русских, попадают под ту же статью УК РФ? Но вернемся к Булгакову, которого, как и Розанова, почти уже 100 лет пытаются сделать антисемитом.

Последний абзац текста Басинского «Кому мешает Булгаков» – своеобразная развязка сюжета, затронутого лишь по касательной. Этот абзац дезориентирует читателя, укрепляет представление о Булгакове тех, чье видение писателя и времени сформировано либеральными авторами: «Вскоре спектакль, имевший внушительный успех,.. был снят с репертуара, а Булгаков стремительно впал в немилость и бедность (впал в бедность? – Ю. П.). Было ли тому причиной “единодушное мнение” украинской делегации, к которому был вынужден прислушаться даже Сталин, в точности неизвестно» («было», «был» в одном предложении – признак «художественного совершенства» стиля Басинского; однокоренные слова в подобном случае не позволит себе даже ученик с чувством языка. – Ю. П.).

Скажу о том, что известно точно и давно, и оно перечеркивает версию Басинского. Успех «Дней Турбиных» был прямо противоположен единому, по сути, мнению советских СМИ 1920-х о «Белой гвардии» и пьесе. Эти произведения оценивались как идеологически враждебные. Уже в 1925-м – за четыре года до «наезда» украинцев на Булгакова – Леопольд Авербах, один из главных идеологов литературы, назвал автора «Белой гвардии» «писателем, н е р я д и в ш и м с я д а ж е (разрядка моя. – Ю. П.) в попутнические цвета» [22, с. 448]. Через год он же аналогично политически прописывает Булгакова: «...наиболее яркий представитель “правого фланга”» [20, с. 570].

Обе оценки означали одно: автор «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» рано или поздно будет уничтожен. Все к тому и шло, если бы не вмешательство Сталина...

Жизненная и творческая судьба Булгакова до телефонного разговора с вождем 18 апреля 1930 года – история «зарезанного писателя словами» [22, с. 448]. Справедливость этой авторской самохарактеристики подтверждается прежде всего соотношением отзывов о Булгакове, приведенным им в «Письме Правительству СССР» 28 марта 1930 года.

Знаю, знаю, знаю, конечно, сей факт биографии писателя очень известен... Но без него почему-то обходится Басинский, а в цифрах этих сфокусирован контекст, без которого историю «Дней Турбиных» и судьбу Булгакова не поймешь. Да и читатель (впрочем, как и писатель, критик, журналист, преподаватель, учитель, деятель культуры и т. д.) пошел «дюже» темный...

Итак, по подсчетам Михаила Афанасьевича, из 301 отзыва о нем 3 были «похвальные», остальные – «враждебно-ругательные» [22, с. 444]. Среди «ругателей» (до встречи Сталина с украинской делегацией) самыми влиятельными являлись политические тяжеловесы – Л. Авербах и А. Луначарский. О первом – генеральном секретаре РАППа (самой крупной и провластной писательской организации страны), о его родственной и мировоззренческой «прошитости» с Яковым Свердловым, Львом Троцким, Генрихом Ягодой и о другом важном – мною сказано в начале 2024 года [42, с. 141–142]. Гораздо раньше, в 1990-м, я опубликовал текст об Анатолии Луначарском [33], где попытался развеять миф о толерантном наркоме просвещения, сделавшем якобы так много полезного для литературы и культуры страны. Отталкиваясь от различных высказываний

Луначарского в статьях и выступлениях, я пришел к выводу, что интеллектуальный нарком стоял в первом ряду советских руководителей, разрушавших традиционно-православное сознание, убийц русской литературы, культуры.

Частые ссылки на мои работы – не пиар-ходы человека, озабоченного своей популярностью. Это нежелание повторять когда-то сказанное и доказанное в статьях, где взгляды, оценки, озвученные в заметках, подробно аргументируются с опорой на многочисленные, конкретные источники (такая традиция написания текстов редко встречается у современных критиков, журналистов. В своих писаниях они предстают как первые Адамы и Евы либо самовлюбленные идиоты, что в подобном случае – одно и то же). В результате читатель может самостоятельно разобраться, насколько прав автор этих строк в своих кого-то коробящих, возмущающих (думаю, многих) суждениях о проблемах, явлениях, писателях, истории и т. д.

В случае с Луначарским обращение к моей работе 35-летней давности вызвано двумя причинами: ролью наркома в судьбе Булгакова (о чем речь пойдет дальше) и выходом в 2024 году книги С. Дмитриева «Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции». В ней, как явствует уже из названия, реанимируется выше озвученный, вечно живой интеллигентский миф о наркоме. И – какое «случайное» совпадение – именно Павел Валерьевич стал собеседником Сергея Дмитриева, главного редактора издательства «Вече», «невольно», конечно, пиаря его книгу о «Дон Кихоте революции», нигде и ни в чем не противореча автору, что свидетельствует о мировоззренческой и творческой ущербности Басинского [16].

Такое поведение интервьюера – показатель либо отсутствия у него необходимых знаний, либо совпадения взглядов собеседников. И подобная позиция благодушного согласия, когда его в принципе быть не должно, наблюдается в интервью и беседах Басинского, а также большинства журналистов, критиков разных направлений. Не менее «случайно» и то, что эта беседа появилась не только на сайте и в печатной версии «Российской газеты», но и на портале ГодЛитературы.РФ, возглавляемом Михаилом Визелем.

Итак, «Дон Кихот революции» еще за три года до встречи, на которой акцентирует все внимание Басинский, явно не по-донкихотски уничтожает Булгакова. В письме Михаила Афанасьевича Правительству СССР (вновь сошлюсь на широко известный источник, проигнорированный Басинским) говорится: «Сообщали, что мне нравится “АТМОСФЕРА СОБАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля” (А. Луначарский, “Известия”, 8/X – 1926)» [22, с. 444–445].

В том же 1926-м Луначарский неадекватно реагирует на эпизод убийства еврея петлюровцами в «Днях Турбиных». Этот эпизод был изъят из содержания пьесы за три дня до последней репетиции в МХАТе. В письме от 4 июля 1926 года Булгаков выразил свое несогласие с этим решением, мотивируя его тем, что «петлюровская сцена органически связана с пьесой» [22, с. 420]. И хотя в комментариях к письму Виолеттой Гудковой говорится: «Автору "удалось отстоять петлюровскую сцену" [22, с. 692], в статье Луначарского от 5 сентября того же года читаем: «Еще хорошо, что театр имел т а к т (разрядка моя. – Ю. П.) выбросить из пьесы омерзительный эпизод с издевательством и истязанием еврея петлюровцами» [21, с. 615].

Как видим, у Луначарского, как будто в соответствии с тем мифом, о котором шла речь, обсуждаемая сцена вызвала эстетическое неприятие. Зачем, дескать, травмировать психику впечатлительных граждан «омерзительной сценой». Однако как быть тогда с правдой жизненной и художественной? Неужели руководствоваться теми примитивными принципами, которые Луначарский сформулировал в статьях «Пути современной литературы» [31], «Марк Колосов» [32]?

И еще, если быть последовательным, почему Луначарский не говорит о необходимом такте изъятия сцен убийств, истязаний представителей других народов, которыми переполнена литература данного периода? Более того, эстетство или якобы эстетство, проявленное по отношению к сцене в «Днях Турбиных», не мешало Луначарскому быть выразителем классовой идеологии, разрешающей кровь по сове-

сти. Вот пример, иллюстрирующий «донкихотство» наркома: «Кулак – враг довольно сильный. Если бы кулаки были, как их часто изображают, заплывшие жиром, то можно бы их послать на бойню и переделать на мыло (так в одном рассказе говорится), но в том-то и дело, что их так легко не возьмешь» [33, с. 96].

Понятно, что этой цитатой я передал привет С. Дмитриеву и П. Басинскому. Если мало, пришлю еще (просто читателей жалко), к тому же я помню, что даже в вольных заметках нужно придерживаться заявленного сюжета.

«Наконец-таки», – скажут немногие из оставшихся в «живых», выдержавшие дистанцию «марафонского» чтения моей статьи, ведь среднестатистический текст сегодня, уверяют «специалисты», не должен превышать трех страниц. А это один из показателей, куда мы пришли... Пришли не только читатели, но и писатели, критики, журналисты, многие из которых – профессиональные халявщики. В качестве примеров такой халявы назову тексты Басинского: «Павел Басинский: Зачем читать Валентина Распутина» [8], «90 лет назад родился главный писатель-“деревенщик” Василий Белов» [9], «Басинский: Юрия Казакова нет в живых сорок лет. Достаточный срок для проверки творчества писателя на долгую жизнь» [10], «Принц не Датский. Павел Басинский о Василии Шукшине: В чем чудо его огромной личности» [12], «Наш поэт Тарас Шевченко: автору “Кобзаря” исполняется 210 лет» [13], «Виктор Астафьев: Человек не может быть просто проклят и убит» [14]. Конечно, данные публикации не могут быть так подробно рассмотрены, как «Кому мешает Булгаков». Для этого нужно написать примерно пять статей, каждая из которых равна по объему вами читаемой. Но все же некоторые конкретные и общие суждения об этих халявных текстах Басинского я выскажу позже, чтобы не быть голословным, а также не прерывать надолго постоянно нарушаемый булгаковский сюжет.

Озвученное выше, вопреки версии Басинского, позволяет утверждать: в своем антибулгаковском выступлении украинская делегация шла по проторенной дороге, проложенной Л. Авербахом, А. Луначарским, В. Блюмом, Р. Пикелем (его чаще других, четыре раза, цитирует Михаил Афанасьевич в своем письме Правительству), В. Киршоном и многими другими, стремящимися «зарезать писателя». Новаторство собеседников Сталина видится в другом: они, думаю, первыми отождествили петлюровцев со всем украинским народом, петлюровцы для коммунистов из республики оказались своими.

Но Басинский, как и большинство других авторов XX–XXI вв., не сделал очевидный и внешне парадоксальный вывод, позволяющий отчасти понять, почему так сложилась постсоветская судьба бывших республик СССР. Для деятелей литературы и культуры Украины, требовавших запретить «Дни Турбиных», национальное, точнее, националистическое оказалось превыше партийной принадлежности и объективной реальности, жизненной и художественной. Позже такой подход породил версию украинской истории, где П. Скоропадский и С. Петлюра называются (в том числе В. Зеленским) национальными героями, входящими в пятерку создателей государственной незалежности.

В «Белой гвардии» и «Днях Турбиных» Скоропадский и Петлюра изображаются принципиально иначе, что является одной из причин ненависти к Булгакову на Украине. П. Скоропадский – ничтожный и эгоцентричный человек, политическая кукла, за спиной которого стоят немцы, Германия (прямые аналогии с постсоветскими руководителями Украины возникают мгновенно). С. Петлюра – идеолог и практик украинского национализма, неизбежно ведущего к разрешению крови по совести (вновь не могут не вспомниться его последователи – П. Порошенко и В. Зеленский).

Преступную и кровавую сущность украинского национализма с высоким художественным мастерством и глубочайшей человеческой проникновенностью показал Михаил Булгаков в «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «В ночь на 3-е число» (из романа «Алый мах»). Именно убийство петлюровцами безвинного еврея вызывает у автора «Белой гвардии» эсхатологические мысли. А в «Алом махе» доктор Бакалейников становится свидетелем сначала порки петлюровцами «жида» («словно ковер вы-

колачивали в здании» [19, с. 514]), а затем зверского убийства несчастного еврея, называемого паном куренным «жидовской мордой» [19, с. 520]. Антисемит, кем давно и упорно пытаются представить Булгакова разные «специалисты», такие страшные сцены и с таким бездонным состраданием к жертвам не написал бы никогда.

О многом говорит и приговор, выносимый Бакалейниковым (героем явно автобиографичным) самому себе, не способному противостоять преступлениям петлюровцев: «Но я... я... интеллигентская мразь!» [19, с. 523]. В данном контексте невольно вспоминается классическая работа Ивана Ильина «О сопротивлении злу силою» [28] – катехизис поведения духовно здорового человека, обязанного бороться с силами зла. А всем интеллигентским и неинтеллигентским «мразям» в России, Украине, США, Канаде и в других странах, делающим из Петлюры героя или не замечающим преступлений Симона и его подручных, напомню только о 50 тысячах зверски убитых петлюровцами евреях и не только, конечно, их. Русских, как водится, тоже не забудьте.

В тексте Басинского нет ни слова о том, что в унисон с украинцами против Булгакова выступали В. Киршон, П. Керженцев, К. Радек, Л. Каменев, Г. Ягода, Ф. Раскольников, О. Литовский, Я. Эльсберг, Вс. Вишневский и другие. Об этом рассказал Всеволод Сахаров в своей книге «Михаил Булгаков: писатель и власть», изданной еще в 2000 году. О личном письме «Дон Кихота революции» Сталину сообщается следующее: «Он напомнил вождю, что по предложению Главреперткома коллегия его комиссариата уже запретила “Дни Турбиных”: “Но вы, Иосиф Виссарионович, лично позвонили мне, предложив снять это запрещение, и даже сделали мне (правда, в мягкой форме) упрек, сказав, что НКПрос должен был предварительно справиться у Политбюро”. Как видим, Сталин умело защищал пьесу Булгакова и даже на шумной встрече с украинскими писателями спокойно заметил: “Она в основном все же плюсов дает больше, чем минусов”. И через голову своих настырных посетителей ответил Луначарскому и его друзьям: “Я не считаю Главреперткорм центром художественного творчества”» [44, с. 169].

Сталин в конце концов уступил тотальному давлению самых разных политиков, писателей, деятелей культуры. Но уступил, на это нет и намека у Басинского, временно. Не прав автор колонки «Игра слов», представляя дальнейший жизненный и творческий путь Булгакова трагически беспросветно: «...стремительно впал в немилость и бедность».

Буквально через год и месяц после окончательного запрещения «Дней Турбиных» и наступившей черной полосы в жизни Булгакова, 18 апреля 1930 года, состоялся телефонный разговор писателя со Сталиным, инициатором которого был руководитель страны. Через три месяца после него Михаил Афанасьевич так характеризует своего собеседника в письме к В. Вересаеву: «Поверьте моему вкусу (либерал-русофобы, разумеется, не верили и не поверят Булгакову никогда. – Ю. П.): он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно» [22, с. 462].

На следующий день после разговора с вождем писатель был принят на работу в МХАТ (самый престижный театр страны) режиссером-ассистентом, а чуть позже – в Театр рабочей молодежи. Это позволило Булгакову быстро поправить свое материальное положение: писатель не только уже в июле отдыхал в Крыму [22, с. 451], но и в октябре того же года готов был оказать материальную помощь П. Попову: «Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне» [22, с. 464]. О материальном благополучии Булгакова свидетельствует и сообщенный в январском письме 1932 года факт: «У нас новая домработница...» [22, с. 468]. И, наконец, купленная кооперативная квартира...

Но главные изменения, конечно, произошли в иной – творческой – судьбе. В письме к Попову 24 апреля 1932 года Михаил Булгаков вспоминает свою покойную маму, которая, как он полагает, знает о судьбе своих детей, и далее, перечисляя факты биографии своих братьев, свидетельствующие о том, что их судьба состоялась, Михаил Афанасьевич переходит к себе. Именно пьесой «Дни Турбиных» сын готов оправдаться перед матерью за то, что он не стал инженером путей сообщения, как она хотела. Из лирического обращения Булгакова к маме мы

видим, что у писателя существуют диффузно-неразрывно жизненные и художественные миры: «И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уже третий раз. Зачем она меня тревожит?), мне хочется сказать – поедемте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?» [22, с. 477].

Прежде чем говорить о возобновленной постановке пьесы, хочу обратить внимание на другое. Сегодня, когда сплошь и рядом слышишь, как родители и дети матерятся, общаясь друг с другом, обращение Михаила Афанасьевича к маме на Вы не только трогает, но и заставляет понять, что именно так должно быть и было еще относительно недавно. Моя покойная мама, родившаяся в крестьянской семье, всю жизнь обращалась к своим отцу и матери, как и ее брат с сестрой, только на Вы. Дед никогда не употреблял бранные слова и очень жестко общался с теми, кто это делал. А вы, господа либералы, а также некоторые левые во главе с З. Прилепиным и «одиночки» типа П. Беседина, пытаетесь внушить нам, что нецензурная лексика – это норма, традиция. Если и традиция, то разных выродков... Но вернусь к Булгакову.

Итак, пьеса «Дни Турбиных» через семь месяцев после разговора со Сталиным была возвращена в репертуар МХАТа, а премьера возобновленного спектакля состоялась 18 февраля 1932 года. О его грандиозном успехе Булгаков сообщает П. Попову [22, с. 477]. Случившееся писатель воспринимает как чудо (автором которого был понятно кто), вернувшее Михаилу Афанасьевичу «часть его жизни» [22, с. 470]. И завершу сюжет о возобновленной пьесе опять же общедоступной информацией: «Всего по 1941 год спектакль шел 987 раз» [21, с. 615]. Об этом, конечно, не говорится у Басинского: спектакль, возрожденный по воле Сталина, да и к тому же с такой длинной и успешной историей не вписывается в либеральные стереотипы о Булгакове, о руководителе СССР, о времени.

На «закуску» я оставил первую часть колонки Басинского, состоящей всего из 11 абзацев. Пять из них к теме, вынесенной в название текста, не имеют никакого отношения. Начну с первого абзаца, показательного в нескольких отношениях: «В этом году мы отмечаем выдающийся литературный юбилей. Ровно сто лет назад, в 1924 году, Михаил Афанасьевич Булгаков завершил работу над своим первым романом под названием “Белая гвардия”».

Празднование юбилеев окончания работы над произведением – это, думаю, искусственный повод, не имеющий традиции в русской и мировой литературе, критике, журналистике. Я решил все же себя проверить и взял с полки двухтомник русскоязычного Дмитрия Быкова* со стажем колумниста большим, чем у Басинского. В этом двухтомнике «Календарь. Разговоры о главном» [23], «Календарь-2. Споры о бесспорном» [24] ни одно из 157 эссе не посвящено празднованию юбилея окончания работы над произведением любого писателя.

«Почему Быков*?» – спросите вы. В том числе и потому, что это о нем в октябре 2023 года Басинский изрек: «Один, живущий в Америке, хороший писатель, поэт, критик, говорит, что разговаривать со своими старыми друзьями он будет только после Гаагского трибунала.

Сейчас он написал книгу “VZ” об условном Зеленском, как он его себе представляет. Так давайте ее прочитаем. Давайте о ней поговорим. Критики, историки, политики... Чтобы автор лег на лопатки. Чего бояться, если правда за нами?» [11].

Разрядкой я показал, что у Басинского возникла очередная проблема с языком. «Зато у него есть Госпремии и награды», – слышу возражения предполагаемого оппонента. Но меня наградная логика не убеждает: она очень часто не свидетельствует о реальных заслугах человека в любой области. Посмотрите на звания и премии иноагентов и не только их. Вспомните хотя бы то, что Ирина Прохорова – лауреат Государственной премии РФ, а Борис Моисеев – заслуженный артист. Александр же Проханов не получил ни одной государственной награды в постсоветское время.

Теперь о другом – о смыслах высказывания Басинского. Как можно называть Быкова* хорошим критиком? Говорю только о той деятельности его, которую охарактеризовал в трех своих статьях

2006–2012 гг. [34; 35; 36]. В них на примере самой популярной и заваленной наградами книги «Пастернак», а также его «Окуджавы» и вышеназванного двухтомника показана профессиональная несостоятельность этого «Чичикова и Коробочки в одном флаконе», страдающего «словесной диареей» и, подчеркну, последовательной паталогически маниакальной русофобией.

Естественно, не могу согласиться и с пафосом статьи Басинского: «Мы должны ценить наши русские таланты, даже если не совпадаем с ними идеологически» [11]. Если некоторые из покинувших страну действительно таланты (слухи о них, чаще всего, сильно и умело преувеличены), то к русской литературе, культуре все эти акунины, улицкие, глуховские, макаревичи и прочие галко-быковы не имеют никакого отношения. И речь должна идти не об идеологической, а о религиозной, духовной, культурной, ментально-государственной несовместимости. Вот и Д. Быков* по воле Григорьева (этого Авербаха и Луначарского в одном флаконе) и ему подобных «чистильщиков» последних остатков традиционной культуры был главным спикером и участником юбилейных мероприятий в честь Достоевского в Москве и Санкт-Петербурге в 2021 году. Уже после них, Павел Валерьевич, ваш «хороший писатель, поэт, критик», в стихотворении «Достоевское» открыто заявил, что не любит писателя именно «как еврей» [26]. А чуть раньше, если вы вдруг забыли, Быков* назвал Достоевского «отцом русского фашизма» [25, с. 13].

Вообще, зря Басинский, думается, цитирует Достоевского, вырывая его фразу из контекста «Пушкинской речи». Ведь писатель характеризует Алеко и Онегина как духовно не русских людей или «русских иностранцев». В том числе и поэтому с ублюдочными персонажами, с современными смердяковыми никакого объединения на почве культуры, к чему призывает Басинский, быть не может.

Скажут: «Опять мы забыли о Булгакове». Да, забыли на время, так как главный герой вольных заметок все-таки Павел Басинский, творческая личность которого проявляется через разные тексты, посвященные и отдельным писателям, и общим проблемам литературы, культуры. Но вы правы, булгаковский сюжет остался незавершенным, поэтому вернемся к нему.

«Вы помните, вы все, конечно, помните...» Мы остановились на нетрадиционном праздновании Басинским юбилея окончания работы над «Белой гвардией». Но не ошибся ли Павел Валерьевич с годом празднования юбилея? Как уверяет булгаковед Я. Лурье, последняя редакция романа датируется 1925 годом [19, с. 567]. К тому же в приложении к первому тому собрания сочинений Булгакова опубликован 25-страничный текст, названный «Ранняя (разрядка моя. – Ю. П.) редакция последней главы романа “Белая гвардия” (1925)» [20]. Работа над ней, как следует из комментариев Я. Лурье, А. Рогинского, была завершена в июне 1925 года [19, с. 618]. Да и столь авторитетный ученый, как Петр Палиевский, датирует «Белую гвардию» 1925 годом [43, с. 123].

Итак, обозначив проблему, оставлю вопрос с празднованием открытым и вновь обращусь к первому абзацу. Нельзя не заметить в нем, как и в других текстах Басинского, наличие лишних слов. То есть, если в первом предложении говорится «в этом году», то зачем в следующем, начинающемся словами «ровно сто лет назад», уточнять – «в 1924 году». А неуклюжее, как в плохих школьных сочинениях, выражение «роман под названием “Белая гвардия”» только выиграет в результате вырезанного аппендицита – «под названием».

Так, как Басинский, пишут журналисты, критики, стремящиеся набрать необходимое количество знаков как можно быстрее и с минимальным мыслительным напряжением. Но тогда неизбежно возникают видимые проблемы с логикой, языком, информационно-смысловой наполненностью текста и не только.

Явно бросается в глаза композиционный резус-конфликт двух частей колонки. Первые пять абзацев, занимающие по объему почти половину текста, повторю, абсолютно никак не соотносятся с его названием. В них который уже раз пересказывается известная история создания и публикации «Белой гвардии» (в подобных «муках» рождается большая

часть текстов современных критиков и журналистов). Там же, где присутствует авторское «я», к Басинскому возникают вопросы.

Говоря о причине незавершенности публикации «Белой гвардии» (арест И. Лежнева, главного редактора журнала «Россия», где выходил роман, за создание «антисоветской группировки»), Басинский вводит читателей, мягко говоря, в заблуждение то ли в силу своей «осведомленности», то ли следуя популярной тенденции реанимации советских мифов. Сообщается, что Исайя Лежнев в качестве наказания был выслан за границу на три года, и далее, где транслируется авторская версия видения времени, Басинского лучше цитировать: «Так сказать, три года “исправительных работ” в Европе. На самом деле ничего удивительного в этом нет – литераторам в то время в СССР жилось куда лучше, чем русским эмигрантам в Париже, Праге и Берлине».

П. Басинский представляет нам выдуманную сусально-идеологизированную советскую реальность, где нет места русофобии – одному из главных направлений в политике власти, жертвой которой в якобы благополучном 1925-м стали Алексей Ганин и Сергей Есенин. В очередной раз напомню факт, который авторы всех учебников, большинство критиков, журналистов, писателей и т. д. игнорируют из-за незнания или по идеологическим – либеральным и советским – принципам.

В марте 1925-го поэт Алексей Ганин был расстрелян в числе других по сфабрикованному делу «Ордена русских фашистов». На самом деле Ганин был казнен за тезисы «Мир и свободный труд – народам». В них в 1924 году впервые в СССР было открыто и точно сказано о новой власти и РКП(б) как о секте сатанистов, дьяволопоклонников, несущей невиданные разрушения и смерть народам страны, русским прежде всего. Об этом документе приходилось писать дважды, последний раз полемизируя с Захаром Прилепиным. Характерно, что сей уникальный документ невозможно найти ни на одном официальном сайте (выводы, как говорится, делайте сами). Так до недавнего времени было и со стихотворением Пимена Карпова «История дурака» (1925), на фоне которого известное крамольное стихотворение О. Мандельштама отдыхает. Теперь это произведение Карпова можно найти только на сайте «Родной Кубани».

В декабре 1925 года за ту же русскость был убит Сергей Есенин. Естественно, что Павел Басинский в двух своих беседах с Захаром Прилепиным [4; 6] не вспоминает, как и интервьюируемый, о поэме «Страна негодяев», где большевики изображаются с позиций, подобных ганинским. И также закономерно, что Басинский благоговейно выслушивает «аргументы» З. Прилепина в пользу версий о самоубийстве Есенина. Но любой человек, немного знакомый с историей вопроса, должен был прокомментировать хотя бы начало «спича» Прилепина: «...ни один из современников Есенина, ни одна из его жен, никто из ближайших друзей никогда не сомневался в самоубийстве Есенина» [6]. Опять же, не вдаваясь в многочисленные подробности, контраргументы, лишь замечу: Борис Лавренев и Николай Браун, первыми из писателей вызванные засвидетельствовать акт самоубийства Есенина, отказались это сделать из-за явных признаков убийства поэта. А жены и дети (их вспоминает Прилепин в следующем предложении) тут при чем? Они что, были в Петрограде и видели мертвого Есенина? Как, например, секретарь похоронной комиссии Павел Лукницкий, который после смерти поэта записал: «Один глаз навыкате, другой вытек», а чуть позже отметил: «Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза – желвак, на переносице – ссадина и левый глаз – плоский: он вытек» [30].

О других многочисленных убедительных доказательствах этого преступления говорилось многократно. Но, понятно, Басинского вполне устраивает версия самоубийства поэта. Она вписывается в его представление об истории страны и литературы.

Можно лишь предполагать, по каким причинам Басинский транслирует версию о лучшей жизни писателей в СССР, чем за границей, на примере судьбы И. Лежнева. Опираясь на факты его биографии, доступные в любых источниках, можно почти со стопроцентной уверенностью объяснить благосклонность власти к Лежневу.

Не вызывает сомнений, что он был задействован в «сменовеховском» проекте ОГПУ как редактор газеты «Накануне» и журнала «Россия». Когда проект был закрыт, Лежнев оказался представителем советского Торгпредства в Германии. Более чем очевидно, что за создание «антисоветской группировки» так никого и никогда не наказывали. Остается лишь предполагать, какую миссию по заданию ОГПУ выполнял Лежнев, находясь в Берлине. И главными аргументами в пользу данной версии являются следующие факты.

Именно И. В. Сталин дал рекомендацию Лежневу при поступлении в партию после возвращения его в СССР. И в дальнейшем якобы бывший антисоветчик с 1934-го по 1939 год трудился в главной газете страны «Правда», занимая высокие должности. Позже Исайя Григорьевич оставался в обойме деятелей среднего партийного звена. «Смехачи» и «правдорубы», сбежавшие за границу и оставшиеся в стране, не обратили и никогда не обратят внимания на следующий пародийный факт из биографии Лежнева. В годы Великой Отечественной войны, с 1941-го по 1943-й, находясь в Ташкенте, он занимал пост второго секретаря Президиума Союза писателей Узбекистана. Умер Лежнев своей смертью в 1955-м и похоронен, в отличие от Юрия Кузнецова и Юрия Селезнева, на Новодевичьем кладбище.

Вот так, Павел Валерьевич, жилось в СССР «создателям» антисоветских группировок. Правда, остается вопрос: кто был куратором Лежнева? Ведь вы помните, сколько их, правоверных коммунистов, «неистовых ревнителей» идеологии и пера (от Л. Авербаха до М. Кольцова, в том числе все «ругатели» М. Булгакова, за исключением трех), получили в награду пулю...

Итак, все сказанное, надеюсь, свидетельствует о том, что «Кому мешает Булгаков» П. Басинского – профессиональный брак высшей пробы. Осталось лишь подтвердить, что данный факт – не исключение из правил, а закономерность в творчестве Басинского. Из уже названных халявных публикаций автора сначала скажу об одной – «Наш поэт Тарас Шевченко: автору “Кобзаря” исполняется 210 лет» [13]. Полную несостоятельность этого текста уже убедительно показал Николай Крижановский [29]. К сказанному им добавим неизбежно возникающий риторический вопрос: почему даже круглые юбилеи А. Проханова, Л. Бородина, Ю. Кузнецова, В. Лихоносова, Е. Носова, Н. Рубцова, Ю. Полякова, И. Шафаревича, В. Кожинова, М. Лобанова, Ю. Селезнева и других выдающихся русских писателей, мыслителей, критиков не привлекли внимание Павла Басинского?..

Я, конечно, помню статью критика «Последний солдат декаданса» [3], проникнутую зашкаливающей тенденциозностью и ненавистью, превосходящей по силе многие и многие антипрохановские статьи. Предполагаю, что данный текст был одним из условий «проходного балла» в общество избранных литераторов, где до сих пор пребывает Павел Басинский, до написания статьи о Проханове ничем не выделявшийся денационализированный кандидат наук. Аналогичный «правильный» поступок еще раньше совершил Александр Архангельский*, опубликовав антикуняевскую статью [1]. Теперь, правда, Архангельский*, восемнадцать лет проработавший на канале «Культура», в ВШЭ и т. д., живет и трудится в Тель-Авиве. Помню последнее его интервью [2] в наконец-таки признанном иноагентом «Собеседнике»* (кто, интересно, его крышевал?). Видимо, в Израиле Архангельский избавился от мучавшего его в России стыда и обрел счастье...

Оставив в стороне невольно возникшую параллель, вернусь к остальным провальным текстам Басинского. О них скажу тезисно, по возможности сжато, назвав лишь некоторые характерные черты, определяющие творческую сущность Басинского и многих современных критиков, журналистов.

1. Когда Басинский говорит о творческой биографии своих героев, как и в случае с Булгаковым, создается впечатление о его недостаточных знаниях: он лишь пересказывает расхожие и, как правило, примитивно-неверные представления о том или ином писателе. Поэтому в текстах Басинского

очень часто игнорируются все или часть главных произведений авторов, что, естественно, создает искаженную картину об их творчестве.

Поразительно, что в статье о В. Белове [9] не характеризуется его трилогия «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» – гениальное, лучшее творение о коллективизации в русской литературе XX–XXI веков. То ли автор не читал эту трилогию, то ли она не замечается им по другим причинам, так как разрушает представление Басинского об истории литературы и истории страны. В итоге получился следующий вариант биографии писателя: «...в 1967 году в журнале "Север", выходившем в Петрозаводске (когда ограничен количеством знаков, зачем такие подробности при отсутствии разговора о главном? О причинах подобной пустословной расточительности уже говорилось. – Ю. П.), появилась повесть Белова "Привычное дело", а затем вышли "Плотницкие рассказы" и "Лад"» [9]. Но раньше «Лада» (1979–1981), публиковавшегося в «Нашем современнике», в том же «Севере» в 1972 году вышли изуродованные цензурой части романа «Кануны». Об этом Басинский, как и Солженицын, не знает?

Аналогичную «игру слов» наблюдаем в тексте о В. Шукшине [12]. Вновь излагаются общеизвестные сведения из биографии писателя, но даже не упоминается главное его произведение – повесть-сказка «До третьих петухов», где Шукшин поднимается на новый уровень осмысления современных и вечных проблем. За это произведение, как считают многие, писатель заплатил жизнью, но о данной широко распространенной версии, естественно, у Басинского ни слова.

По такой схеме происходит представление творчества почти всех писателей. Чтобы не утонуть в однотипных примерах, приведу еще один. Переломный факт в биографии Ю. Казакова – «второе рождение», произошедшее в Поморье в 1956 году, и его этапные произведения «Поморка», «Нестор и Кир», «Трали-вали» обходятся стороной в колонке Басинского [10]. Но этого профессионал себе позволить не может, ибо в названных рассказах Казаков раньше других современников изобразил типы христианской и амбивалентной личности, разрушил советские стереотипы о кулаках и бедняках, пронзительно точно передал сущность русской песни, исчезнувшей как явление народной жизни на рубеже XX–XXI веков.

2. Естественно, что смысловые пустоты, образующиеся по названной причине, заполняются пересказом и словесным мусором (примеры уже приводились), ненужными подробностями (это тоже звучало), клишированным изложением биографии и всем тем, что в силу разных причин – предпочтений, знаний, моды и т. д. – может быть использовано как строительный материал.

В тексте о Ю. Казакове [10] стихи Е. Евтушенко и он сам занимают почти треть общего объема колонки. В данном случае беспредел Басинского бьет многие и многие рекорды среди собратьев по цеху, любящих говорить не о сущности, а по близким и далеким поводам, говорить прежде всего о своем.

В другой колонке о В. Шукшине [12] – выяснение того, что означает фамилия писателя (ссылка на словарь М. Фасмера и т. д.), – ход, рассчитанный на абсолютно неподготовленного читателя. Все эти «америки» были открыты задолго до Басинского в многочисленных публикациях 1970–1980-х гг. Говорить на данную тему, конечно, можно, но не с видом первооткрывателя и с обязательным указанием на первоисточники.

Клишированные суждения Басинского, переполняющие его тексты, дают в разной степени неточное представление о писателях и разных проблемах времени. Рассказ о Шукшине, построенный на много раз озвученных фактах, заканчивается следующим утверждением: писатель «близок душе к а ж д о г о (разрядка моя. – Ю. П.) зрителя и читателя. Из самых разных слоев» [12]. «Близок душе каждого» – по отношению к любому писателю, человеку – никогда не было и не будет. Применительно же к Шукшину достаточно вспомнить известный «некролог» Фридриха Горенштейна, пропитанный какой-то пещерной ненавистью к писателю. Вообще же, либеральная интеллигенция всегда, мягко говоря, не любила

Шукшина. Есть большое количество публикаций, это подтверждающих. Назову несколько авторов: М. Липовецкий, М. Берг, А. Разувалова.

3. Из разбора текста «Кому мешал Булгаков», моих кратких реплик на статью «Главная задача культуры – объединение людей. Разных. Сложных» и на беседы Басинского с З. Прилепиным и С. Дмитриевым ясно, что у нас с Павлом Валерьевичем принципиально разные мировоззренческие, литературно-культурные взгляды. Поэтому, естественно, его видение отдельных произведений и творчества писателей в целом вызывает у меня многочисленные возражения. Приведу еще одно.

В тексте 2024 года о В. Астафьеве [14], анализируя «Царь-рыбу», П. Басинский утверждает: «Пожалеть его (Герцева. – Ю. П.), из-за своего каприза едва не угробившего девушку Элю, может, и нельзя, но и н е н а в и д е т ь н е л ь з я. Не дает нам Астафьев этой возможности. Нет этого в его п и с а т е л ь с к о й п р и р о д е (разрядка моя. – Ю. П.)». В трех достаточно объемных статьях [39; 40; 41] я (на примерах второй редакции «Пастуха и пастушки», романа «Прокляты и убиты», повестей «Веселый солдат», «Обертон», «Так хочется жить», а также писем и интервью Виктора Петровича) показал, что человеконенавистничество – определяющее качество его личности и позднего творчества.

Астафьев ненавидит по социальному признаку: всех офицеров, политруков, военачальников, ненавидит даже переводчиц и медсестер. Ненавидит русских, евреев, грузин, украинцев и «прочих шведов». Почеркну: Астафьев – один из главных русофобов XX–XXI веков. Даже национальный выродок Владимир Маяковский – просто дитя по сравнению с Виктором Петровичем, с его тотальной, вулканически-испепеляющей, безумной ненавистью к русскому человеку. На таком фоне меркнут разные человеконенавистники: быковы, улицкие, рубины и прочие, ибо они хотя бы любят своих. Виктор Астафьев же не любит никого. Ненавидит всех.

4. В статьях Басинского, как и в рассмотренном тексте «Кому мешает Булгаков», большое количество фактологических ошибок (указанием на которые я надоел читателю и поэтому не буду множить их примеры). Скажу о другом. Басинскому явно не хватает филологической культуры, элементарных основополагающих знаний в области теории литературы, что также характерно для большинства современных критиков и журналистов.

Невозможно понять терминологическую логику Басинского, называющего Василия Белова «главным писателем-“деревенщиком”» [9]. О Валентине Распутине же в данном контексте говорится следующее: «Распутина называли и называют “деревенщиком” <...> Какой же он “деревенщик”, если его “Живи и помни” (1974) буквально перевернуло сознание миллионов городских людей?» [5].

Однако от понятия «деревенская проза» адекватные филологи отказались уже давно (еще в 1970–1980-е гг.) из-за того, что оно не выражает главную онтологическую, общечеловеческую сущность творчества Ф. Абрамова, В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина и других представителей данного направления. А Басинский прописывает Белова, пусть и в кавычках, в «деревенской прозе», а его друга-единомышленника Распутина выносит за рамки этой прозы, да еще с вульгарно-социологической аргументацией в духе РАПП-а. Через семь лет Басинский отнес уже Валентина Григорьевича к «детям 37-го года», поставив его в один ряд с такими мировоззренческими и духовно-религиозными антиподами, как Владимир Маканин, Белла Ахмадулина, Андрей Битов [8]. В данном случае Павел Валерьевич на уровне термина и имен повторяет работы Владимира Бондаренко, ссылки на которого, конечно, отсутствуют.

К какому направлению принадлежит Василий Шукшин, опять же писатель со сходными с Беловым и Распутиным идейно-эстетическими принципами, у Басинского не говорится ничего. Эта направленческая неразбериха, точнее, провал – следствие прежде всего отсутствия знаний у Басинского по основам литературоведения, без чего полноценный разговор о литературе невозможен. Владимир Бон-

даренко, выпускник Лесотехнической академии, в свое время открыл не существующие в литературной реальности явления – проза «сорокалетних», «дети 37-го года». Но Басинский, окончивший филфак, должен знать, что литературное течение, направление – это... Павел Валерьевич, судя по приведенным примерам, необходимыми знаниями не обладает. И все же в его видении словесности есть просвет. Прежде чем сказать о нем, требуется предварительная информация.

Самое выдающееся явление в русской прозе второй половины XX – начала XXI века – это онтологическая проза, представленная творчеством Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Белова, Е. Носова, В. Распутина, В. Лихоносова и других. И к этому направлению, повторю, ошибочно названному «деревенской прозой», очень часто несправедливо относят Виктора Астафьева (назову хотя бы популярную в узких кругах книгу Анны Разуваловой «Писатели-“деревенщики”: литература и консервативная идеология 1970-х годов», изданную в либерально-русофобском «Новом литературном обозрении» [46]). Павел Басинский это нелепое, явно ошибочное мнение не повторяет, правда, называет Виктора Астафьева «одним из самых ярких представителей сибирской прозы» [14]. Однако «сибирская проза» – фантом не меньший, чем «деревенская проза».

В беседе с Захаром Прилепиным Басинский очень длинно формулирует вопрос, в котором проявляется его определение народности – одно из ключевых понятий для отечественной литературы: «Но я думаю, что народность не индульгенция для поэта. <...> Все-таки дар поэта – дар Божий, а у Бога нет национальности и сословной принадлежности» [6]. Скажу в очередной раз о том, что, казалось бы, должен знать любой филолог. Басинский понимает народность с вульгарно-социологических позиций 1920–1930-х гг., ибо напрямую связывает ее с социальным происхождением. Данный подход был массово преодолен в литературоведении и критике в 1960–1970-е гг.

Несомненно, «дар поэта – дар Божий», но реализуется этот дар через национальную принадлежность художника к тому или иному народу, литературе, культуре. Это понимал и космополит Белинский, говоря следующее: «Человек – великое слово, великое дело, но тогда, когда он француз, немец, англичанин, русский» [17, с. 479–480]. Это понимал и герой книги Прилепина «Есенин. Обещая встречу впереди», о котором беседует Басинский с автором. Неслучайно ключевые высказывания поэта об имажинистах и Маяковском-американце игнорируются собеседниками.

Краткий разговор о теории литературы закончу смешным примером, свидетельствующим о том, что Басинскому, обладающему «своеобразным» мышлением, явно не до «скучных» основ литературоведения. В статье о Валентине Распутине он пишет: «Проблема “отцов и детей” решалась просто. Одних отцов посадили, даже расстреляли, но раньше все-таки позаботились о демографическом росте как раз накануне страшной войны. Во время войны отцы, которые были на свободе, пошли на фронт, а оставшиеся в тылу матери тащили на плечах этот голодный “демографический рост”» [8].

***

Беседа Басинского с Прилепиным в 2019 году, размещенная на сайте «Российской газеты», перебивается рекламой новой книги Дины Рубиной «Ангельский рожок». Павел Валерьевич, обратите внимание на то, что ваша газета рекламирует ненавистника России, русских. Может быть, тогда от «игры слов» Вы перейдете к реальному делу, ведь какие-то предпосылки к этому есть: несколько достойных абзацев о рассказах Валентина Распутина, прежде всего о классическом «Что передать вороне?» (только в конце названия у автора стоит вопросительный знак, у Вас отсутствующий).

В общем, желаю Вам, Павел Валерьевич, как и многим современным критикам и журналистам, стать наконец духовно-русским человеком, писателем и избавиться от тех многочисленных профессиональных недостатков, которые я так подробно, может быть, занудно изложил. Но все это продиктовано одним стремлением – верить (если вспомнить Гоголя) в возрождение даже самых «черненьких», грехопадших людей. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. *Архангельский, А. А если так, что есть красота?.. // Литературное обозрение. – 1988. – № 11. – С. 59–61.

2. *Архангельский, А. Я не представляю, как сегодня быть счастливым // Собеседник. – 2022. – № 12. – С. 12–13.

3. Басинский, П. Последний солдат декаданса // Литературная газета. – 2004. – № 40. – С. 11.

4. Басинский, П. Захар Прилепин: Представить Есенина в 90-е нет никакого труда // Российская газета. – 2015. – URL: https://rg.ru/2015/10/02/esenin.html (дата обращения: 10.09.2024).

5. Басинский, П. Павел Басинский: Память – важнейший из уроков Распутина // Российская газета. – 2015. – URL: https://rg.ru/2015/03/16/basinskij.html (дата обращения: 10.09.2024).

6. Басинский, П. Захар Прилепин рассказал о своей книге про Сергея Есенина // Российская газета. – 2019. – URL: https://rg.ru/2019/12/09/zahar-prilepin-rasskazal-o-svoej-knige-pro-sergeia-esenina.html?fbclid=IwAR1ZWOGQfnPp4N2frySHGgcJI0-peZ-uggkySbmOyIxHZ7ndJ6an-neWq_c (дата обращения: 10.09.2024).

7. Басинский, П. Алексей Варламов рассказал о самом скандальном писателе Серебряного века // Российская газета. – 2021. – URL: https://rg.ru/2021/11/29/aleksej-varlamov-rasskazal-o-samom-skandalnom-pisatele-serebrianogo-veka.html (дата обращения: 10.09.2024).

8. Басинский, П. Павел Басинский: Зачем читать Валентина Распутина // Российская газета. – 2022. – URL: https://rg.ru/2022/03/16/pavel-basinskij-zachem-chitat-valentina-rasputina.html (дата обращения: 10.09.2024).

9. Басинский, П. 90 лет назад родился главный писатель-«деревенщик» Василий Белов // Родина. – 2022. – URL: https://rodina-history.ru/2022/10/23/90-let-nazad-rodilsia-glavnyj-pisatel-derevenshchik-vasilij-belov.html (дата обращения: 10.09.2024).

10. Басинский, П. Басинский: Юрия Казакова нет в живых сорок лет. Достаточный срок для проверки творчества писателя на долгую жизнь // Российская газета. – 2022. – URL: https://rg.ru/2022/08/08/dolgie-kriki.html (дата обращения: 10.09.2024).

11. Басинский, П. Главная задача культуры – объединение людей. Разных. Сложных // Российская газета. – 2023. – URL: https://rg.ru/2023/10/01/davajte-govorit.html (дата обращения: 10.09.2024).

12. Басинский, П. Принц не Датский. Павел Басинский о Василии Шукшине: В чем чудо его огромной личности // Российская газета. – 2024. – URL: https://rg.ru/2024/07/25/pavel-basinskij-o-vasilii-shukshine-v-chem-chudo-ego-ogromnoj-lichnosti.html (дата обращения: 10.09.2024).

13. Басинский, П. Наш поэт Тарас Шевченко: автору «Кобзаря» исполняется 210 лет // Российская газета. – 2024. – URL: https://rg.ru/2024/03/09/pavel-basinskij-o-tom-mozhno-li-schitat-shevchenko-ukrainskim-nacionalistom.html (дата обращения: 10.09.2024).

14. Басинский, П. Виктор Астафьев: Человек не может быть просто проклят и убит // Российская газета. – 2024. – URL: https://rg.ru/2024/05/01/veselyj-soldat.html (дата обращения: 10.09.2024).

15. Басинский, П. Кому мешает Булгаков // Российская газета. – 2024. – № 41. – С. 11.

16. Басинский, П. Как первый министр культуры Анатолий Луначарский спасал Кремль и Большой театр // Российская газета. – 2024. – URL: https://rg.ru/2024/05/16/don-kihot-v-narkomprose.html (дата обращения: 10.09.2024).

17. Белинский, В. Письмо В. П. Боткину от 8 сентября 1841 // Белинский, В. Собрание сочинений. В 9 т. – Т. 9. Письма 1820–1848 годов. – Москва : Худож. лит., 1982. – 863 с.

18. Булгаков, М. Грядущие перспективы // Викитека. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%93%D1%80%D1%8F%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B_(%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 10.09.2024).

19. Булгаков, М. Собр. Соч. в 5 т. – Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. – Москва : Худож. лит., 1989. – 628 с.

20. Булгаков, М. Ранняя редакция последней главы романа «Белая гвардия» (1925) // Булгаков М. Собр. соч. в 5 т. – Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. – Москва : Худож. лит., 1989. – С. 524–549.

21. Булгаков, М. Собр. соч. в 5 т. – Т. 3. Пьесы. – Москва : Худож. лит., 1990. – 703 с.

22. Булгаков, М. Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. – Москва : Худож. лит., 1990. – 734 с.

23. *Быков, Д. Календарь. Разговоры о главном. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 637, [3] с.

24. *Быков, Д. Календарь-2. Споры о бесспорном. – Москва : Астрель, 2012. – 446 [2] с.

25. *Быков, Д. Двести лет жести // Собеседник. – 2021. – № 6.

26. *Быков, Д. Достоевское // Новая газета. – 2021. – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/07/dostoevskoe (дата обращения: 10.09.2024).

27. Гудкова, В. Подготовка текста и комментарии к письмам 23–181, 183, 184, 187 // Булгаков, М. Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. – Москва : Худож. лит., 1990. – 734 с.

28. Ильин, И. О сопротивлении злу силой // Ильин, И. Собр. соч. в 10 т. – Т. 5. – Москва : Русская книга, 1996. – С. 266–286.

29. Крижановский, Н. Павел Басинский о «батьке Тарасе», или Надо ли смотреть правде в глаза? // Родная Кубань. – 2024. – URL: https://rkuban.ru/archive/ rubric/publitsistika/publitsistika_16003.html (дата обращения: 10.09.2024).

30. Лукницкий, П. Из книги «Acumiana». Встречи с Анной Ахматовой (Есенин) // Сайт «Клюев Николай Алексеевич». – URL: http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/vospominaniya/luknickij-iz-knigi-acumiana.htm (дата обращения: 10.09.2024).

31. Луначарский, А. Пути современной литературы // Наследие А.В. Луначарского. – URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-2/puti-sovremennoj-literatury/ (дата обращения: 10.09.2024).

32. Луначарский, А. Марк Колосов // Наследие А. В. Луначарского. – URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-2/mark-kolosov/ (дата обращения: 10.09.2024).

33. Павлов, Ю. Луначарский: мифы и реальность // Кубань. – 1990. – № 1. – С. 94–96.

34. Павлов, Ю. Дмитрий Быков*: Чичиков и Коробочка в одном флаконе (2006) // Родная Кубань. – 2019. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_4287.html (дата обращения: 10.09.2024).

35. Павлов, Ю. Словесная диарея Дмитрия Быкова* (2009) // Родная Кубань. – 2019. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_4297.html (дата обращения: 10.09.2024).

36. Павлов, Ю. «Календарь» Дмитрия Быкова*, или Проверено: «мины» есть (2012) // Павлов, Ю. Дмитрий Быков* опаснее, чем коронавирус (2020). – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_597.html (дата обращения: 10.09.2024).

37. Павлов, Ю. Человек и время в «Белой гвардии» и «Собачьем сердце» Михаила Булгакова // Родная Кубань. – 2020. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_3827.html (дата обращения: 10.09.2024).

38. Павлов, Ю. Часть III. О чувстве Родины, русофобии, антисемитизме и о том, почему нельзя «срисовать» образ // Родная Кубань. – 2020. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_507.html (дата обращения: 10.09.2024).

39. Павлов, Ю. Знаки судьбы «позднего» Виктора Астафьева: о подписи задним числом и «сортирах», браке по расчету и русофобии, о «ребятишках» и абортах // Родная Кубань. – 2020. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/ literaturovedenie-i-kritika_1347.html (дата обращения: 10.09.2024).

40. Павлов, Ю. «Солдатская правда» Виктора Астафьева – кривда о человеке и времени // Родная Кубань. – 2020. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_5297.html (дата обращения: 10.09.2024).

41. Павлов, Ю. Две редакции «Пастуха и пастушки» как путь к пониманию «позднего» Астафьева // Родная Кубань. – 2021. – URL: https://rkuban.ru/ archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_7787.html (дата обращения: 10.09.2024).

42. Павлов, Ю. Книга З. Прилепина «Шолохов. Незаконный» как эпический и фактологический провал // Родная Кубань. – 2024. – № 1. – С. 130–143.

43. Палиевский, П. Булгаков Михаил Афанасьевич // Русские писатели 20 века: Библиографический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А. М., 2000. – 808 с.

44. Сахаров, Вс. С. Михаил Булгаков: писатель и власть. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 446 с.

45. Скороспелова, Е. Русская литература XIX–XX веков: В 2 т. – Т. 2. Русская литература XX века. – Москва : Аспект-Пресс, 2000. – 462 с.

46. Разувалова, А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.

***** Признаны иностранными агентами.

Архив Дарины Игнатенко

ДАРИНА ИГНАТЕНКО

Родилась в 2005 году в городе Приморско-Ахтарске.
Студентка 2 курса факультета журналистики КубГУ.
Публиковалась в журнале «Родная Кубань».
Живёт в Краснодаре.

«АФАЗИЯ», ИЛИ ТЕАТР АБСУРДА

..Их деятельностью руководят не столько их собственный разум и свобода, сколько мода и настроение общества.
А. П. Чехов «Скучная история»

За последние несколько лет в кинотеатрах и на онлайн-платформах пачками стали показывать новые экранизации русской классики. Хоть создатели и пишут, что их картины сняты «по мотивам», но, к сожалению, от этого «мотива», как правило, остаются только имена героев и в редких случаях пространство. Так, к примеру, в ноябре 2024 года вышел сериал Владимира Мирзоева «Преступление и наказание», где все сюжетные линии перекроили, а образы героев изменили до неузнаваемости. Уже не говорю, что Раскольников бегал не по желтому, душному Петербургу времен Достоевского, а по неоновым улицам современной культурной столицы.

После просмотра этой «мозговой гнили» (так назвал сериал писатель Платон Беседин) я долго думала, зачем режиссеры снимают классику, внося свои корректировки, а не выпускают картины по своим оригинальным идеям. Ответ прост – легче взять готовый известный сюжет, который точно будет прибыльным, и что-то изменить в нем, чем с нуля создать что-то кардинально новое. Даже если вы и беретесь снимать культовые сюжеты (их было несколько: на «Преступление...» накладываются «Братья Карамазовы»), но отходите от первоначального текста, то не называйте свою работу так же, как и само произведение. Логичнее было б назвать сериал «Сумасшествие Раскольникова», «Тень идеи», как угодно, но не «Преступление и наказание». У зрителя будет меньше вопросов о несоответствии с текстом. Он бы понимал, что это новое видение, где будут только аллюзии к романам Достоевского.

Так я думала ровно до того момента, пока не попала в Молодежный театр на спектакль «Афазия» московского режиссера Александра Плотникова по мотивам «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Первые 15–20 минут я не могла понять, где я, на тот ли спектакль купила билет. На сцене – действие середины – конца прошлого века, никакого не 1805 года. Потом, конечно, были сказаны ключевые слова: «Лысые Горы», «Андрей Болконский», «старый князь», и я успокоилась. Но даже когда появились знакомые имена, моему возмущению не было предела – крики, брань, измененные образы и резкие скачки во времени.

«Спектакль о двух семьях, живущих в разные века, одна из которых читает книгу "Война и мир". Вторая семья – герои этого произведения: старый князь Болконский и его дети. Из великой эпопеи "Война и мир" режиссер взял только одну линию – историю семьи Болконских, проживающих в Лысых Горах», – говорится в анонсе к работе Плотникова [1]. Вы сейчас скажете: «Ну и что не так, название изменено – будут только отсылки к тексту. Что не так?» Все.

Премьера спектакля состоялась 3 ноября 2022 года. Название было далеко не «Афазия». А какое? Угадайте с трех раз. Правильно. «Война и мир». Описание, к слову, осталось тем же. Привлечь внимание к спектаклю, который заведомо будет не по тексту, назвав его таким образом, – безотказный маркетинговый ход. Последующие показы работы Плотникова – «Афазия».

Прежде чем я подробно расскажу о том, что происходило на сцене, следует объяснить, кто же такой этот режиссер. В каждом театре, где за свои 29 лет успел поработать Александр Плотников, написано одно и то же: где учился, что ставил: «Окончил ВШСИ Константина Райкина, актерско-режиссерский курс Камы Гинкаса, также учился во ВГИКе на сценариста – курс Рустама Ибрагимбекова» [3]. В его послужном списке я обратила внимание на спектакли «Римские

элегии» в Ельцин-центре, «Красная книга» и «Хиросима» в Московском еврейском театре «Шалом» и «Анна Каренина», где, судя по рецензиям, художественного вымысла было предостаточно.

Все театральные критики и обозреватели как один называют Плотникова режиссером нового поколения. Почему? Оказывается, «молодой талант», окончивший либеральные учебные заведения, не воспринимает классику в том виде, в каком все ее знают. Ему не хочется ставить «сто первую "Чайку"». Но если тебе наскучило старое, будь добр, не порть его, а создай что-то оригинальное, новое. Но зачем, если можно сделать себе имя на общеизвестных сюжетах?

В 2022 году Плотникова пригласил Краснодарский молодежный театр поставить «Войну и мир». Ладно, не буду придираться к тому, что не заявлено в афише, где написано, что за основу взята только линия семьи Болконских, поэтому не буду говорить, что, казалось бы, в спектакле по мотивам эпопеи нет ни Пьера, ни Ростовых.

Итак, почему же все-таки «Афазия», и что это значит? Как нам сообщает автор, это «поражение головного мозга, приводящее к распаду семантики и прочим нарушениям речи» [2]. Режиссер закручивает линию Болконских вокруг истории своей семьи. Этим недугом болел дед самого Плотникова, который был участником ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС, вследствие чего получил большую дозу радиации и был сражен чередой инсультов, из-за чего общался только невнятными звуками. Бабушка Плотникова считала, что чтение вслух русской классики пойдет ему на пользу, поэтому читала ему «Войну и мир». А теперь что же в этом спектакле может выбить из колеи любого образованного человека или хотя бы того, кто хотя бы раз читал эпопею Толстого?

После экспозиции о семье режиссера появляется надпись «Лысые Горы», и на сцену выходят Болконские: Лиза и Андрей встречаются с Марьей. И тут первая несостыковка. Брат обращается к сестре: «Маша, ты все так же саксофонистка?» – в то время как та держит в руках музыкальный инструмент. Не знала я, конечно, что княгиня искусно владеет саксофоном, но хочу отметить, что даже Лев Николаевич не знал этого. Духовой инструмент появился в 1840-х годах в Бельгии, в России – в 1870-х годах, а Толстой закончил работу над эпопеей осенью 1869 года. Действия «Войны и мира» происходят в период с 1805-го по 1820 год. Причем здесь саксофон? Да и никакой смысловой нагрузки он не несет в спектакле.

Еще одна нелепая сцена – в Лысый Горах Болконские рассматривают свои семейные фотографии. Марья показывает старому князю снимки, на которых запечатлены охота Ростовых, маленькие Наташа, Андрей, Марья и прочие. В тексте такого, конечно, не было, да и первый фотоаппарат изобрели в Англии в 1861-м. Да, возможно, Болконские могли в теории использовать фотоаппарат, но снимали бы они уже глубокую старость и своих внуков.

Следующий эпизод, который Плотников внедрил в историю своей семьи, – сцена уроков геометрии старого князя и Марьи. По Толстому, княжна Марья умная, образованная, начитанная девушка, которая впоследствии сама обучала грамоте племянника Николушку. Но по авторской задумке режиссера, княжна не может отличить трехмерный предмет от двухмерного. Может, этой сценой «молодой талант» хотел показать всю строгость воспитания старого князя, но и здесь абсурд дошел до предела. Когда Марья не могла ответить на вопросы, Николай Андреевич не то чтобы кричал, ругался, а непристойно выражался в адрес дочери, называя ее «идиоткой». Да, старый князь нередко оскорблял и унижал дочь и доказывал, что она во всем виновата, но делал это с ноткой аристократизма: «Ну как же не дура!» Когда Николай Андреевич бранил Марью, весь зал безудержно смеялся. Я в этот момент не понимала, отчего же непристойные для князя выражения вызывают у публики такое веселье.

Сцену родов маленькой княгини Лизы Толстой оставил "за кадром", а Плотников сделал одной из самых запоминающихся по своей дикости. Лиза истошно кричала, что не хочет рожать, звуковые эффекты в зрительном зале создавали такое ощущение, что на сцене не таинство появления нового существа, а обряд экзорцизма. Из всего того, что было похоже на правду, – фраза: «Я вас любила и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали?..» Лизу и так режиссер показал полной дурой (делала себе усы из пряди волос, хлопала в ладоши там, где это неуместно), но, по Толсто-

му, маленькая княгиня произнесла только: «Мне так страшно. И знаешь, Мари, я очень буду его любить». Она боялась, но никогда не говорила, что ненавидит всех и не хочет рожать.

Большое впечатление на меня произвел эпизод, где, по Толстому, Наполеон говорит на Аустерлицком поле, глядя на Болконского: «Вот, прекрасная смерть!» На сцене же Молодежного театра эти слова прозвучали из уст двух немецких солдат времен Второй мировой. Откуда же взялись немцы, где французы?

На протяжении всего спектакля время действия прыгало из XX века в XIX и наоборот, с Аустерлица на Вторую мировую войну, оттуда в Чернобыль. По сцене катали на коляске старого князя Болконского не только Марья, но и ликвидаторы пожара АЭС 1986 года в противогазах. Да и Николай Андреевич часто смотрел на сцене телевизор.

Но если по задумке Плотникова время повествования скакало из-за переплетения историй двух семей, то почему князь Андрей сначала вернулся из Аустерлица, немцы высказали свое мнение о его смерти, а только потом Болконский увидел небо? Все просто, оказывается, князя Андрея не убило снарядом на Бородинском сражении, он вернулся домой с Отечественной войны. Вы это знали?

Если резкие скачки во времени заставляли находиться в прострации на протяжении всего «представления» и недоумевать, кто именно сейчас на сцене: Болконские или дед и бабушка Плотникова (актеры играли сразу несколько ролей – старый князь был и афазийным дедом), то последний монолог Болконского шокирует окончательно.

Андрей Болконский вернулся домой со всех войн, которые были в нашей истории: с Отечественной войны 1812 года, с Первой и Второй мировых, Афганской и Чеченских. Но говорить со сцены: «Началась Третья мировая война», – выдержать огромную паузу и только потом объявить, что и она закончилась и Андрей Болконский возвращается домой – выглядит максимально безумно. Зная политическую обстановку в стране и мире, со сцены произносить такие слова – «слабоумие и отвага». Надо думать, как твои слова воспримут зрители. Еще Антон Павлович Чехов говорил: «Никакое искусство и никакая наука в отдельности не в состоянии действовать так сильно на человеческую душу, как сцена...»

Во время этого монолога и упоминания о Третьей мировой из зрительного зала мне послышался какой-то смешок. Пока кого-то все происходящее на сцене очень веселило, у меня появлялось ощущение, что я попала в дурдом. Может, я недостаточно просвещена и мне не дано понять высокое искусство, но для меня все, что происходило на сцене, – дикость и хаос.

Постановки такого рода вводят в заблуждение зрителей, которые не читали оригинальные тексты классики, но хотят приобщиться к ней. Они развращают и отупляют молодежь. Эти интерпретации, наоборот, отталкивают от классики. «Молодые таланты» не в состоянии в своих работах передать весь глубокий смысл произведений наших великих писателей.

Теперь несколько слов о Молодежном театре, а точнее о покупке билетов на все его спектакли. С момента открытия продажи билетов и до солд-аута проходит пара часов. Попасть в театр сложновато – спрос на сумасшествие очень высок. Так было, к сожалению, всегда. «Что такое творчество? Это когда десять дурачков следят за тем, как один корчится», – правило современного искусства [4]. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Анонс спектакля «Афазия» в Краснодарском Молодежном театре // Телеграм. – 02.12.2024. – URL: https://t.me/kmteatr/3306.

2. Громовикова А.: «Расщепление во времени и пространстве» // Петербургский театральный журнал. – 22.12.2022. – URL: https://ptj.spb.ru/blog/rasshheplenie-vo-vremeni-i-prostranstve/?ysclid=m6m8nbn8gp497985024.

3. Карточка Плотникова А. В Московском еврейском театре // shalom-theatre. – 01.02.2025. – URL: https://shalom-theatre.ru/komanda/avtory/Плотников%20Александр.

4. Коробов-Латынцев А.: «Хаски – “Автопортреты”» // Завтра. – 09.04.2025. – URL: https://zavtra.ru/blogs/haski-avtoportretyi.

Архив Марии Алдиной

МАРИЯ АЛДИНА

Родилась в 2002 году в Новороссийске. Студентка 1-го курса магистратуры факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газете «Новороссийский рабочий» и в журнале «Родная Кубань». Работает в «АиФ на Кубани». Живёт в Краснодаре.

ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» КАК «ОСТРОВ СВОБОДЫ» ДЛЯ РЕЛОКАНТОВ

В последние годы российская культура переживает значительные изменения, связанные с политической ситуацией в стране и эмиграцией многих творческих личностей. В информационный век стало очевидно, что на идейном фронте разворачивается не менее ожесточенная схватка, чем на полях боевых действий. И она ведется в том числе на страницах и сайтах периодических изданий.

Бойцами за справедливость становятся писатели и журналисты. Одни защищают русскую самобытность, государственность. Другие – либеральные и прозападные личности – трусливо убегают в другие страны. Однако, даже сбежав за границу, авторы-русофобы продолжают представлять определенную угрозу для русского общества и культуры в целом.

В этом случае способов влияния на массы много: личный блог в интернете, старые материалы, которые уже получили огласку в обществе или билет в «добродушные» журналы, которые, впрочем, принимают таких авторов с распростертыми объятиями.

Отметим, что в 2021 году президент России Владимир Путин ввел штраф за публикацию иноагентов без указания статуса [12]. По данным Минюста на 8 февраля 2024 года, число действующих запрещенных лиц в РФ – 569 [4]. Сейчас, вероятно, их больше. Только помогло это в итоге организовать культуру «отмены либеральных авторов»? Ведь сейчас не 1917 год, когда пропаганда передавалась только из уст в уста, через листовки, газеты и прокламации. Наяву существует интернет, который, как часто говорят пользователи социальных сетей, помнит все.

Так, радикально настроенные против России «мастера слова» находят пристанище в «толстых» демократических журналах. Такие периодические издания, как мы знаем, являются организаторами тех или иных литературных идейных и общественных групп. Ярким примером может стать журнал «Знамя» (главный редактор – Сергей Чупринин), который очень любопытно рассмотреть со стороны предлагаемых читателю персоналий.

Небольшая историческая справка. Журнал «Знамя» основан – в 1931 году. Изначально журнал назывался «ЛОКАФ» (Литературное объединение Красной армии и флота). С этого момента и по 1991 год оно было органом Союза писателей СССР, после – стало независимым. Однако на сайте напечатано многозначительное объявление: «Функционирует при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» [3]. Иными словами, перед нами своеобразный государственный «орган». Звучит более чем странно, если обратиться к дальнейшему анализу. Что же предлагает читателю Министерство цифрового развития в лице своего «независимого» журнала?

В карточке издания все, что нам нужно для анализа: «последовательное утверждение идеалов демократии и отечественного либерализма». И этому, не удивительно, редакция следует слишком хорошо...

В 2022 году Станислав Куняев, бывший главный редактор до 2023 года печально изменившегося «Нашего современника», написал в статье «В начале было слово...»: «А ведь когда я работал в 60-х годах в журнале "Знамя" при главном редакторе Вадиме Михайловиче Кожевникове и его заместителе Борисе Леонтьевиче Сучкове, русских авторов в каждом номере "Знамени" было не меньше половины, да и разделение на "патриотов" и "либералов" в те времена не было столь демонстративно катастрофическим» [6].

Подтвердить слова Станислава Куняева не составило труда. В номерах за 2024 год, выбранных по чистой случайности, мы можем найти ярких и скрытых релокантов-русофобов.

Так, над текстом о реакции Вознесенского на земле-

трясение в Ташкенте в январском номере журнала нам встречается Олег Лекманов*. Этого же автора мы можем увидеть в майском и сентябрьском выпусках. Журнал дает автору регалии «доктор филологических наук, профессор Университета им. Мирзо Улугбека» [9] и т. д. Здесь мы и обратимся к «всемогущему» интернету.

На первом же сайте выясняется, что в апреле 2022 года, после начала специальной военной операции, Лекманов* бежит из России в Грузию, затем перебирается в Узбекистан. В октябре 2024 года он получает заветный статус «иноагент».

Олег Андершанович* не активно, но стабильно ведет свой телеграм-канал, который прекрасно показывает политическое настроение одного из авторов журнала «Знамя».

Такой пост мы можем прочитать от Олега Лекманова*, провожающего 2022 год:

«Собственно, мое желание другое – чтобы так называемый президент Путин и его приспешники следующий Новый год встретили в тюрьме после пожизненного приговора Гаагского суда. А еще я, как все вменяемые люди, желаю победы Украине (а значит, в перспективе – и России) – мечтаю о том, чтобы в наступающем году все российские оккупанты до последнего были изгнаны с украинской земли (считая Крым)» [7].

А вот публикация уже за 28 мая 2023 года:

«Подлое государство РФ бомбит Киев в день его рождения. Но независимая Украина обязательно победит в этой войне, а это значит, что последний российский оккупант навсегда уберется с украинской земли, и из Крыма в том числе. Слава Украине!» [7].

Теперь, если сопоставить все даты, мы можем увидеть «прекрасную» картину. Олег Лекманов* в 2024 году публиковался в журнале «Знамя» три раза: в январе [9], июне [8] и сентябре [10]. Еще в апреле 2022 года он покинул Россию в связи с политической ситуацией, а в декабре 2022 года и в мае 2023 года он написал откровенно проукраинские тексты в своем телеграм-канале.

Стоит ли задаваться вопросом, почему издание, имеющее российскую аккредитацию, публикует и печатает иноагента, который прямым текстом называет народ нашей страны «подлыми», «оккупантами», «невменяемыми», а также пользуется аналогом фашистского приветствия?

Олег Лекманов*, конечно, понимает, за что ему присвоили статус «иноагента». Вопросы возникают к журналу. Разве редакция «Знамени», обязанная действовать в рамках российского законодательства, не должна проверять своих авторов на деятельность в Сети? Может, они публикуют автора намеренно, чтобы сохранить «идеалы демократии и отечественного либерализма»? Хорошо, тогда почему Министерство цифрового развития не контролирует деятельность своего «независимого» подопечного? Ответа на вопрос мы не получим, но как выявленный факт отметим. Займемся поиском дальше.

В февральском номере под наши критерии попадает и поэт, переводчик и эссеист Ольга Седакова [11]. Да, она выражает свою проукраинскую направленность менее резко, даже незаметно. Однако в ее биографии в интернете все же написано: «В марте 2014 года вместе с рядом других деятелей науки и культуры выразила свое несогласие с политикой российской власти в Крыму». Подтверждает эти строки интервью с поэтессой в независимом интернет-издании «Правмир», где, кстати, сказано, что она активно читала в детстве «икону украинского национализма» Тараса Шевченко.

«Неожиданный, шокирующий скачок, но скачок в ту же сторону, в какую шло движение, как я это видела. В сторону Беды – как у нас теперь часто называют то, что началось 24 февраля» [2], – утверждает Ольга Седакова.

В выпуске «Знамя» за март в разделе «Журнальная Россия» еще одна занимательная персона. Обратим внимание на Льва Тимофеева [14], про которого Сеть рассказывает, что он «российский писатель, журналист, ученый-экономист и общественный деятель». Аналогично с Ольгой Седаковой, Олегом Лекмановым* и Лев Тимофеев не согласен с тем, что Крым стал в результате референдума российским. Вот только статус «иноагент» писатель на данный момент не получил, что весьма странно, если обратиться к телеграм-каналу журналиста за 17 марта 2022.

«То, что названо "военной операцией", – тяжелый синдром инфекционной паранойи, при которой в бреду отрицается (и словом, и делом) существование государства Украина и украинцев как нации. Инфекция намеренно распространяется через экраны ТВ, и с ней – на Украине кровь, смерть, слезы, а в России – разруха, агрессия, отчаяние» [13], – пишет Лев Тимофеев.

Здесь, видимо, автор сам находился (или находится) в «бреду отрицания». В России как раз разрухи, агрессии и отчаяния нет. Мы видим, что только Лев Тимофеев страдает от «инфекционной паранойи» в голове, что вылилось в весьма неосторожные высказывания, которые по какой-то причине остались без должного наказания.

Последним автором в нашем списке станет Александр Иличевский, которого можно встретить в мартовском, апрельском, июльском, сентябрьском, а также в январском (2025 год) номерах журнала «Знамя» [5]. Как можно заметить, его персона встречается довольно часто. Обратимся к биографии.

В Сети сказано, что с 2013 года он проживает в Иерусалиме, в марте 2014 года выразил свое несогласие с политикой российской власти в Крыму и на востоке Украины, а в 2022 году – подписал уже известное нам открытое письмо.

Вишенкой на торте стало участие Александра Иличевского в октябре 2023-го в выпуске интернет-издания The Insider*, который Минюст России еще 23 июля 2021 года внес в список СМИ «иностранных агентов» (позже туда попал и главный редактора издания Роман Доброхотов*).

Посмотреть этот выпуск («Отмена» русской культуры, общество под анестезией, искусственный интеллект [1]) невозможно – на всех площадках он «заблокирован на территории Российской Федерации на основании решения Генеральной прокуратуры РФ». Однако уже по заголовку можно понять, в какую плоскость мог уйти разговор.

Какие выводы мы можем сделать на основе всего вышеизложенного? В нынешнем положении, когда каждый день наши солдаты отдают здоровье, время и жизнь в ходе спецоперации ради сохранения Русского мира, любое высказывание может стать сильнейшим оружием в пользу врага. Особенно, если слово способно оказать влияние на тысячи и миллионы читателей. Редакция журнала «Знамя» не считает своим долгом бороться с релокантами-русофобами, а наоборот, с радушием принимает их под свое крыло. Это уже, видимо, особая черта издания, выступающего под псевдонимом «российского» журнала при поддержке Министерства цифрового развития. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Александров, Н. «Отмена» русской культуры, общество под анестезией, искусственный интеллект / Н. Александров // The Insider*: [сайт]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Pa0Q3TXPimk

2. Данилова, А. О жизни в темные времена. Поэт Ольга Седакова / А. Данилова // Правмир: [сайт]. – URL: https://www.pravmir.ru/o-zhizni-v-temnye-vremena-poet-olga-sedakova/

3. «Знамя»: очерк истории // Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/history.html

4. Зубов, П. В Минюсте назвали число действующих в России иноагентов / П. Зубов // Газета.ru: [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/02/08/22293733.shtml

5. Иличевский, А. Париж – Дакар – Мехико / А. Иличевский // Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=9280

6. Куняев, С. В Начале было слово.../ С. Куняев // Родная Кубань: [сайт]. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_14623.html

7. Лекманов*, О. // Telegram. – URL: https://t.me/oleg_lekmanov/209

8. Лекманов*, О. «Попытка оправдания нелепой жизни» в стихотворении Евгения Рейна «В Павловском парке/ О. Лекманов// Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=9056

9. Лекманов*, О. Все движется любовью / О. Лекманов// Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=8902

10. Лекманов*, О. Как отличить поэта-шестидесятника от нешестидесятника? / О. Лекманов// Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=9148

11. Седакова, О. Дантову шагу вторя / О. Седакова // Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=8930

12. СМИ будут штрафовать за распространение информации об иноагентах без указания на статус // Интерфакс: [сайт]. – URL: https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/smi-budut-shtrafovat-za-rasprostranenie-informacii-ob-inoagentah-bez-ukazaniya-na-status

13. Тимофеев Л. // Telegram. – URL: https://t.me/s/levtimofeev

14. Тимофеев Л. Журнал «Референдум»: время прекрасных усилий / Л. Тимофеев // Знамя: [сайт]. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=8956

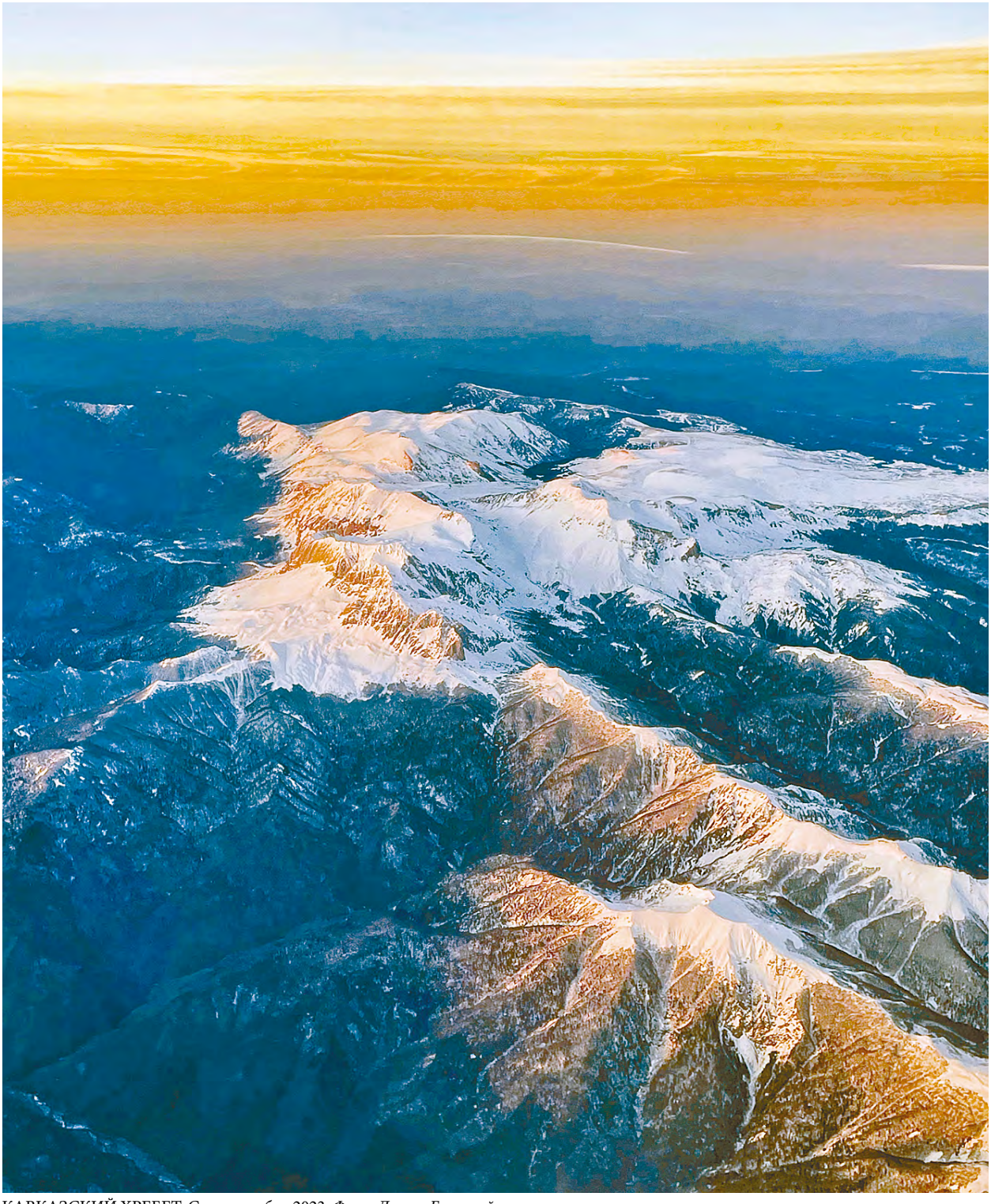
***** Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ. Приморско-Ахтарск, зима 2025. *Фото Дарины Игнатенко.*

КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ. Сочи, декабрь 2023. *Фото Дианы Галкиной.*

ГУЗЕРИПЛЬ, зима 2024. *Фото Елизаветы Баевой.*

АЮГСКИЕ ВОДОПАДЫ. Село Фанагорийское, весна 2024. *Фото Дарины Игнатенко.*

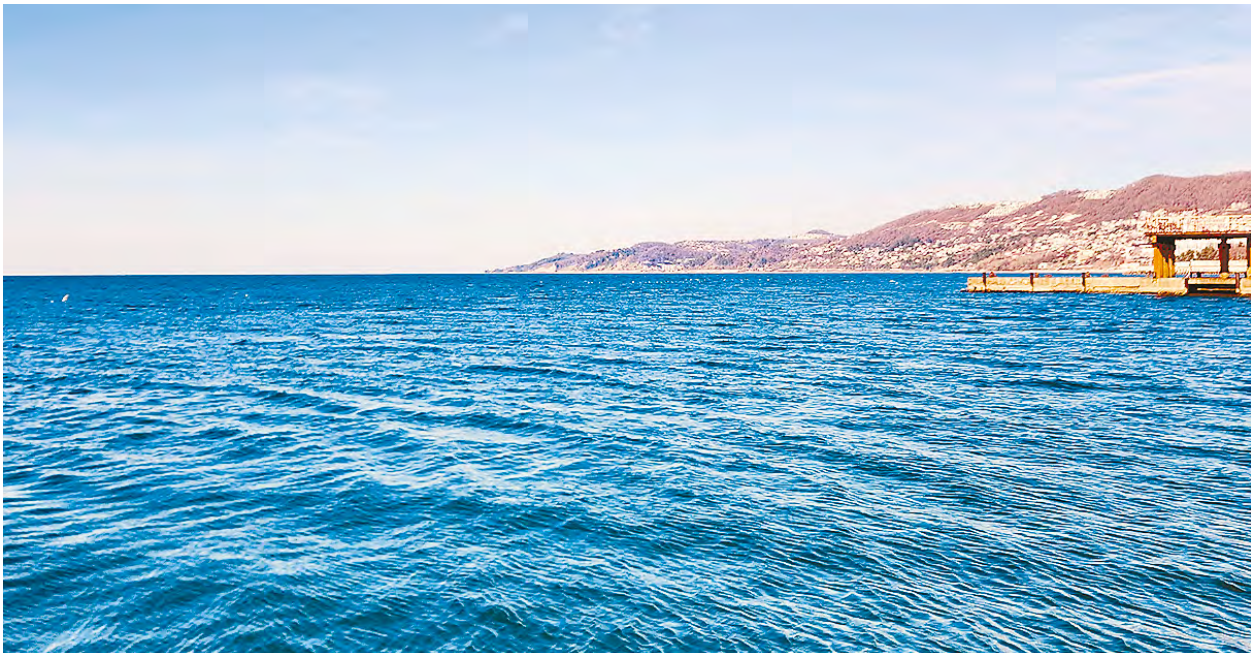
ТУМАННЫЙ ЛЕС. Гора Индюк, весна 2023. *Фото Дарины Игнатенко.*

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ. Приморско-Ахтарск, зима 2025. *Фото Дарины Игнатенко.*

Новороссийск, весна 2019. *Фото Ангелины Задорожней.*

Сочи, набережная на территории Заполярья, зима 2025. *Фото Елизаветы Баевой.*